

ЛЮДИ И СКОРОСТЬ

№ 14 июль 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ

БРИГАД.

АДРЕС: МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

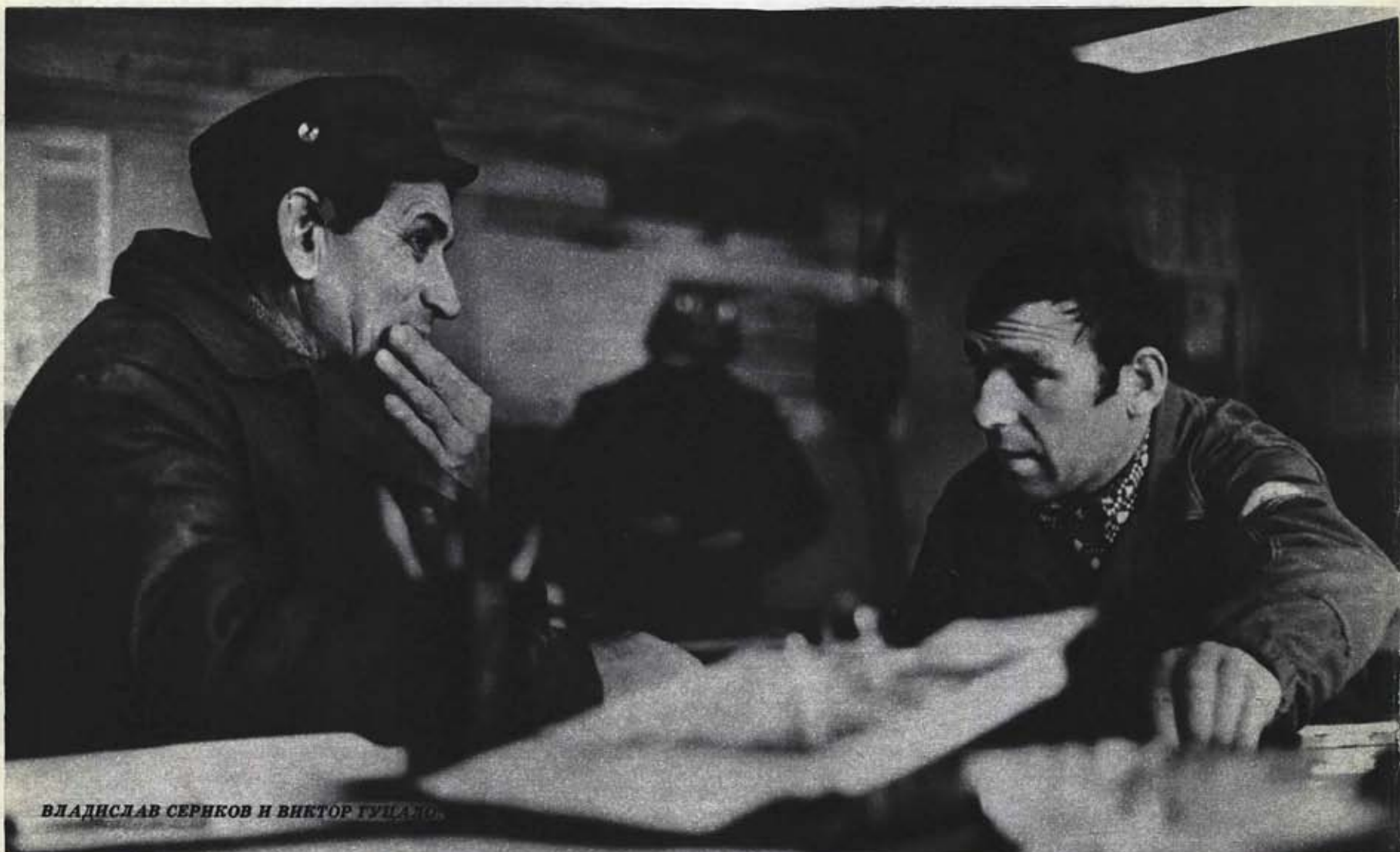
ОТРАСЛЬ: ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

В апреле этого года по инициативе коллектива треста «Мурманскпромстрой» представители двадцати семи организаций Мурманска — строители, монтажники, заказчики, поставщики металлоконструкций, автотранспортники — подписали между собой договор на социалистическое соревнование за досрочный ввод пусковых объектов в завершающем году девятой пятилетки. Многие объекты, указанные в договоре, будут построены при помощи бригадного хозрасчета. Мы использовали этот прогрессивный метод на строительстве Южной теплоцентрали города, работая в одной бригаде. Результаты, которых добился коллектив, навели на мысль, что настало время внедрить в строительных организациях коллективный бригадный подряд. Понятие «подряд» заключает в себе не только личную заинтересованность каждого рабочего в резуль-

татах своего труда, не только развивает творческую активность каждого члена бригады, — подряд воспитывает, меняет внутренний облик человека. Мы гордимся тем, что выработка в натуральных показателях в нашей бригаде выросла по всем видам работ. Например, в нашем СМУ выработка на бетонных работах составила 1,6 кубометра, а в бригаде — 2,3 кубометра. Гордимся мы и тем, что в коллективе за последние годы не было случаев нарушения трудовой дисциплины, что все члены бригады проявляют живой интерес к развитию движения наставничества; шефствуют над учащимися школы № 44 и ГПТУ № 14 Мурманска.

В начале этого года в управлении создано еще два хозрасчетных коллектива. И теперь на строительстве объектов северной промзоны города трудятся три бригады. От имени своих коллективов мы заверяем, что строители с честью выполнят свои социалистические обязательства в завершающем году девятой пятилетки. И призываем всех строителей работать по-зобински, развернуть в своих управлениях движение за коллективный подряд. Завершающий год пятилетки требует от нас мобилизации всех сил, творческого подхода к решению производственных задач. Финиш девятой пятилетки — это старт десятой. Это надежный фундамент могущества нашей страны.

**Бригадир СМУ-2 треста «Мурманскпромстрой»
Владислав СЕРИКОВ, Герой Социалистического Труда,
Виктор ГУЦАЛО, кавалер ордена Ленина,
Владимир ГЕРАСИМОВ, кавалер ордена «Знак Почета».**

ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ И ВИКТОР ГУЦАЛО.

Леонид ФРОЛОВ. Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены».

РОСТ

Этого разговора Сериков ждал давно, вполне был готов к нему, но начальник второго строительного управления треста «Мурманскпромстрой» Анатолий Михайлович Коновалов возьми да и поверни беседу совсем в другое русло.

— Читаю вот социалистические обязательства вашей бригады, Владислав Пахомович, — сказал Коновалов, когда бригадир вошел в кабинет. — Помните, что в них записано?

Таким тоном был задан вопрос, что Сериков сразу догадался, куда клонит начальник. Конечно же, помнит, какой разговор. История в двух словах такая. В управлении решили строить семьдесят процентов объектов, прибегнув к методу бригадного хозрасчета, который иначе называют зобинским. Подряд можно доверять лишь квалифицированным стро-

ителям. И вот знаменитая сериковская бригада обязалась выделить двадцать человек — костяк для создания нового коллектива.

— Помните? — переспросил Коновалов, а глаза впери в листок обязательств, будто впервые читал.

— Помню, — отозвался Сериков. — Совет бригады постановил, двадцать человек мы отдаем, как обещали.

— Не это главное, Пахомыч, — сказал Коновалов. — В новую бригаду крепкий бригадир нужен. Объект выпадает ей трудный...

— Да, — согласился Сериков. — Хлебокомбинат возводить нелегко будет. Там один фундамент испугать может, скалу рвать, шутка ли, какой это грунт.

— То-то и оно, — сказал Коновалов и повторил: — Бригадир крепкий нужен. Давай, Пахомыч, бригадира. Вот тут-то Сериков и осекся. Не растерялся, нет, это такой человек, который чувства растерянности не

признает, и ответ у него уже был готов на эту просьбу начальника, но именно потому, что готов был ответ, сердце на какой-то миг сжалось, тоска его коснулась и непроизвольно вырвалась у него фраза, которой он попытался защититься:

— Из моих добрый десяток сумеет самостоятельно бригадирствовать. На хвастаю, вы же знаете.

— Знаю,— сказал начальник и категорически отрезал: — Но вы нам конкретную фамилию назовите.

А Сериков подумал: «Ведь тут дело престижа, бригада-то, считай, наша, значит, сработала она должна хорошо». И, справляясь со всеми своими противоречивыми чувствами, которые охватили его в эту минуту, он решительно выдохнул:

— Гуцало нужно ставить бригадиром.

Начальник подумал и сказал:

— Хорошо, присылайте его ко мне.

А Виктор Гуцало, заместитель бригадира, был в это время на строительной площадке мясокомбината. Там Сериков его и нашел. Наружность у Гуцало ничем не примечательная. Росту он невысокого, в плечах не широк, на вид ему тридцать лет никак не дашь, впрочем, за тридцать Виктор совсем недавно шагнул, хотя давно уже у Серикова правой, как говорится, рукой считается. Лицо у него выразительное: глаза отчетливо передают состояние души — они бывают веселыми и гневными, задумчивыми и решительными, добрыми, озорными, печальными, но никогда не бывают равнодушными его большие темные глаза. Губы у Виктора резко очерченные, волевые, лоб высокий, подбородок твердый.

Владислав Пахомович несколько лет назад взял дневник вести. В 1973 году о Гуцало появилась такая запись: «Парень твердый, упрямый. Любит и умеет командовать. Умеет зазачь людей. Всегда говорит правду в глаза. Не всем из начальства нравится (собственно, как и я). Рабочие его уважают. Много читает много знает. Перспективы неограниченные».

А через несколько месяцев появилась такая запись: «Виктора наградили орденом Ленина». А еще через некоторое время: «Гуцало заметно вырос за этот год».

Пахомыч пересказал Виктору свой разговор с Коноваловым, сказал, что тот ждет Гуцало для беседы, но прежде, чем отпустить, советами его засыпал — как держаться с начальником, что для новой бригады просить. Гуцало же — сам с усам — слушает и свое думает: кого в новую бригаду взять. А Сериков вдруг:

— Витя, если что, ну, там сомнения какие, так ты откажись. Слова никто не скажет поперек.

У Гуцало бровь дугой.

— Ладно,— сказал он, нетерпеливо сбивая шапку на затылок.

Внутренне Гуцало чувствовал себя готовым к бригадирской должности, и все, кто с ним сталкивался в эти дни, оставались уверенными: потянет. Коновалов ему сказал:

— Как договаривались, можешь брать из бригады Серикова двадцать человек. Вот еще тебе список — из этих ста пятидесяти любого выбирай.

Вот тут неожиданно для себя столкнулся Виктор с первой трудностью. Многие просились к нему в бригаду, в основном молодежь, но сериковцы в эти дни старались избегать встреч с Гуцало. Он не сразу это понял, дел было по горло, пятьдесят человек надо было отобрать, определить, что это за работники, разъяснить каждому задачу — и все за пять дней. На шестой бригада должна быть на объекте. С сериковцами он намеревался в последний момент поговорить, всех он тут знал, заминок вроде бы не предвиделось. Настал этот

последний момент. Гуцало как раз искал опытных монтажников. И нате вам. Подошел к Кузнецову.

— Пойдешь ко мне в бригаду, Евстафий?

А Евстафий мнется.

— Мне такие монтажники, как ты, во как — позарез... — продолжал Гуцало и, видя, что Кузнецов энтузиазма особого не проявляет, веский аргумент выставил: — Ты сейчас по четвертому разряду работаешь?

— По четвертому, — сказал Евстафий.

— Иди ко мне в бригаду — пятый разряд будет. Ты мое слово знаешь.

Пятый разряд на севере это, скажу вам, рубеж еще какой. Сам Сериков по четвертому работает, а во всей его бригаде из семидесяти человек только у двоих пятый разряд, а уж работники есть, как говорится, золотые руки.

Евстафия предложение Виктора соблазняло, но он решил быть осторожным. Сказал, не отказываясь, но и не обнадеживая, куда там дипломатам:

— Это, понимаешь, обмозговать надо.

Гуцало острым взглядом в лицо Евстафию стрельнул, разгадывая, что там у него на душе, а Кузнецов этот взгляд невозмутимо встретил, и Гуцало сказал отрывисто:

— Обмозговывай. Завтра спросу.

И пошел своей дорогой. А Евстафий вслед ему смотрел, и, обернувшись сейчас бригадир, он бы прочел ответ в насмешливых кузнецовских глазах: «Нема дураков, Витя. При Сериково-то ты орел, а сам по себе еще неизвестно, на что годишься. Разряд, оно, конечно, хорошо, а осилите ли вы подряд, вот где собака зарыта. А то ведь и с разрядом можно на бобах остаться».

Но не обернулся Гуцало. Впрочем, понял он Евстафия, когда назавтра подошел к нему спросить, что он обмозговал. Тот вокруг да около колесил, стеснялся в открытую свои опасения высказать, но Гуцало не вчера родился, нетрудно ему было догадаться, почему отказывается Кузнецов идти к нему в бригаду. Ясное дело, лучше рубль в кармане, чем журавль в небе. А жаль, монтажник-то Евстафий первоклассный. И не удержался Виктор, вспылил и со злостью сказал:

— Понятно, Евстафий. Ошибся я в тебе. Ты мне не нужен, Евстафий. Запомни, просить ко мне будешь — не возьму. Ты меня знаешь.

И разошлись они: Кузнецов облегченно, а Гуцало с неприятной тяжестью на сердце. Тут-то и пришла ему в голову мысль: никого не забирать из бригады Серикова. Кто же по доброй воле уйдет от Пахомыча? А если не по доброй воле, так это только морока одна. Так он и поступил. А Пахомыч, в неведении пребывая, недоумевал, что это Виктор резину тянет, не берет у него людей. Разыскал его, спросил, объяснение услышал, задумался, головой покрутил: гордый ты, Витя, человек. И согласился:

— В принципе ты прав. Начинать надо с нуля. — Вдруг воспоминания его захлестнули, и он спросил: — Помнишь, как у нас на первых порах было? Многие ли в подряд поверили? Раз-два — и обчелся. Инженеры не верили, не то что рабочие. А теперь... — Сериков запнулся. — Кое-кто тоже с оглядкой, не один Евстафий. Мол, это Сериков такой пробивной. А вот ты, Витя, и докажи. Всем докажи, что дело-то не в Серикове, а в методе, отстаивая который мы столько сил ухлопали. Я так полагаю, что в Мурманске ты самый молодой бригадир из подрядчиков. Это очень важно. И опростоволоситься тебе никак нельзя.

— Это точно, — подтвердил Виктор

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 14 (1156)   **ИЮЛЬ**   1975

Наша обложка:
конструкторы скорости.

Фото Николая
АКРИТОВА и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

1 ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СОРЕВНОВАНИЯ: ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.
Леонид ФРОЛОВ. Фото Альберта ЛЕХМУСА. «РОСТ».

4 Евгений РЯБЧИКОВ. «КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ
XX ВЕКА».

7 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Линз ТАРХОВА. «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ВХОД В
САПОГАХ ВОСПРЕЩЕН».

9 УРОКИ ЖИЗНИ.
«РУССКИЙ ЛЕС». Диалог писателя, секретаря правления
Союза писателей РСФСР Виля ЛИПАТОВА и академика
Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени
В. И. Ленина Николая АНУЧИНА.

11 СТИХИ Микаэла РАШИДА.

12 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ.
Николай АКРИТОВ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ. «ВСЕ ЧЕТЫРЕ
КОЛЕСА».

16 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Геннадия СЕМАРА «АВГУСТОВСКИЕ ЯБЛОКИ».

20 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ. Статьи Николая РЕРИХА.

24 Василь БЫКОВ. Киноповесть «НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА».

27 СТИХИ Сергея МНАЦКАНЯНА.

28 ТОВАРИЩ ПО КЛАССУ.
Валентин ЧИКИН. «БОРГАТО РОССО».

30 ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной прессы.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь],
Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середя, С. С.
Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1975 г.

СМЕНА

и добавил: — Я, Пахомыч, хочу твою бригаду на соревнование вызвать.

— А? — Сериков удивился, не сразу нашелся с ответом, не ожидая от такой прыти от своего ученика.

Виктор заторопился с объяснениями, чтобы его наставник на самом деле не решил, что он хватил через край.

— Понимаешь, это стимулом будет для моих ребят: не с кем-нибудь будут соревноваться, а с бригадой Серикова! Между прочим, я им эту мысль о соревновании уже подкинул.

— Ну, ты даешь, — усмехнулся Сериков, как бы он ни любил Виктора, как бы ни гордился им, но где-то в глубине души задето было собственное самолюбие. — Ну, и что же твои орлы?

— А ничего. Сначала ошалели, вроде тебя. Потом оправались, расхрабрились, вызываем, голосуют, Серикова. — И Гуцало не удержался, свою сокровенную мысль высказал, которая родилась у него в эти дни и не давала покоя: — Хочется мне обскакать тебя, Пахомыч.

— Давай, — подбодрил его Сериков.

— Вот посмотришь, я это сделаю, — выпалил Гуцало, краснея.

Что задало хлопот Виктору, так это погода. Тяжкий выдался январь, сплошная нервотрепка. То заметелит — спасу нет, то мороз вздумает проверять, хорошо ли задувала кожа у строителей или не знают они еще, что такое шестьдесят девятая параллель. Виктор извелся, придумывая, как бы перехитрить капризы зимы. Плюс полярную ночь. Эх, прижало так прижало, со всех сторон.

Гуцало сразу все карты перед бригадой выложил: подряд у них такой — до 15 августа освоить 450 тысяч рублей на строительстве первой очереди хлебокомбината. Предстоит сделать подсилованный этаж элеватора, трансформаторную подстанцию, приемное устройство для зерна, железнодорожные весы и железную дорогу. Со старшим прорабом Жаном Ивановичем Курдашем, человеком сведущим и заинтересованным в бригадном подряде, прикинули: ежемесячно надо осваивать по 75 тысяч рублей, выработку держать на уровне 132 процентов. В таком случае бригаде будет выплачено 39 тысяч рублей зарплаты плюс 18 тысяч рублей премии, без малого по девяти рублям в день на брата. Кто скажет, что это плохо? Словом, фронт работ есть, перспективы известны, одного нет — погоды. А ждать у Кольского залива погоду — занятие бесполезное.

Конечно же, Гуцало не сидел сложа руки. Из того многолетнего опыта, который он получил, работая рядом с Сериковым, черпал он теперь ежедневно приемы, примеры, слова, словно живительную влагу из нескончаемого источника. Сколько раз он говорил строителям:

— Если мы хотим чего-нибудь добиться, соревноваться с ребятами Пахомыча, мы должны у них поучиться.

По квалификации с сериковцами у Гуцало могли сравниться человек семь-восемь. Но весь секрет успехов сериковской бригады не столько в профессиональном мастерстве рабочих — уж кто-кто, а Виктор знал, какие «спецы» у них были поначалу, — секрет в здоровом духе, в особенном уважении к своему труду. Вот о чем должен в первую голову печься бригадир. А мастерство, что ж, мастерство всякому известно: не боги горшки обжигают, вырастет оно, мастерство, если почву для него подготовить.

Вот он приметил наметанным взглядом — каменщики пользуются обычными мастерками, а мастерки эти, он на собственном опыте знает, неважные, в работе неудобны, ломаются быстро. У Серикова в бри-

гаде другими работали — ковали из рессорной стали. Универсальный мастерок кирпич ровнехонько расколет при нужде, арматуру рубит за милую душу. Оно вроде бы и незаметно, а производительность труда растет. Но нет пророка в своем отечестве: у Серикова в бригаде эти мастерки уже несколько лет применяют, секрета из этого не делают, наоборот, делегации приезжают, обязательно выпрашивают такие мастерки, на Урал увозят, в Сибирь, а тут каменщики своего же управления мимо проходят. Что это, равнодушные? Или лень в кузницу навесть? Гуцало каменщикам свой инструмент показал, дал попробовать, каков он в деле. Понравилось, себе такие же мастерки понаделали.

Но мастерок — это деталь, штрих между делом. А дело такое Гуцало задумал: создать в бригаде совет. Как у Серикова.

Совет бригады — это гордость Пахомыча. Идея его такова: совет избирается каждые полгода, в него может войти любой член коллектива, исключая бригадира и его заместителя. Все, чем живет коллектив, находится в поле зрения неусыпного ока совета: распределение премий в соответствии с коэффициентом трудового участия, вынесение выговоров, отчисление из бригады и прием в нее, контроль за деятельностью наставников в подшефных классах и группах ГПТУ и т. п. Быть избранным в совет — большая честь, и люди, попадая в него, внутренне меняются, лучшие качества проявляются в них.

Был такой случай. Работал у Пахомыча Николай Яковлев — лучшим каменщиком считался, ничего не скажешь против его умения. А характером забубенный человек, прогулять, поругаться с кем попало — это хлебом не корми. Прозвище ему дали «железная рука». Слабые под его влияние попали, глазом не успевая моргнуть. Словом, управы не было на человека. Тут как раз совет организован. И к «железной руке», к Яковлеву этому, отношение стало меняться. А тот свое продолжает гнуть. Кончилось тем, что совет постановил: «Уволить Яковлева из бригады за неуважение к коллективу». Конечно, бригадир давным-давно мог бы подать докладную и избавиться от нерадивого рабочего, но он ждал, когда каждый член бригады своим умом дойдет до того, что с Яковлевым им не по пути. И дождался этого.

Вот такое же высокое сознание хотел воспитать в своих подопечных и Гуцало. На очередном собрании Виктор рассказал о деятельности совета в сериковской бригаде, предложил создать такой же. В совет ввели семерых. Председателем избрали Владимира Донцова, комсомольца, плотника, вчерашнего солдата. Гуцало понимал, что ему предстоит учить и Донцова и других членов совета быть хозяевами на стройке.

Пока это не получалось, но бригадир не отчаивался. А вот по другому поводу было приуныл: в первый месяц с планом не справились и семидесяти процентов не натянули. Кое-кто подумал: подряд не всякому по плечу, посмотрим, чем эта затея с назначением Гуцало кончится, не обернется ли она боком.

Серикова подобные сомнения раздражали, а впрочем, чем черт не шутит, он решил прозондировать, какое у его подопечного настроение, чем он дышит. Встретил Виктора, о положении дел расспросил, понял, что причин для особого беспокойства нет, но на прощание, чтобы подзадорить парня, сказал:

— Если что, ты помни наш уговор, у нас для тебя место всегда найдется.

РИТМЫ СТРОЙКИ.

— Да ты что, Пахомыч! — вскинулся Гуцало. — Я к тебе уж ни за какие пироги не пойду, что бы там ни случилось. — И, остывая, пообещал: — Мы вас все равно обскачем, вот увидишь.

И тут как раз пришло первое настоящее испытание для бригады и его бригады. Пора было бетонировать фундаменты под силосные башни. Собственно, фронт работ готов не полностью, но время не ждало, и без того они выбились из графика. Виктор по собственному опыту знал, надо начинать, пойдет бетон, тут уж поневоле придется налесть на фундаменты. Но это был риск. Неизвестно, справятся ли люди! Но когда-то же надо испытать, кто из них на что способен. Сериков был рискнул.

Виктор попросил Донцова собрать совет. На совете обрисовал обстановку, Леня Волков, Михаил Вахтин, Николай Трошков поддержали его потому, что за их плечами опыт, им известно, что их ждет. Хорошо. А те, кто помоложе, выпускник ГПУ Федя Егоров или девятнадцатилетняя Лариса Ульяновская, кстати, студентка строительного института, поддержали потому, что тянулись за теми, кто поопытнее. Замечательно!

— Значит, я заказываю на завтра бетон, — сказал Гуцало и подумал: «Лишь бы погода не подкачала».

А кто-то, словно мысли бригады прочитал, произнес эти слова на всю бытовку.

Телефон находится в прорабской Геннадия Михайловича Кузнецова. На этом участке работает бригада Серикова. От строительной площадки хлебокомбината до строительной площадки мясокомбината ходьбы две минуты. Перед тем как войти Гуцало в прорабскую, между Сериковым и Кузнецовым такой разговор шел.

— Ты когда заявку на бетон думаешь подавать, Владислав Пахомыч? — спросил Кузнецов.

А Сериков был в курсе, что Гуцало намеревается бетонировать. Он так и ответил, мол, после Виктора.

— Ну-у, — протянул старший прораб. — Это долгая история. Он там запурхался. Нет, ждать его нечего. Пусть у него сейчас голова лучше и не болит о бетоне.

И тут как раз вошел в прорабскую

Гуцало. Поздоровался — все, как полагается, — и к телефону.

Звонишь и звони себе. Кузнецов было в наряды уткнулся, но вдруг услышал, Гуцало бетон заказывает, голову поднял, лицо вытянулось, ушам своим не верит.

— Неужели ты монолитить собрался? — спросил осторожно Геннадий Михайлович, когда бригадир трубку на рычаг положил.

— Завтра начнем, — ответил Виктор и улыбнулся облегченно. Так улыбаются, приняв важное решение, отбрасывая всякие колебания.

— Ну, тогда вы герои, — только и нашел, что сказать старший прораб.

На следующий день начал поступать бетон, и это была настоящая работа. О перекурах забыли. Отдыхали, лопат из рук не выпуская. Мороз усердствовал, а одежда от пота взмокла, хоть выжимай. Витя Бирюков, уж на что виды выдывал человек, огонь, воду и медные трубы прошел, можно сказать, и тот не выдержал, на мерзлую землю плюхнулся, сухим языком облизал губы и просипел, тяжело дыша:

— Никогда так не вкалывал. Век не забуду этот хлебокомбинат. — И спросил: — А ты, бригадир?

— Было дело, — не сразу ответил Гуцало. — Это когда южную теплоцентраль сдавали. По 200 кубов в смену укладывали. Все с себя поскидали, в одних майках остались. А уж сентябрь был.

Сентябрь. В Заполярье! Бирюков поежился, поднялся и давай лопатой орудовать. Молча, какие тут могут быть разговоры! А бетон все шел и шел, и казалось, никогда не кончится иступленное мелькание лопат.

1200 кубов монолита уложила бригада в марте. А ведь, и кроме бетона, заботы были. В конце месяца итог подбили: 111 тысяч рублей освоили, сорок человек было на выходе. А планировали, вспомним, 75 тысяч. Гуцало собрал бригаду и первый раз похвалил. Было за что. А вообще-то похвалы рассыпать на первых порах Сериков ему не советовал. Кто-то заинтересовался:

— От Пахомыча мы намного отстали?

— Там выполнение, будь здоров, — ответил Гуцало, он и свои и Пахомыча показатели знал назубок, — 191 процент они дали.

— Эге-ге! Вот и соревнуйся с ними.

Да, тут только руками остается развести. Ну, ничего, зато второе место его бригада прочно держит. Гуцало в этом не сомневался. А там, конечно, что заседание постройкома покажет. Ждать недолго осталось.

Получилось так, что Серикову пришлось задержаться на объекте и на заседание постройкома он не пошел. Зато Гуцало увидел, что из сериковцев здесь партгруппорг Николай Иванов и Анатолий Жариков, председатель совета бригады и профгруппорг. Виктор приветливо им кивнул, неподалеку пристроился.

Началось заседание. Гуцало с нетерпением ждал, когда объявят бригаду-победительницу в социалистическом соревновании за первый квартал. Услышал — фамилию Серикова называют, дескать, самая высокая у его бригады выработка и тому подобное. Все ясно, кто же спорит. Гуцало даже усмехнулся, подумал про себя: наивный человек, рано еще тебе с Пахомычем тягаться. И вдруг до сознания дошло, что названа его фамилия и все на него смотрят, повернулись к нему лица как по команде.

Что такое? Его бригаде первое место?

Ну да, первое! Вон Иванов нахмурился, не им присудили. Да не может же этого быть, хоть через левое плечо плюй, чтобы не сглотить! Нет, все верно. Ах, ну как это он забыл! Все показатели бригады Серикова он помнит, ревностно за этим следил, со своими сравнивал, а одно упустил из виду. За его друзьями числится случай нарушения техники безопасности. Вот в чем загвоздка! Поэтому бригаде Серикова присуждено второе место, а его — первое!

Виктор представил, как сообщит завтра эту новость своим ребятам, и усидеть на месте больших усилий ему стоило, он даже вперед подался, смущаясь, что не может совладать с нахлынувшими на него эмоциями.

«Интересно, — мелькнула у Виктора мысль. — Как Пахомыч отнесется ко всему этому? Все-таки обставил я его».

Сериков узнал эту новость вечером. Заглянул в нормативно-исследовательскую станцию главка, к своему старинному товарищу Игорю Щупа-Дуброве, и здесь ненароком услышал о решении постройкома. Для Щупа-Дубровы это известие тоже было неожиданностью. Кстати, об этом человеке нужно поподробнее рассказать, чтобы понять, что он во всей этой истории не постороннее лицо. Игорь Федосеевич Щупа-Дуброва, автор широко известной методики планирования показателей работы подрядной бригады на основе ДНВ — дифференцированной нормативной выработки. Эта методика восхищает специалистов своей четкостью и логической силой. Вот он-то и стоял вместе с Сериковым у колыбели бригадного подряда в Заполярье. Уж кто-кто, а Щупа-Дуброва прекрасно знает характер Пахомыча. Ему большого труда не составляло догадаться, какая буря страстей разыгралась в душе Серикова, когда он услышал о победе Гуцало. Он поглядывал на Пахомыча, который предался своим размышлениям, ждал, когда тот заговорит, и лукаво улыбочку в щелочках усов прятал.

Серикова действительно заело за живое, и взвырвали в нем противоречия: не привык он никому уступать, но, с другой стороны, Витя Гуцало — его ученик, продолжатель его дела, можно сказать, чего ж тут ерепениться?

Не выдержал Щупа-Дуброва, спросил:

— Чего молчишь, Владислав Пахомыч?

— Нельзя помолчать, что ли? — буркнул Сериков. — Думаю, вот и молчу. — И после паузы продолжал: — Видал, какие они? Я сейчас Бориса Борисова потихоньку готовлю в бригады. Побудет еще у меня заместителем и самостоятельно пусть берется за подряд. А там за Иванова возьмусь. Тоже, небось, захотят меня за пояс заткнуть. — Опять помолчал и, уже окончательно утихомирив свое «я», добавил: — А Гуцало — молодец, чего там говорить. Я ему скажу, что он молодец.

И мысль мелькнула у него в голове, что победа Виктора — это ведь его, Владислава Пахомовича Серикова, победа.

ЖИЗНЬ — КОСМИЧЕС

Евгений РЯБЧИКОВ, писатель, член редколлегии журнала «Смена».

Вселенную заливал нестерпимо яркий свет. Вселенная жила гигантскими туманностями и несчетными мириадами пылающих звезд. И все эти туманности и галактики оставались где-то далеко в бездне Вселенной, американский астронавт Ричард Д. Пруэтт завершал свой полет и готовился к возвращению на Землю. Родная планета была уже совсем рядом, как вдруг смерть постучала в люк корабля. Красные сигналы тревоги оповестили Пруэтта: на корабле испортились тормозные двигатели. Астронавт стал пленником орбиты. Когда у него кончится запас кислорода, наступит смерть.

Таков острый сюжет романа «В плену орбиты» американского писателя Мартина Кейдина, на основе которого был создан нашумевший игровой фантастический фильм. Ричард Д. Пруэтт — в романе и фильме — идет помощи с Земли, но ее не было. Жесточайший ураган бесчинствовал над Флоридой и старт спасательных речей откладывался с часу на час. Между тем кислорода в баллонах у Пруэтта оставалось все меньше. В эти трагические минуты рядом с обреченным космическим кораблем Ричарда Д. Пруэтта появился советский космический корабль «Восток-9». Советский космонавт Андрей Яковлев, прилетевший на помощь американскому астронавту, просигнализировал ему лучом мощного бортового прожектора: «Иду на помощь!». Но как спасти Пруэтта в мире губительного вакуума, загадочной невискомотности, убийственных излучений? Советский и американский корабли оказались различными по своей конструкции, у них было различны все системы связи, сближения, различные стыковочные узлы, различна атмосфера в кабинах. При подобной несовместимости исключалась любая возможность спасения пленника орбиты.

Роман и фильм заставляли острою проблему, мучившую ученых и инженеров: как выручить исследователя космоса в случае, если они окажутся в бедственном положении?

Советские люди не раз приходили на выручку зарубежным летчикам и морякам, спасали экипажи и пассажиров самолетов и морских судов. В эпоху широкого освоения космоса актуален вопрос и о спасательных операциях на орбите. Но как идти на помощь, если космические корабли СССР и США несовместимы?

Для наглядности сошлись на примере земной пример: на пограничных железнодорожных станциях, через которые идут поезда из СССР в страны Западной Европы — Брест, Мюнхен, Париж, — сходится внешне похожие рельсовые пути, однако колес их разные и поезда не могут прямо переходить с одной колесной на другую. Более узкая колесная со стороны Западной Европы, а более широкая — из Советского Союза. Поезд, прибывший с запада, из Мюнхена, не может прямо следовать в Варшаву или в Берлин, в София или Прагу. Для того, чтобы он продолжил свой путь, производится смена колесных тележек.

Поэт подмечает: при желании люди всегда могут найти нужные технические решения.

А в космосе?
В наши дни космонавтика подняла земную цивилизацию на качественно новую ступень, оказала мощное воздействие на науку, технику, культуру и искусство. Космонавтика стала одним из главных рычагов научно-технического прогресса. Все чаще выводит на орбиты пилотируемые корабли и станции, и вся логика развития космонавтики потребовала минимально обезопасить полеты человека в космическом пространстве, создать условия, при которых космонавты кораблей разных стран смогут бы прийти друг другу на помощь. Но эта гуманный задача — означение взаимопомощи в космосе — стала лишь частью всеобъемлющей проблемы объединения сил и средств разных стран в исследовании и освоении космического пространства, и правде всего в призывах космоса земной мира.

В наши дни глобального масштаба программы исследования и освоения космоса требуют колоссальные материальные вложения и максимальная отдача творческих и производственных усилий огромных коллективов.

Инициатором развития международного сотрудничества в исследовании и освоении космического пространства в мирных целях стал Совет-

ский Союз. В содружестве с учеными и специалистами Венгрии, Болгарии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии советские ученые, конструкторы, специалисты проводят большую работу по программе «Интеркосмос». За последние годы сложились дружеские контакты советских ученых с исследователями космоса Франции и Индии. Естественно, возникла потребность установить деловые взаимоотношения между учеными и специалистами — исследователями космоса — Советского Союза и США. Но путь к этому оказался не прост. «Холодная война», развязанная агрессивными кругами, задержала на годы построение здания мира и помешала единению сил для совместного исследования космического пространства во имя счастья людей на Земле. Агрессивные, реакционные круги пытались с позиции силы навязать народам и странам такой порядок, который в корне противоречил бы интересам человечества. Это вызвало невиданную гонку вооружений с использованием новейших научных достижений и не раз подводило мир к грани новой катастрофы.

Сейчас человечество живет в новой, более благоприятной обстановке. Одним из важнейших свидетелей коренных перемен в мире является намеченный на 15 июля 1975 года совместный полет космических кораблей СССР и США типа «Союз» и «Аполлон». История этого полета, а следовательно, начинается с того дня, когда стартовал первый в мире искусственный спутник Земли, открывший космическую эру. Следом за ним проложил первую тропу к звездам Юрий Гагарин. Уже тогда советские ученые и космонавты стали прилагать усилия к тому, чтобы исследование в космосе носило только мирный характер.

Встречи советских и американских ученых, специалистов, космонавтов и астронавтов подготовили основу для заключения Соглашения между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Этим Соглашением от 24 мая 1972 года была определена и конкретная цель общей программы работ — провести летом 1975 года совместный полет со стыковкой на орбите кораблей типа «Союз» и «Аполлон», с взаимным парадом космонавтов и астронавтов из корабля к кораблю.

И вот мы стоим на пороге космической Одиссеи XX века.

15 июля 1975 года советский космический корабль «Союз», пилотируемый Байконур, выйдет на орбиту. Через семь с половиной часов после его старта начнет свой полет американский корабль «Аполлон», стартующий с космодрома имени Дж. Кеннеди на мысе Канаверал во Флориде. Экипаж корабля «Союз» подготовит так называемую «монтажную орбиту», на которой встретятся и состыкуются корабли. Соединившись, они образуют первую в мире международную пилотируемую космическую экспериментальную станцию. Уже сейчас, в преддверии «старта века», можно с уверенностью говорить, что совместными усилиями решены весьма сложные технические задачи, преодолены все трудности, стоявшие на пути и высокой цели. Для осуществления сближения и стыковки пилотируемых космических кораблей разных конструкций потребовалось выполнить три основных условия. Первое: обеспечить совместимость стыковочных агрегатов — всех устройств, непосредственно сопрягающихся при стыковке. Стыковочные агрегаты должны быть универсальными, или, как принято говорить, андрогинными, чтобы каждый корабль мог очелзть помощь другому кораблю. Второе: осуществить совместимость всех средств, обеспечивающих полет и сближение космических кораблей. Третье: создать совместную атмосферу в жилых отсеках космических кораблей.

Все эти условия выполнены. Крупные творческие коллективы советских и американских ученых и специалистов создали новый стыковочный агрегат, обеспечивающий стыковку кораблей «Союз» и «Аполлон», создали совместные системы связи и жизнеобеспечения. Достаточно одного примера, чтобы представить всю сложность выполненной работы. Советские космонавты дышат в «Союзе» «чистым воздухом», мало чем отличающимся от воздуха в наших квартирах, а американские астронавты дышат чистым кислородом. Давление воздуха в «Союзе» — 750—800 миллиметров ртут-

НАЯ ОПАСЕЯ

Рисунки: Михаил ПАПКОВА

ного столба, а в «Аполлоне» — при наличии чистого кислорода — 260 миллиметров ртутного столба. В этих условиях советский космонавт не может сразу перейти из «Союза» в «Аполлон»: азот, растворенный в его крови, начнет бурно выделяться, и пузырьки закупорят кровеносные сосуды. Ученые и специалисты Советского Союза и США для обеспечения безопасного перехода космонавтов и астронавтов из корабля «Союз» в «Аполлон» с другим газовым составом атмосферы и другим давлением решили создать особый переходной отсек — шлюзовую камеру, которая и позволит осуществлять постепенный переход из одного корабля в другой. Более того, советские специалисты несколько изменили газовый состав в корабле «Союз» и снизили в нем давление атмосферы.

Одновременно с решением научных и технических задач, обеспечивающих совместный полет, шла подготовка экипажей космических кораблей. С советской стороны в состав первого экипажа вошли: командир корабля «Союз» летчик-космонавт, Герой Советского Союза, полковник Алексей Архипович Леонов и бортинженер летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза Валерий Николаевич Кубасов.

В этом году советская общественность отметила десятилетие со дня свершения Алексеем Леоновым подвига — в 1965 году он первым в мире вышел из корабля «Восход-2» в открытый космос и тем самым доказал, что человек может жить и работать за пределами своего корабля. Алексей Леонов открыл новый этап в развитии космонавтики.

Леонов — истый сибиряк, родился в 1934 году в селе Ливянка, Кемеровской области, и с детства достойно представляет сибиряков: он смел и отважен, обладает большой физической силой и открытым, веселым характером, редкой настойчивостью и даром художника. Мечта о небе дала ему крылья — он стал великолепным профессиональным военным летчиком. В 1960 году вместе с Юрием Гагаринным Алексей Леонов приступил к тренировкам и подготовке к космическому полету. В марте 1965 года Леонов совершил исторический полет на корабле «Восход-2» с выходом в открытый космос. В 1968 году он окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. В нашей стране и за ее пределами известны работы художника-фантаста Алексея Леонова. Его картины представлялись не только в СССР, но и в ряде других стран. Леонов увлекается спортом, ведет большую общественную работу — он бессменный редактор боевой стенной газеты «Нептун» отряда космонавтов, председатель Совета учредителей Агентства печати «Новости», заместитель председателя Центрального правления Общества дружбы «СССР — АРЕ».

Вместе с Алексеем Леоновым полетит на корабле «Союз» бортинженер, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Валерий Кубасов. Он родился в 1935 году под Владимиром, в тихом и зеленом городке Вязники. В 1952 году, после окончания средней школы, Кубасов поступил в Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе. Здесь он приобрел теоретические и инженерные знания и проявил склонность к теоретическим обоснованиям. Его талант в полной мере раскрылся в конструкторском бюро, где он начал работать в 1958 году. Валерий Кубасов — автор ряда научных работ, кандидат технических наук. В то время Главным конструктором космических кораблей академик С. П. Королев отбирал ученых и инженеров в группу для подготовки к полетам в космос. Он обратил свое внимание на Валерия Кубасова, и тот в 1966 году вступил в отряд космонавтов.

В октябре 1969 года, участвуя в групповом полете семи космонавтов на трех кораблях, Валерий Кубасов впервые в мире произвел на орбите сварку металлов. Для этого на борту корабля «Союз-6», на котором совершал полет Валерий Кубасов с Георгием Шонинным, был установлен специальный сварочный агрегат «Вулкан».

На американском космическом корабле «Аполлон» командиром утвержден бригадный генерал Томас Стаффорд.

Он известный американский астронавт, трижды побывал в космосе, занимает пост заместителя начальника отдела подготовки космонавтов Центра пилотируемых космических кораблей в Хьюстоне. Томас Стаффорд родился в 1930 году в городе Уэтерфорде, штат Оклахома. По окончании Морской академии США служил в ВВС, затем, окончив школу летчиков-испытателей, стал одним из руководителей школы летчиков реактивной авиации ВВС. Томас Стаффорд имеет общий налет на самолетах разных конструкций 6 тысяч двести часов. В 1962 году он вступил во 2-ю группу астронавтов, трижды летал в космос, причем как командир корабля «Аполлон-10» совершил облет Луны.

В состав экипажа «Аполлона» входят пилот основного блока — астронавт Вэнс Бранд и пилот стыковочного модуля Дональд Слейтон. Вэнс Бранд родился в 1931 году в городе Лонгмонт, штат Колорадо, в 1953 году окончил Колорадский университет. Через два года после этого Вэнс Бранд прошел летную подготовку и стал летчиком-испытателем. Но ему захотелось летать еще выше, и в 1966 году он вступил в отряд астронавтов. Не раз Вэнс Бранд был дублером уходивших на старт астронавтов, но сам опыта космических полетов не имеет.

Третий член экипажа космического корабля «Аполлон» — пилот стыковочного модуля Дональд Слейтон родился в 1924 году в городе Спарте, штат Висконсин. В 1943 году окончил школу летной подготовки. Во время второй мировой войны воевал в Европе, затем в Японии. После войны окончил Миннесотский университет, а затем школу летчиков-истребителей. В 1959 году, увлеченный идеями освоения космоса, вошел в первую группу отряда космонавтов, но вскоре с ним произошло несчастье —

врачи обнаружили болезнь сердца и отстранили Слейтона от тренировок. Мужественный пилот не пал духом, он перешел на организаторскую работу в НАСА и достиг таких успехов, прояснил настолько высокие знания и опыт, что стал начальником отдела подготовки астронавтов в Хьюстоне. Все это время Дональд Слейтон упорно и систематически тренировался, строил режим, беспрекословно выполнял предписания врачей и добился того, что они сняли все свои запреты, установив, что сердце Слейтона работает нормально. В 1972 году Слейтон вернулся в отряд астронавтов, ныне он включен в основной экипаж корабля «Аполлон».

Кроме основных экипажей, подготовлены и полету также и экипажи-дублиеры. С советской стороны во второй, дублирующий экипаж вошли: командир, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Анатолий Филлипченко и бортинженер, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Николай Рукавишников. В третий экипаж вошли: командир майор Владимир Джанибеков, бортинженер Борис Андреев; в четвертом экипаже: командир — майор Юрий Романенко и бортинженер Александр Иванченков. Вся эта четверка еще не видела Землю с космических высот...

В дублирующий экипаж «Аполлона» включены: капитан I ранга Алан Бин, майор морской пехоты Джек Лусма, оба они — герои 59-дневного полета на борту обитаемой орбитальной станции «Скайлаб»; Алан Бин, кроме того, еще в 1969 году побывал на Луне. В декабре 1972 года летал к Луне и третий член дубль-экипажа «Аполлона» капитан II ранга Рональд Эванс.

Первая задача, которая стояла перед экипажами, — познакомиться друг с другом, взаимно изучить и освоить новую космическую технику, провести на кораблях-тренажерах в Звездном городке и в Хьюстоне стыковку и переход из корабля в корабль. Среди многих трудностей, стоявших на пути космонавтов и астронавтов, особое место занимал языковой барьер, причем иным казалось, именно его невозможно преодолеть за короткий срок, а переводчиков в космос брать не будешь. Без взаимного понимания невозможно выполнить сложную программу научных и технических экспериментов. Но и эта трудность, как и все остальные, была преодолена. В Звездном городке и в Хьюстоне была создана деловая, дружеская атмосфера, которая помогла сплотить экипажи, точно по графику провести все тренировки, освоить научную аппаратуру.

Во время тренировок, в поездках, на прогулках и экскурсиях космонавты и астронавты ближе знакомились друг с другом, проникались взаимным уважением, короче говоря, становились друзьями.

— Борщ получается на славу! — в шуточной форме оценил первые итоги совместных работ экипажей, ученых и рабочих групп специалистов Гленн Ланни, технический директор программы ЭПАС — экспериментального полета «Аполлон» — «Союз» — с американской стороны.

Директор Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США — НАСА Джеймс Флетчер, прибыв в Москву, высоко оценил готовность экипажей к полету.

— Накопленный опыт, — отметил Джеймс Флетчер, — станет трамплином для совместных исследований специалистами США и СССР.

Джеймс Флетчер сравнил осуществление проекта «Союз» — «Аполлон» с восхождением на высокую горную вершину, с которой открываются новые горизонты советско-американского научно-технического сотрудничества.

— Самым большим достижением совместных тренировок, — заявил Алексей Леонов, — является то, что мы поняли друг друга. У нас выросло и окрепло уважение друг к другу, появилось то высокое взаимное доверие, без которого невозможно было бы выполнить программу ЭПАС. Мы ведь собираемся находиться вместе и быть готовыми к любым ситуациям.

Запомнились слова Алексея Леонова:

— Мы сейчас практически кандидаты всего земного шара. Несмотря на разность общественных формаций, несмотря на противоречия, которые были и которые еще есть и сегодня, мы нашли необходимые точки сближения, пожали друг другу руки на Земле и готовы сделать это в космосе.

...Можно представить себе, как 15 июля 1975 года начнется полет. Космонавты Алексей Леонов и Валерий Кубасов, одетые в скафандры, займут свои места в кабине корабля «Союз». В 15 часов 20 минут по московскому времени они покинут Землю. По заранее произведенным расчетам, высота круговой орбиты должна составить 225 километров. Только в этом случае может состояться встреча «Союза» с «Аполлоном».

Весь путь «Союза» на орбиту и его дальнейшее движение — виток за витком — проследивается наземными и надводными станциями наблюдения. В Главном зале ЦУПа — Центра управления полетом — на огромном экране и светопланах видно движение корабля по отношению к

карте земного шара, видны космонавты, начавшие свою жизнь в космосе.

Выйдя на орбиту, Алексей Леонов и Валерий Кубасов переплывут из кабины космонавтов в орбитальный отсек и там, сняв с себя скафандры, «потушат» их вентилятором и аккуратно уложат в полетные сумки. Теперь они будут находиться в легких и удобных спортивных костюмах и только при стыковке вновь наденут скафандры.

На космодроме имени Дж. Кеннеди, как и в Центрах управления полетом, внимательно наблюдают за полетом «Союза», видят, как советские космонавты формируют так называемую «монтажную орбиту», на которой должна произойти стыковка. Через 7,5 часа после старта «Союза», по сигналу его экипажа, покидает космодром имени Дж. Кеннеди американский космический корабль «Аполлон».

Двое суток оба корабля будут обращаться по околоземной орбите раздельно, а 17 июля должна произойти стыковка. На обоих кораблях идет деятельная подготовка к этой сложной операции. Расстояние между кораблями сокращается: 480... 269... 200 километров. Томас Стаффорд со своими коллегами по экипажу, вооружившись секстантами, стремится увидеть в тени Земли, в черноте космоса корабль «Союз». При входе «Союза» в тень Земли Алексей Леонов включает импульсно-проблесковые маяки: они вспыхивают и гаснут, трепетно мигают в космической черноте.

На фоне мириад звезд, вдали друг от друга ищут над Землей встречи два корабля. Томас Стаффорд сообщает: он уже видит проблесковый маяк на борту «Союза» и идет на сближение. Когда расстояние между кораблями доходит до двух километров, экипаж «Аполлона» проведет торможение, погасит относительную скорость и совершит облет «Союза», чтобы выйти на исходную позицию перед причаливанием.

Расстояние между кораблями сократится до 30 метров. Через иллюминаторы можно будет видеть приближавшиеся друг к другу «Союз» и «Аполлон». Корабли подойдут вплотную. Поиск, сближение и причаливание завершатся стыковкой. Так состоится «рукопожатие техники». Но в это время исследователи космоса еще отделены друг от друга, им предстоит выполнить немало операций, прежде чем они смогут пожать друг другу руки.

Начинается переход из «Аполлона» в «Союз». Астронавты откроют крышку люка в стыковочный модуль из «Аполлона», закроют люк, выравнивают давление в шлюзовой камере с давлением в «Союзе» и переждут некоторое время, пока привыкнут к новой для них атмосфере. Тем временем в «Союзе», следуя старинному русскому обычаю, Алексей Леонов и Валерий Кубасов готовят встретить гостей хлебом-солью. Они уложат его на расшитые рушники, приготовят в подарок алый выпел и сувениры. Потом откроется люк, покажется улыбающийся Томас Стаффорд, а за ним и Дональд Слейтон.

Земля знает немало различных видов гостеприимства, Томас Стаффорд, к слову говоря, познакомился с московским гостеприимством, с гостеприимством Звездного городка, Байконура, Ташкента и Самарканда, а теперь появится и космическое гостеприимство. Томасу Стаффорду и Дональду Слейтону дружески вручат хлеб-соль, выпел, сувениры; на память все фотографируются. Их рукопожатие увидит весь мир. И стыковка космических кораблей на орбите и крепкие рукопожатия, которыми обмениваются люди, представляющие великие державы с разными социальными системами, станут символом наших дней.

Состыкованные корабли образуют первую международную экспериментальную пилотируемую космическую станцию. Объединив усилия, оба экипажа будут выполнять программу научных экспериментов, среди которых есть уникальные: «Универсальная печь» и «Искусственное солнечное затмение». В ответ на посещение «Союза» американскими астронавтами советские космонавты нанесут ответный визит, и их коллеги дадут им званый праздничный обед. Затем корабли расстыкуются и вновь состыкуются, причем на этот раз активную роль в поиске, сближении и самой стыковке выполнит корабль «Союз».

...Закончены тренировки. Проведена генеральная репетиция в Центрах управления полетом. Модифицированный корабль «Союз» прошел испытания в космосе. На корабле «Союз-16» летали А. Филлипченко и Н. Рукавишников, они доложили после тщательных проверок систем и стыковочного устройства: все готово к «старту века».

Ждут назначенного часа стартовые команды на космодромах.

Ждет человечество.

В добрый путь, Колумбы мирного космоса!

ЗАВОДСКОЙ РАДИО

Лина ТАРХОВА, специальный корреспондент «Смены».

ПРАВО БЫТЬ ЛЕНИВЫМ

«Человек распоряжается свободным временем по своему собственному усмотрению, и никто не вправе помешать проводить его так, как ему вздумается. В конце концов человек имеет право быть ленивым». Многие специалисты по проблемам свободного времени отстаивают такую точку зрения, а слова эти принадлежат французскому профессору Дюмазедье.

Демократично звучат они, не так ли? За свой трудовой день люди устают и от самой работы и от необходимости подчиняться строгому служебному регламенту и в часы досуга могут себе позволить следовать только собственным желаниям. Как сказал мне один молодой специалист Калининского вагоностроительного завода: «Идеальное времяпрепровождение — сидеть, уставясь в стену, желательно некрашеную. Полная свобода фантазии». Желание хотя бы в часы досуга не зависеть ни от чьей чужой воли, даже материализованной в виде рисунка на обоях, очень естественно. И кто против этого хотя бы теоретически?

Но вот пример практический: разговор с одиннадцатью молодыми рабочими вагонзавода.

Им по восемнадцать — двадцать лет, модно одеты: расклешенные брюки, джинсы. Современные мальчишки. Разговор наш идет о том, как они предпочитают проводить свободное время.

Если исключить учебу в школах и техникумах и другие обязательные дела, то получается, что любимое занятие — ходить. Они так и говорят: «С работы приду, переоденусь, туда-сюда — уже вечер. А вечером мы ходим». Фланируют по улицам своего микрорайона или едут в центр, толкуются в городском парке или на проспекте Калинина. Неужели эти ребята внутренние так же одинаковы, как одинаков их унылый «режим дня»? Постепенно выясняется, что это не так, каждый чем-нибудь да интересен. Виктор Смирнов в школе играл на ударнике, дома у него свой инструмент; еще одно увлечение — любит возиться с рыбками. Сергей Ермолаев не равнодушен к фотографии. Александра Березина интересуется киноискусство. И тем не менее, как они сами считают, каждый второй вечер (хорошо, если не больше) пропадает зря. Вот «вершина» времяпрепровождения: «Если кто-нибудь

2. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ВХОД В САПОГАХ ВОСПРЕЩЕН

вынесет кроссворд, шевелим мозгами».

Понимают ли они, понимаем ли все мы, как это страшно и необратимо, когда часы и дни убивают вот так, лишь бы время прошло скорей? Так незаметно и жизнь может пройти...

Откуда эта резкая разница между тем, к чему в душе тянутся ребята и чем в действительности заполнена жизнь? Не лень ли этому виной? Почти никто из них, придя на завод, не узнал, есть ли на КВЗ или во Дворце кружок, соответствующий их увлечением. Почти все они хотели бы заниматься спортом, но в секцию (тяжелая атлетика) ходит один Николай Сергеев. Нужно учесть, что мои собеседники не из тех, кто доставляет хлопоты общественным организациям. А ведь вечерние хождения множества их сверстников часто заканчиваются вовсе не безобидно: «пузырь» на трюих, драка, милиция. Кто же, задумавшись над этим, будет настаивать, что ленив человек или не ленив — личное дело каждого?

«ОДНА СКУКОТА»

Маршруты вечерних прогулок, выработанные поколениями, тянутся по самым людным улицам микрорайона (ясно же — надо людям посмотреть и себя показать), подводят к Дворцу культуры вагоно-

строителей «Металлист» и старательно его обтекают. «А что делать в клубе? В кино и на танцы, конечно, ходим. А еще что?»

Если кто-нибудь из гуляющих войдет во Дворец, не имея билета на «мероприятие» или в кино, то будет тут же выдворен. Празднично-праздничные здесь ни к чему: для гардеробщицы это лишнее «человеко-пальто», для уборщицы — лишняя грязь. Для руководителей кружков они тоже не представляют интереса — не к ним ведь пришли. Еще и испугаются, ведь в каждой комнате Дворца находятся «материальные ценности». «Металлист», как, наверное, любой другой Дом культуры, не приспособлен для неорганизованного, назовем его так, посетителя, который в идеале мог бы полистать здесь свежие журналы, поговорить с приятелем или сразиться с ним в шахматы. Клубы радушно распахивают двери только перед артистами художественной самодеятельности, слушателями лекториев, школ, университетов. Таких немало, но они исчисляются сотнями, а «неохваченных» — тысячами. Кстати, никто не мог бы сказать точно, сколько же их. Известно только, что в Заволжском районе живет девяносто шесть тысяч человек, и на них приходится один Дворец культуры, два крупных клуба и три кинотеатра. Сколько душ приходится на каждый очаг культуры и на Дворец вагоностроителей, в частности? За отдых сколь-

ких людей может реально отвечать коллектив «Металлиста», состоящий из тридцати человек? Должны же существовать какие-то научные нормы! Потенциальная молодая аудитория ДК, как минимум, составляет две с половиной тысячи. Таково число юношей и девушек, работающих на вагонзаводе. Большинство из них живет в домах, прилегающих к КВЗ, а стало быть, и к «Металлисту». Но загляните сюда в день, когда нет кино или танцев. Чаще всего Дворец — две с лишним тысячи квадратных метров полезной площади! — пустует. Картина эта совершенно типичная. Единственное исследование, проведенное в нашей стране в 1972 году, показало: половина мест в клубных залах остается пустой. Да многие ли побегут в часы отдыха на кинопоказ «Рвите религиозную паутину!», составленный из скучных лент, или фильм «Бережливость экономит сырье» (из плана работы «Металлиста» на апрель). Я спросила у директора Дворца Владимира Ершова, молодого предприимчивого руководителя, в прошлом строителя Абакан — Тайшета и комсомольского работника, что интересного можно посмотреть у него за неделю. Он заглянул в план, вздохнул и честно признался: «Ничего. Одна скукота».

КЛУБ СТАНОВИТСЯ КЛУБОМ

Как-то мне случилось быть в командировке в Большой Вишере, Новгородской области. Один из старожилов на вопрос о клубе бросил сердито: «Что клуб? Народ не заманишь». И рассказал, как в отчаянно трудное время, в 1918 году, вишерские комсомольцы открывали свой очаг культуры, потому что не представляли себе без него дальнейшей жизни. Отремонтировали и выскребли старую мастерскую, ценой невероятных ухищрений раздобыли движок, и первая в поселке лампочка Ильича загорелась в комсомольском клубе. «И что интересно, — задумался старый комсомолец, — девчат, бывало, секли за то, что в клуб бегают, а они туда стремились. Теперь хоть бей, не идут».

В те времена клубы и избычитальни были часто единственными центрами культуры и просвещения. Клуб чем-нибудь да изумлял посетителя: невиданной электрической лампочкой или грамотностью избака, а потом, когда страна стала бо-

гаче, и убранством. Современного же человека красивой мебелью не удивить, у него дома не хуже. (Кстати, об интерьере «Металлиста». Здесь старые паркетные полы, скрипучие стулья. Сорок пять лет назад, при открытии, он был скромно назван клубом. Планировка его, естественно, старомодна. Залом для танцев служит фойе кинозала. Когда играет вокально-инструментальный ансамбль, — «колонки» грохочут во всю свою электрическую мощь, — кинозритель отлично слышит всю программу, несмотря на то, что двери кинозала перед началом сеансов закладывают поролоновыми матами.) А основную функцию клуба — просветительскую — у него отняли школа, газеты, журналы и, конечно, радио и телевидение. Нужно быть отважным человеком, чтобы звать сейчас народ, например, на устный журнал «Хочу все знать»: что нового может сообщить клуб зрителям «Кинопанорамы», «Клуба кинопутешествий», «Очевидного — невероятного»? Клуб, можно сказать, разграблен. Но это и к лучшему. У него появилась возможность стать собственным клубом — местом общения интересных друг другу людей.

И когда он пользуется такой возможностью, результаты получаются самые удивительные...

— Бублики! Бублики! Самый вкус, стоит пятак. Покупайте калачи — прямо с газовой печи!

Хозяин и хозяйка, одетые в русские костюмы, кланяются гостям, а вокруг гомонит яркая толпа: разносчики, менялы, устроители лотерей-медовухи. Зывались сыплют прибаутками, тащат гостей кто в цирковой балаган, кто в чайную Домны Яковлевны, а кто и в контору «Лихое место», где простака, поддавшегося на уговоры, ждут всякие каперсы. В берестяном балагане мастера при всем честном народе плетут лапти, отбою нет от заказчиков.

Все это — «Заволжские посиделки». Место действия — «Металлист». Минут сорок бурлит ярмарка, а потом сторожа с колотушками зовут всех в горницу на тарыбары. Впрочем, слово это — «тарыбары» — организаторам вечера почему-то запретили употреблять. Так что сторожа зовут на посиделки. А на посиделках, как известно, каждый делает, что хочет: чай пьет, новостями обменивается. Мужчины могут помериться силой и споркой. Кто быстрее, например, перепилит толстое бревно? Выходите в круг, засучивайте рукава — и бревна, и козлы, и пилы приготовлены.

Устроители «Посиделок» — это главным образом участники самодеятельной эстрадной студии «Эксперимент», руководимой инженером Валерием Виноградовым, избавляющей гостей от жесткой схемы обычных вечеров, где все по звонку устремляется в зал на концерт и по звонку бегут в буфет. Они дают возможность выбора поведения: хочешь — подтяни вдруг возникшую песню, хочешь — иди в соседнюю горницу, там потише, и молча вяжи чулок, слушай побасенки. Атмосфера самая демократичная, организаторы изобретательны: они ухитряются и развеселят гостей, вовлечь в сотворчество и ненавязчивым образом сообщить им массу полезной информации. На «Посиделках» мы впервые столкнулись с Русью», — говорили потом гости. Ради этого студийцы много часов провели в библиотеках, где собирали материалы об обычаях тверян, «откапывали» уникальные тексты рашеников, песни, поговорок.

Еще до того, как по заводу и району пошли восторженные разго-

воры о «Посиделках», ДК вагоностроителей прославился «Аттракционами». Это были вечера для молодых семей, собиравшие 500—600 гостей. На «Посиделках» обстановка интимнее, здесь встречаются не больше двухсот вагоностроителей. Но Ершов и Виноградов понимали, что полную раскованность человек может ощутить только в еще более узком кругу. Так они пришли к идее молодежного клуба. К этому времени при Дворце как бы сам собой сложился молодежный совет (МС), и именно он теперь занимается кафе-клубом «Гостинный двор». По существу, совет является самопроизвольно разросшимся культурно-массовым сектором комитета комсомола завода, в него входит заместитель секретаря Надя Бадина, молодые рабочие и специалисты. Возглавляет МС Геннадий Новожилов, двадцатипятилетний инженер завода.

...К восьми часам вечера в буфете, оформленном с тонким вкусом (переоборудован специально для кафе-клуба), собираются гости. Танцуют, пьют сухое вино, острят, знакомятся... Кстати, буфет вмещает человек 40—50, и это именно то число членов клуба, при котором сохраняется интимная, полудомашняя обстановка. Но число «гостинодворцев» растет, и в недрах клуба зреют «филиалы» — музыкальная гостиная и театр миниатюр.

Ровно в девять из деревянных ходиков выскакивает кукушка, и это служит сигналом для начала программы. В «Гостинном дворе» слушают новые произведения местных композиторов, обсуждают стихи и новые спектакли. Сюда зовут интересных людей Калинин и приезжих гастролеров. Недавно в кафе выступали О. Аросева и Б. Рунге. Они отличались от «телевизионных» пани Моники и пана Профессора, например, тем, что им можно было задать любой вопрос. (Не спорничать с телевидением должен клуб, это бессмысленно, а искать только ему свойственные формы общения.)

Уже больше шестидесяти раз куковала кукушка в «Гостинном дворе». «Мы хотим», — сформулировал Г. Новожилов смысл существования кафе, — чтобы ребята на заводе и в городе знали: есть место, где их ждут и где им будет интересно».

НА ПОЛЮСАХ

Как ни перестраиваю факты, получается два полярных образа «Металлиста» — угрюмо пустыющего и живущего яркой жизнью. В калининском облюбованном, где в общем работу ДК оценивают неплохо, его сотрудников ругают именно за это: «Металлист» отгрохает «Аукцион» или «Посиделки», а потом два месяца приходит в себя. А от него требуется ежедневная, систематическая работа».

С этим не спорит и коллектив. Больше того, сам В. Ершов — ярый противник, скажем, таких лекториев, которые собирают слушателей раз в месяц. «Нельзя», — рассуждает директор, — всерьез говорить об интересе человека к какому-либо предмету, если он вспоминает о нем раз в тридцать дней». И первое, о чем уговорились директор и молодежный совет при обсуждении статуса кафе-клуба: встречи будут еженедельными.

Но в последнее время совет слегка выдохся, и интервал между вечерами удвоился. Не получается так, чтобы каждый день в ДК было интересно, и даже раз в неделю не получается. И не только в «Металлисте».

«Если копать причины клубных бед, — комментирует ситуацию Владимир Ершов, — обязательно упрямся в проблему кадров, а она упирается в деньги».

Вы семь лет учились в музыкальной школе, еще четыре в музучилище и приходите на работу в ДК. Ваш оклад — 62 рубля 25 копеек. Если у вас высшее специальное образование, консерватория, например, за плечами, вам будут платить аж 70. Естественно, что перспектива жить на мизерную зарплату отталкивает от клубного дела многих талантливых культпросветчиков; «вакуум» же заполняют люди случайные. «Среди инженеров; рабочих я знаю прирожденных клубных работников, ужасно хочется переманить их к себе, — признался В. Ершов, — но я не могу реализовать свои коварные планы. Ведь специалисту я смогу платить ровно столько же, сколько уборщице, — шестьдесят рублей». К этому можно добавить, что у самого директора Дворца оклад 130 рублей. Любой из тех ребят, с которыми я разговаривала, зарабатывает такие деньги шутя.

Как работники клубов обманывают «финансовый голод», все мы знаем. Они набирают дозволенное и недоделанное законом количество работы. А совместитель — это человек, который все время смотрит на часы. До творчества ли ему? Руководителю какого-либо художественного коллектива при составлении, например, очередного плана работы проще взять за образец прошлогодний, чем в муках рожать новый. И самому Ершову проще такой план утвердить, чтобы сэкономить свое и других время для тех же «Посиделок».

Специалисты клубного дела много говорят о том, что на первое место в деятельности клубов сейчас выходит функция общения, и нужно как можно больше создавать клубов по интересам (филателистов, любителей музыки и т. п.) и кафе-клубов. Однако эти самые популярные среди молодежи формы работы находятся лишь в числе рекомендуемых. Никто не упрекает руководителя, если у него нет клуба по интересам, но горе ему, если обнаружится нехватка какой-нибудь обязательной формы — лекториев, школ, народного университета, устного журнала.

Или агитбригады. К слову, в «Металлисте» таковой нет. В. Ершов искренне убежден, что агитбригада в ее традиционном виде изжила себя много лет назад. И когда был объявлен областной конкурс таких коллективов, директор вместе с В. Виноградовым решили послать туда ребят из эстрадной студии с театрализованной постановкой. «Были соблюдены все условия конкурса, — до сих пор не может успокоиться Виноградов. — Мы отразили тему труда, бичевали недостатки... Но нас «измордовали»: подайте настоящую бригаду, без подделок».

Может быть, В. Ершов и его единомышленники несправедливы по отношению к старой, доброй агитбригаде. Недалеко от «Металлиста», при клубе Калининского опорно-показательного домостроительного комбината, существует такой коллектив, и он очень популярен среди рабочих ДСК. Молодой симпатичный директор клуба Татьяна Попова сама поет и пляшет в бригаде. Но как быть, если у другого человека душа не лежит к такой форме работы? Неужели руководитель учреждения, интересного иными находками, не может себе позволить такую волюность? Оказывается, не может: это уже не «бантики и рюшки», а посягательство на фасон платья, которое почему-то должно быть одинаковым у всех.

Нет сейчас, наверное, инструмента популярнее, чем гитара. Какие же кружки самодеятельности рекомендуются для клубов? Хор русской песни, духовой оркестр, школа балетного танца... А гитаристы? Это такие лохматые, в джинсах? Нет, они клубам, считается, ни к чему.

Года два назад директор «Металлиста» решил гитаристов как-то узаконить. Рассуждал он так: «Гитарист в подворотне, окруженный толпой слушателей, — это готовый клуб. Чем сидеть и жаловаться, что к нам не идет молодежь, сделаем-ка шаг навстречу».

И вот на танцевальных вечерах все желающие, у кого была с собой гитара, получили возможность сыграть и спеть для почтеннейшей публики. На эстраду выходили кумиры местных подростков. Многие играли плохо, поскольку были самоучками, исполнение некоторых отдавало откровенной дешевкой, но публика в общем-то верно оценивала достоинства каждого.

Лучшие музыканты получали призы. А кончилось дело тем, что работников ДК объявили пропагандистами дурного вкуса.

«Я смалодушничал, отказался от этой затеи, — подводит итог Ершов. — Нас не ругают. А гитаристы опять бренчат во дворах».

ГОВОРИТ КОЕ-КТО, СМЕЯСЬ...

«Клуб устарел, говорит кое-кто, смеясь. Век усмотрел в нем отсталость и старость» — так перефразировал известную песню молодой инженер, который любит отдыхать, «глядя в стену». И беды клуба, считает он, не в кадрах и не в регламентации его работы, а в том, что сама идея коллективного отдыха себя изжила. Человек устал и в наш некомуникабельный век ищет одиночества и тишины.

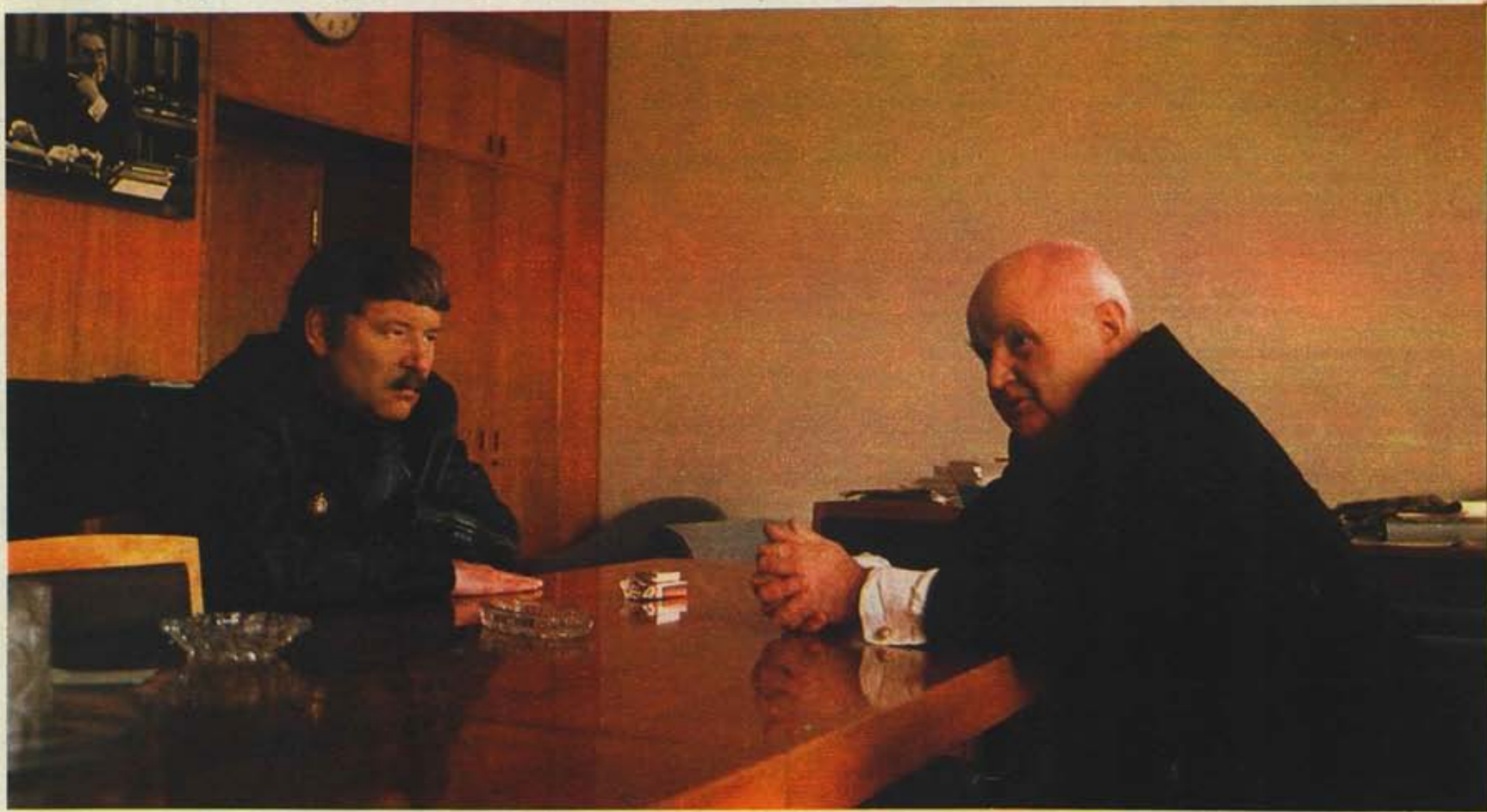
Однако совсем недавно на зональном совещании культпросветработников выступил директор уже упомянувшегося опорно-показательного ДСК З. И. Тальвинский и привел поразительные доказательства обратного. Три года тому назад директором комбинатского клуба стала Татьяна Попова, и очаг культуры, не дававший ни света, ни тепла, преобразился неузнаваемо. И преобразил комбинат. За эти три года вдвое сократилось число увольнений среди молодежи. На бетонном заводе, в цехе керамзитовых изделий, каждый второй молодой рабочий был нарушителем трудовой дисциплины, а в прошлом году там не зарегистрировано ни одного прогула. «Не удивительно, — сказал З. И. Тальвинский под одобрительный смех всего зала. — В цехе всего пятьдесят три человека, и сорок восемь из них поют в хоре. Мы считаем, что клуб — это важнейший цех нашего комбината».

Еще доказательство: если клуб устарел, почему так быстро растет число молодежных объединений по интересам? В самое последнее время появились целых три «Терпихоры» и «Квант» в Новосибирске, «Аллегро» в Риге, «Энтузиаст» в Навои, «Прометей» (городской студенческий клуб) и «Гостинный двор» в Калининске...

Когда большая часть молодежи отшатнулась от клубов, это объяснили тем, что эти учреждения не отвечают ее возросшему уровню. Но вот развитые, с современными требованиями молодые люди «догадались», что клуб старомоден, если использовать его по старинке. На самом деле он располагает возможностями, о которых не все и подозревают. У него все впереди, — неистово верит в его будущее

РУССКИЙ ЛЕС

Виль ЛИПАТОВ,
 писатель, секретарь правления Союза писателей РСФСР.
Николай АНУЧИН,
 академик Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени
 В. И. Ленина.

В. ЛИПАТОВ. Николай Павлович, я слышал, что именно вы послужили прототипом одного из героев романа Леонида Леонова «Русский лес» — профессора Вихрова. Подтверждаете?

Н. АНУЧИН. Ни в коем случае. Просто профессор Вихров и я думаем о русском лесе и о его судьбе одинаково. Как, впрочем, и Леонид Максимович Леонов.

В. ЛИПАТОВ. Но, если быть точным, Вихров появился на свет лет на сорок позже вас...

Н. АНУЧИН. Да, роман «Русский лес», если мне память не изменяет, впервые печатался в журнале «Знамя» в 1953 году.

В. ЛИПАТОВ. А до того?

Н. АНУЧИН. А до того — года за четыре, пожалуй, — я пришел к Леониду Максимовичу с просьбой о помощи.

В. ЛИПАТОВ. Сразу два вопроса: что за помощь и почему именно к Леонову?

Н. АНУЧИН. Ответить-то я отвечу, так ведь история эта долгая. В двух словах не расскажешь. Вытерпите?

В. ЛИПАТОВ. Сам попросился.

Н. АНУЧИН. После Великой Отечественной войны я выступал в двух ипостасях: ученого и администратора. Занимал я тогда достаточно высокий пост — начальника Главного управления лесами, а еще заведовал кафедрой в лесотехническом институте. Тогда для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, нужен был лес, нужна была древесина. Вот и навалились лесозаготовители на ближайшие к крупным городам

лесные массивы, особенно в европейской части страны. Рубили — не думали: чем больше, тем лучше. А наука о лесах — с самого своего рождения в начале прошлого века — говорит ясно: рубить в год можно столько, сколько за этот год приросло.

В. ЛИПАТОВ. Это же простая арифметика...

Н. АНУЧИН. К сожалению, эта арифметика хозяйственникам была не по душе: она ограничивала их возможности да и потребности. И кое-кто из ученых тогда попытался оправдать варварское истребление леса, повторять нелепые утверждения, возникшие еще в 30-х годах. Смысл их рассуждений был примерно таким: у нас лесов много, рубим мы меньше, чем прирастает за год в целом по стране, посему ограничения рубки бессмысленны, даже вредны и всякие разговоры о годовом приросте — предрассудки, с ними мы боремся. И не учитывали эти слишком ретивые деятели одной малости: говорить о приросте леса в целом по стране бессмысленно по чисто географическим причинам. Основные запасы леса (примерно семьдесят пять процентов) падают на азиатскую часть Советского Союза. Это труднодоступная тайга, куда мы доберемся не скоро. Нужны надежные дороги, которые выведут древесину к рекам, к сплавику, нужны люди, много рабочих рук, а основное население страны — в европейской части. Вот мы здесь и набросились на леса, ох, как много вырубали к нынешнему дню, и львиную долю — после войны. А теория постоянного пользования лесом, на которую ополчились защитники бесконтроль-

ной рубки, утверждает рачительное хозяйское отношение к лесу: баланс между приростом и рубкой нужно учитывать не по стране, а на каждом гектаре.

Ну, я тогда числился, как уже говорил, «начальником над лесами», мне и отвечать было: какая теория верна, а какая нет.

В. ЛИПАТОВ. Существует же пример сельского хозяйства: сто гектаров засеял, со ста гектаров урожай и снял... К сожалению, сравнение не в пользу леса: пшеница или рожь труда требуют, а лес — продукт даровой.

Н. АНУЧИН. Вы правы, Виль Владимирович, бесхозяйственность возникает именно от этого: бери — не хочу, даром ведь. И брали, еще как брали! Вот мы вместе с Е. Лопуховым, крупным знатоком лесной экономики, умным хозяйственником да к тому же редактором нашего ведомственного журнала «Лес», выступили в этом журнале со статьей, в которой утверждали правильность идеи непрерывного пользования лесом. В конце концов эта идея биологическая... Ярлыков нам тогда повесили — вспомнить тошно! Журнал «Лесная промышленность» против нас ополчился, в институте у меня отобрали курс лесостроительства, который я читал студентам, и передали его человеку, особенно нас критиковавшему, — видно, в поощрение.

А ведь, к слову сказать, не наша и тем более не моя это теория. Я унаследовал ее от моего учителя, профессора Ленинградского лесотехнической академии, где я начинал путь в науке, — Михаила Михайловича Орлова. Еще в тридцатых го-

дах он отстаивал свою правоту от подобной же критики. Помню, он приезжал в Москву незадолго перед смертью, встречался со мной, смеялся: «Меня заставляют бороться против... орловщины». Так что я как бы во втором туре воскресил дискуссию (назовем ее так!), начатую профессором Орловым.

В. ЛИПАТОВ. В «Русском лесе» есть эпизод, когда профессор Вихров беседует со своим учителем — старым ученым...

Н. АНУЧИН. Да, я много рассказывал Леониду Максимовичу об Орлове, но, повторяю, не ищите в романе аналогий, не в них дело. А дело... Дело тогда дошло до коллегии Министерства лесного хозяйства, на которой нам с Лопуховым влетело крепко. Так влетело, что хоть в пору руки опустить.

В. ЛИПАТОВ. Честно: подумывали об этом?

Н. АНУЧИН. Грешным делом, подумывали — слаб человек. Но ведь мы же не о себе пеклись, не о своих интересах — о государственных, о народных. Казалось бы, громкие слова, только зачем их бояться — громких слов? У нас порой принято брезгливо морщиться: де, ложный пафос, неискренняя патетика. Да, бывают случаи, когда за пафосом и патетикой скрывается пустота мысли и бездеятельность. Но ведь мы же говорим о другом: если идея верна и желание бороться за нее единственно и необходимо, то любое чувство будет верным и искренним. К слову сказать: тем, кто боится пафоса и «громких» фраз, стоит вспомнить годы революции, годы гражданской и Великой Отечественной, годы первых пятилеток — годы громких слов и громких дел...

Простите мне это отступление от темы.

В. ЛИПАТОВ. По-моему, это не отступление, это сама тема. Тема принципиальности в науке, тема научной одержимости и научной добросовестности. И не только научной, потому что и одержимость и добросовестность — качества общечеловеческие, и они необходимы в любом деле. Во всяком случае, я именно так воспринимаю ваш рассказ.

Н. АНУЧИН. В таком случае мы еще вернемся к этой теме, а пока я продолжу свою историю. В общем, рук мы тогда не опустили, решили: обратимся к писателям, публицистам, попробуем их заинтересовать нашим делом. Почему мы выбрали именно Леонова? Да потому, что он уже выступал в печати со статьями о городских садах, о парках, об их устройстве и охране, словом, не был новичком в «лесных вопросах». Да и позиция его в этом вопросе была нам близка. Кроме того, Леонов — это имя, и мы думали так: уж если он встанет на нашу сторону, если мы убедим его в нашей правоте, то его поддержка будет значить многое.

Пришли к нему, рассказали. Он заинтересовал-

ся не сразу, прицеливался поначалу, взвешивал аргументы той и другой стороны, даже в институт к нам приезжал, а потом потребовал: «Ну-ка, дайте мне вашу лесную литературу».

А у меня на кафедре сохранились комплекты лесных журналов за сто лет, с момента выхода первого номера. Так мы эти комплекты Леониду Максимовичу пачками таскали. Не буду утверждать, что он их от корки до корки читал, но просматривал все наверняка. И вот что странно мне было: его интересовали такие мелочи в журнале, мимо которых мы, лесовики, проходили, не оглядываясь. Например, объявление: «Купец такой-то приобрел такую-то лесосеку, и ему требуется рабочая сила. Оллата такая-то». Или еще: «На складе компании есть форма лесничего. Куртка стоит столько-то, фуражка — столько-то, кокарда — столько-то».

В. ЛИПАТОВ. Естественный интерес: это ведь черточки быта, а уж если писатель взялся за какую-то тему, связанную с делом, с профессией, то такие черточки приобретают для него огромное значение.

Вы, вероятно, ожидали от Леонова публицистического выступления: статьи или очерка, но уж никак не романа. Но любая статья может расставить акценты, подтвердить ту или иную теорию, словом, не выведет проблему за рамки научной. А любое художественное произведение (если, конечно, оно талантливо) способно обобщить частную проблему, сделать ее близкой и важной каждому, не только специалистам-лесоведам. Впрочем, забегая вперед, роман Леонова тем и силен...

Н. АНУЧИН. Леонид Максимович работал над романом больше четыре года, и вот в пятьдесят третьем в «Знамени» впервые был опубликован «Русский лес». Там, как вы помните, прослеживаются две научные линии: профессора Вихрова и его противника — профессора Грацианского, яркого сторонника, увы, хорошо знакомой нам идеи: мол, леса у нас хватает, и никаких ограничений рубки быть не должно. Леонов резко осудил в романе эту линию, назвал ее «грацианщиной», и поэтому, когда книжки журнала появились в свет, со всех сторон понеслись возгласы: нашлись-де люди с сомнительными моральными устоями, которые и сами защищают вредные идеи и большого писателя запутали, обманули. Даже по нашим лесным вузам установку пустили: проработать роман и осудить его как ошибочный в концепции.

И вот тогда Союз писателей СССР организовал дискуссию о романе, которая проходила на улице Воровского. Было это в пятьдесят четвертом, роман еще, по-моему, даже книгой не вышел, по журнальным номерам дискутировали. Леонид Максимович так волновался, что не решился поначалу присутствовать. А дискуссия, к слову, длилась несколько дней.

«ПО СВОЕМУ ХОТЕНИЮ»

Перед этими клубами не стоит проблема, как заставить молодежь, она идет туда сама. Но идет молодежь особенная, нелепая, та, что сама ищет активных форм отдыха. И там, где она появляется, жизнь клуба становится и интересной и современной. У прометеевцев и завсегдатаев «Гостинного двора» есть еще одно ругательное слово — «потребительство». Они не терпят никакого иждивенчества и хотят все в своем клубе делать собственными руками.

Ну, а те, кто предпочитает потреблять — бездумно и без разбора смотреть телевизор, а также, по их собственному выражению, «балдеть над магом»? Приверженность их к такому образу жизни легко объяснима — он не требует усилий ума и души. Блаженное младенческое существование... Предаваясь ему, плечистые усатые дяди словно ждут, что кто-то придет и с ложки накормит их духовной пищей. Между тем пищу эту следует добывать самим, как это делают прометеевцы и завсегдатаи «Гостинного двора».

В «Прометее» висят на стене два листа ватмана: «Дела» и «Идеи». На первом — перечень текущих дел,

которым требуется исполнитель. Дела могут быть такие: договориться с режиссером местного театра об очередной читке и обсуждении новой пьесы или закупить молока («Прометей» — клуб принципиально безалкогольный, и напитков крепче чая здесь не пьют) и призывов к очередному вечеру. Подпись на листке означает: такой-то член клуба берется такое-то дело выполнить. Ну, а «Идеи» — это перечень проектов. Подпись под каждым из них — утверждение авторства и призыв к возможным единомышленникам откликнуться, потому что в «Прометее» дело поставлено именно так: сам придумал, сам найди помощников, сам свою идею осуществи. В этой самостоятельности — главная притягательная сила клуба для прометеевцев. Мебель, которой обставлена их комната в клубе «Октябрь», скриней еще более грозно, чем кресла в «Металлисте», но прометеевцы обожают громоздкие столы и лавки, потому что сделали их сами. Семь «трехтонок» досок разгрузили, обстругали, обожгли своими руками. Стены тоже обшили этими досками и даже антресоли вдоль одной из стен построили, какие захотели.

Если задуматься, именно этим — возможностью делать все «по своему хотению» — дорого подросткам шатание по улицам. Но почему они хотят ничтожно малого? Эти ребята больше всего дорожат своей не-

Против романа выступил писатель Степан Злобин, который учился в лесотехническом как раз тогда, когда теория постоянного пользования лесом была не в почете. Его поддерживали, но не очень дружно: чувствовалось, что основная масса писателей настроена за роман, за его идею. И в конце дня Константин Паустовский (а он вел дискуссию) дал слово мне. И пока я выступал, в зале стояла тишина. Заслуга в том, конечно же, не моя, а тех теорий и тех фактов, о которых я им рассказывал. Потом выступали еще ученые, поддерживали меня, и в конце концов дело дошло до того, что профессор, который особенно яростно критиковал роман, чуть не со слезами умолял: «Не сравнивайте меня с Грацианским».

А последующие события все знают. Леонид Максимович Леонов получил за роман «Русский лес» Ленинскую премию, и сегодня уже никто в здравом уме не выступает против теории постоянного пользования лесом, настолько она очевидна.

В. ЛИПАТОВ. Это решение рано или поздно, но состоялось бы, ибо оно действительно очевидно. Просто роман ускорил его. Вы думаете, ваш противник не понимал правильности теории постоянного пользования? Прекрасно понимал. Только удобно ему было не понимать, притвориться новатором, облачающим ретрограда, а потом на костях этого «ретрограда» строить карьеру.

Ваша история — это рассказ не только о научной победе да и не столько о ней. Это рассказ о принципиальности человека, о его честности. Человека вообще, а не только ученого.

Мы уже говорили о необходимости для настоящего человека, особенно молодого, обладать добросовестностью. Я в это понятие вкладываю не только и не столько добросовестность в проведении каких-то опытов или исследований или вообще в работе, — это и так ясно. Нет, добросовестность прежде всего должна проявиться в отношении к тем идеалам, к тому делу, которому ты взялся служить. В конце концов никто не заставлял вас быть лесоведом, но раз уж вы стали им, извольте быть добросовестным. Боритесь за идею, даже если против нее вдвое, вчетверо больше сил, чем у вас. Не сдавайте позиции только ради личного спокойствия: мол, нас не трогай, и мы не тронем. Страшная мыслишка, которая погубила не одного способного ученого.

И, повторяю, все это относится к любому делу, к любой профессии — от слесаря до ученого, — быть честным, быть принципиальным, быть добросовестным.

Н. АНУЧИН. Сейчас молодежь, особенно двадцатитрёх-, двадцатипятилетние ребята, выпускники вузов, в большинстве своем относятся к делу горячо, с интересом, ревностно. Это я по нашему лесотехническому институту сужу.

В. ЛИПАТОВ. Это верно. Но беда в том, что кто из них к тридцати годам прекрасно осваива-

зависимостью, однако для чего им она? Чтобы беспрепятственно пить, орать, свистеть, пугать прохожих? Надо сказать, что в клубах по понятным причинам не очень любят таких. «Я ловлю себя на мысли, — признался В. Ершов, — что жду образцового посетителя. Ведь один человек может отравить вечер сотням людей. И поэтому особо лохматого или шумного мы выгоняем». Но директор понимает, насколько неправ он в ориентации на посетителя идеального. «Три года назад я сам повесил объявление: «Вход на танцы в сапогах воспрещен». Это не лучший воспитательный прием. Чего я добился? Ко мне на танцы стало ходить в полтора раза меньше народу».

«Металлист», как видим, готов принять под свое крыло всякого пришедшего с добрыми намерениями, — чужих ведь в заводском районе нет. Помочь Дворцу культуры в этом обязан комитет комсомола вагностроителей, который умеет работать с наиболее активными рабочими, однако не научился еще думать о каждом молодом труженике. Но и ребята должны сделать шаг навстречу клубу, постучаться, например, в «Гостинный двор». Пока же многие из них с путающим дружинников «шником» осуществляют сомнительное право быть ленивыми, отказываясь при этом от другого права — жить и отдыхать интересно.

Валерий Виноградов. — Клуб на стыке кино, театра, гостиной... У него колоссальное преимущество даже перед всемогущим телевидением, ведь клуб — это прежде всего личное общение».

Насладившись одиночеством и исчерпав богатства камерного общения, люди тянутся к оставшимся, казалось бы, от нашего века очагам культуры. Так нашел В. Ершова Валерий Виноградов (он, кстати, ездит в «Металлист» с другого конца города, потому что только здесь ему интересно). Поэтому пришли в ДК Геннадий Новожилов, инженер Сергей Степанов, лаборантка Нина Романова, инженер Валя Исакова и многие другие.

Я слышала в «Прометее» спор на тему, нужен ли клубу устав. Многих убедила Инна Айдарханова, один из трех президентов «Прометей». «Нужен устав и нужно членство, иначе мы выродимся в компанию». Слово это — компания — прозвучало почти ругательно. Молодежный клуб, кафе-клуб не компания в привычном смысле, хоть там со временем тоже складывается круг знакомых и симпатичных друг другу людей. Здесь, говоря языком научным, уровень проведения досуга неизмеримо выше.

ется с той обывательской позицией, о которой я говорил. Удобная позиция, спокойная, непыльная. Так и появляются грацианские, чиновники от науки, карьеристы.

Н. АНУЧИН. Но ведь и вихровы есть.

В. ЛИПАТОВ. К счастью, есть. И сила все-таки за ними. Ваша жизнь — пример того, как надо бороться за идею до конца, до победы.

Но проблемы леса не ограничиваются только его охраной. Лес — важнейшее сырье в народном хозяйстве, в конце концов это русский национальный строительный материал, и не использовать его — такое же преступление, как и рубка сверх меры. Если лес не рубить, он погибнет.

Н. АНУЧИН. А тайга? В ней существует биологическое равновесие.

В. ЛИПАТОВ. Но она и дохода нам не приносит... Вот еще проблема: лес растет даром, а рубить его, вывозить — страшно дорого. Хорошо бы химики подыскали какой-нибудь искусственный заменитель древесины! Но пока его нет, приходится рубить лес. А как рубим? Да так, как нам удобнее. Летел я недавно над Томской областью, а под крылом самолета совсем как в песне — «зеленое море тайги». Подлетаем к реке — пусто, все вырублено. Помню, мальчишкой я бежал из деревни километров за пять от Оби — по шишки. У нас там кедрач кругом. А уже студентом приехал — нет шишек, вырубил кедрач. «Зеленое море» стоит века, никто его не трогает: заболоченность, бездорожье — не подобраться, да и стоит ли! Гораздо проще рубить около рек. Поверьте, я не знаю леспромпхоза в Сибири, который просуществовал бы более двадцати лет. Да и двадцать лет — срок почти нереальный. Люди приходят, зная твердо, что лет через восемь — десять они отсюда уйдут. Так как же они будут относиться к лесу? Разве объедет тракторист молодую сосенку? Разве не пойдет он траками по подросту? Пойдет, еще как пойдет, потому что он временщик.

Вот вам еще одна проблема — проблема людей. И ее одной научной добросовестностью не решить.

Как привить человеку любовь к дереву, рачительное, хозяйское отношение к лесу? Сделать его хозяином. Вот если он будет знать, что ему здесь не восемь лет жить, а всю жизнь, что у него здесь дом, семья и, наконец, постоянная работа, вот тогда он станет иначе относиться к лесу. И ту сосенку объедет, потому что ему ее сначала вырастить надо, а только потом срубить. Есть у нас такие леспромпхозы? Нет у нас таких леспромпхозов. Два года назад я просил в министерстве: дайте адрес, поеду поживу, напишу. Тщетно!

Н. АНУЧИН. Хотите дам адрес? Я недавно был в Пензенской области. Там я увидел как раз то самое отношение к делу, о котором вы говорите. В области лес занимается двадцать пять процентов

от общей территории. Здесь и выращивают лес, и рубят его, и перерабатывают древесину. Деревня от отсутствия рабочей силы не страдает, так что в леспромпхозах всегда есть постоянно работающие люди. Заметьте: постоянно работающие. Они здесь живут, это их хозяйство. Там даже до приятных курьезов дело доходит. Иду я по вырубленной просеке, вижу — сосна стоит. Почему не срубили? Говорят: посмотрите наверх, профессор. А наверху — большое гнездо, а в нем птенцы. Потому и не срубили...

В. ЛИПАТОВ. Вероятно, там и заработки неплохие.

Н. АНУЧИН. Хорошие заработки.

В. ЛИПАТОВ. А так должно быть везде. Необходимо сделать лесное хозяйство промышленным, индустриальным производством. Сейчас в лесу три хозяина: лесхоз, сплавщики и охрана. А должен быть один хозяин, который бы отвечал за все. Вот тогда мы не будем смотреть на лес, как на уголь или руду, не будем забывать, что лес — живой организм, и относиться к нему надо разумно. И в первую очередь это касается сплавщиков. Для них лес — груз, который требуется доставить к месту назначения. И только. Я в своем «Сказании о директоре Прончатове» как раз за сплавщиков и попробовал взяться...

Н. АНУЧИН. Взяться за сплавщиков, а коснулись всех «лесных» вопросов. Это же роман о Хозяине. О том, каким должен быть не только директор сплавконторы, но и директор леспромпхоза, и даже директор того самого комплексного индустриального лесного хозяйства, о котором вы мечтаете. Дело даже не в том, хорош Прончатов или нехорош (а лично мне он очень близок!), а в его отношении к своему делу. Вы говорили о научной добросовестности, а у Прончатова есть своего рода производственная добросовестность. Как есть она и у другого вашего героя — Женьки Столетова из романа «И это все о нем». И если без научной добросовестности нет ученого — тут вы абсолютно правы, — то без производственной честности нет хозяина. И нет хозяйства. Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я приеду в лес и не встречу там с равнодушными — от лесника до сплавщика...

В. ЛИПАТОВ. Неужели даже среди ваших студентов нет по-хорошему одержимых ребят? Ну, таких, как Женька Столетов...

Н. АНУЧИН. Как не быть! Достаточно вспомнить время летних производственных практик, когда такие «одержимые» собирают свои партии и уходят в лесоразведку. Не пытаются осесть где-нибудь в Измайловском или Сокольническом массивах, а едут в Сибирь, сами едут, никто их не по-нуждает. И не приедается это им, потому что на следующее лето — снова практика, и снова — лесоразведка, и снова — дальние края.

В. ЛИПАТОВ. Тогда у меня возникает мысль: почему бы однажды эти «одержимые» со всех факультетов вашего института не собрались бы, и по окончании вуза не поехали бы в ту же Томскую область (или в другую: не суть важно...), и не создали бы там вот это комплексное хозяйство? Ведь ваш институт выпускает специалистов по всем «лесным» проблемам, так?

Н. АНУЧИН. Так.

В. ЛИПАТОВ. Не доверяют молодым такое дело? А кому же тогда доверить его? Доверяют же молодежи стройки, цеха на заводах. В конце концов кто строит Байкало-Амурскую магистраль? Молодежь. А у тех, кто по комсомольским путевкам после окончания лесотехнического института поедет создавать лесопромышленный комплекс, будут и современные знания, и желание работать, и добросовестность (другие просто не поедут, а заставлять не надо), а главное, у них будет самостоятельное большое дело.

Я думаю, что Центральный Комитет комсомола поддержит такое начинание студентов, поможет им, возьмет над ними шефство. А выиграет от этого прежде всего русский лес!

И еще одно. Вот вы упомянули Измайлово и Сокольники — огромные парки Москвы, скорее, даже лесные хозяйства города. Сколько отдыхающих приходит в них ежедневно — сотни, если не тысячи. А подмосковные леса? А леса близ крупных городов? Они давно стали местами отдыха горожан, в основном молодежи. Я хочу сказать о безобразном отношении к лесу у таких, с позволения сказать, туристов. Консервные банки, бутылки, остатки туристских оргий, следы костров...

Н. АНУЧИН. Если бы только следы... А непогашенные костры? Огромное количество лесных пожаров — результат небрежности человека. Причем большой лесной пожар, особенно верховой, когда огонь с невероятной скоростью передвигается по кронам деревьев, когда в лесу температура поднимается так, что гибнет все живое, приносит ущерб неисчислимый.

В. ЛИПАТОВ. Что это — результат неосторожности, небрежности: мол, «все вокруг советское, все вокруг мое», а значит — плевать на все, лес большой, его не убудет? Или это неграмотность, незнание элементарных основ поведения в лесу?

Н. АНУЧИН. И то и другое. Молодежь надо с детства приучать к бережному отношению к лесу, к природе вообще. А то получается, как в анекдоте: оберегайте природу от окружающей среды... И учить надо везде: и в школе, и дома, и в прессе. Вот почему наша сегодняшняя беседа в редакции «Смены» меня радует: молодежные журналы должны часто и серьезно говорить о природе, об отношении к ней. Ну, а за нами — за учеными, за писателями — дело не станет...

Микаэлэ РАШИД

На рассвете проснется твой дом.
И откроешь ты двери квартиры.
Ветер мира,
дыхание мира
в то мгновенье поселятся в нем.
Если добр ты,
то сердцем поймешь,
как прекрасен твой мир и хорош!

В небесах молодая звезда
посылает привет свой сквозь годы.
А напротив знакомые горы
из тумана встают, как всегда.
Что расскажет седая гора
про снега,
про дожди,
про ветра!

Вижу я, как в предутреннем сне
улыбнулся ребенок мой нежно.
От улыбки его безмятежной
так спокойно,
так радостно мне!

И тропа меня манит, зовет.
И трава зоревая искрится.
Солнце встало.
Лучи, словно птицы,
отправляются в новый полет.

Свет и тьма делят мир пополам.
Утром все оживает, смеется.
Мед жары сварит летнее солнце,
днем его разольет по полям...
Я кричу, оглашая поля:
«С добрым утром, родная земля!»

Лето

Полдень обмяк, как усталый
верблюд.
Речка от зноя застыла безмолвно...
Ивы зеленые волосы льют
в тихие, словно уснувшие волны.

Плавится солнце.
Ничем не помочь
лесу и лугу,
поляне и саду...
Манит мечтою восточная ночь
терпкой и звездной своею прохладой.

Мир в ожидании этих минут
светлой надеждою тайно искрится...
И раскаленное золото льют
засолотевшие гроздьи пшеницы.

Буйвол в пруду продолжает дремать.
Остановилась в деревне работа.
Птицам не хочется в небо взлетать.
Режет глаза от соленого пота...
Лето.
Жара...

Чудо

Ребенок резв, с ним просто нету сладу,
наивен он, подвижен, солнцу рад.
И он позвал меня бродить по саду.
От слов его преобразился сад.
И небо изменилось надо мною.
И обновленным стало все кругом.
И ручеек и деревцо живое
заговорили детским языком...
Каким богатым я сегодня стал!

Завистник

Сказал он: «За твоё здоровье, друг!
Пускай во всем тебе удача будет.
Тебя никто, я знаю, не забудет,
коль приключится неудача вдруг...»
Он ест и пьет,
сидит среди гостей,
всем кажется —
заботлив, благороден.
Но знаю я, что говорят в народе:
«Мели, мели, — язык — он без костей...»

Ах, выгода — предательства обряд,
тот будет глуп,
кто сим речам поверит.
А он сидит
и мелет,
мелет,
мелет, —
с его речей медовых
каплет яд...

Перевел с курдского
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

ВСЕ ЧЕТЫРЕ

**Научно-техническое
творчество
молодежи**

Николай АКРИТОВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ.
Фото авторов.

«Молодежи, которой всегда присуше чувство нового, открывается широкое поприще для приложения энтузиазма, энергии, знаний, и она должна быть в первых рядах в борьбе за создание новой, совершенной техники...»

(Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1971—1975 годы.)

Московский автомобильно-дорожный институт существует уже много лет. Одна из главных его задач — подготовка инженерных кадров для автомобильной промышленности. Три года назад при институте организована лаборатория скоростных автомобилей, которая занимается совершенствованием и созданием новых образцов спор-

ЗДЕСЬ СОЗДАЕТСЯ ФОРМУЛА № 1.

КОЛЕСА

тивной техники. Здесь студенты МАДИ проходят не только практику в научной лаборатории, но и сами участвуют в разработке идей, ведут первые самостоятельные исследования, занимаются техническим творчеством.

Сейчас лаборатория на пути становления, пути создания первых экспериментальных образцов, на пути поисков талантливых студентов.

...Узкая асфальтированная дорога вывела нас на большой двор, заставленный автомобилями разных марок, а возле одной двери длинного гаража висела вывеска: «Лаборатория скоростных автомобилей».

На автомобиле не было номерных знаков. Да и самой машины еще нет. Она угадывается по общим очертаниям, а какой она будет, можно представить, если посмотреть по сторонам.

Низкие, обтекаемой формы гоночные автомобили теснятся по всей лаборатории. На стеллажах и на стенах лежат и висят запчасти, детали, корпуса.

На первый взгляд все гоночные автомобили одинаковы. Лишь присмотревшись повнимательней, можно заметить разницу. Одни узкие и длинные с очень низкой посадкой, другие — короче и шире, с узкими колесами.

Чтобы сравнить ходовые качества и по возможности сблизить условия гонок, гоночные машины делятся на группы, как их называют спортсмены, формулы. Они разделяются по объему двигателей. Но скорость на трассе еще зависит и от формы корпуса, его парусности, устойчивости. Формулы предназначены для шоссейно-

кольцевых гонок по замкнутому маршруту. Но собраны они здесь не для подготовки к установлению спортивных рекордов.

...За стеной жужжит сверлильный станок, у входа пытит компрессор. От него тянется резиновый шланг к лежащим в проходе шинам необычайной ширины.

Возле машины работают четыре человека. Крепят радиаторы, проверяют подвески, прокачивают тормоза. Кажется, обычная работа автослесарей в мастерской, а на самом деле мы присутствуем при рождении нового гоночного автомобиля.

Старший инженер лаборатории Станислав Гесс подводит нас к машине.

— Гоночный автомобиль — это прежде всего легкая и высокопрочная конструкция, рассчитанная на громадные нагрузки. Крепишь любую деталь или узел так, чтобы во время гонки гонщик чувствовал весь автомобиль как самого себя и был уверен в его надежности.

— А каким будет ваш?

— Наша формула создается на базе серийного гоночного автомобиля «Эстония». А точнее — взята одна его рама. Все остальные узлы и детали — плоды творчества наших студентов — нестандартны.

И сама работа лаборатории не совсем стандартна. Сюда приходят студенты после второго-третьего курсов. Но остаются немногие. Те, кто не только механически выполняет порученную работу, а критически относится к своему делу, старается внести в него что-то свое, личное, с индивидуальным и, главное, вдумчивым под-

ходом к происходящему в этих стенах.

Постепенно в лаборатории выработалось определенное направление — она стала своеобразным полигоном, экспериментальной базой технического творчества студентов, увлекающихся спортивными автомобилями, желающих внести новые идеи, новые решения в конструкции спортивных автомобилей. Пусть некоторые из них далеки от совершенства, но сам творческий дух лаборатории настраивает на поиски.

Можно пять, десять раз разобрать и собрать автомобиль, оставляя все как было, а можно попытаться сделать хотя бы что-то самому, что называется с нуля, с чертежа, работая напильником, на токарном станке, создать своими руками, пусть пока небольшое, но все же свое...

После окончания десятилетки Борис Титов все заработанные на заводе деньги тратил на постройку... самолета, на котором он так и не успел взлететь: призвали в армию. Демобилизовавшись, он поступил в МАДИ. Каждый день до начала лекций работает слесарем на станции техобслуживания автомобилей, а на заработанные деньги строит спортивный автомобиль «багги». Год назад, узнав о лаборатории, бросает свое «детство» и приходит сюда. Сейчас он учится на третьем курсе и твердо уверен, что инженеру (пока будущему) не к лицу собирать автомобили из готовых деталей, а он должен эти детали разрабатывать, создавать и испытывать сам...

— Значит, автомобиль будет спроектирован и построен студентами?

— Да, — кивает Станислав Гесс. — В

нем будет немало коренных новшеств. По расчетам наших студентов новые узлы получились более прочные, легче и надежнее, чем у аналогичных моделей. Все детали уже сделаны, осталось только собрать. — И с улыбкой добавляет: — Знаете, с такими ребятами мы его мигом соберем, с ними интересно работать...

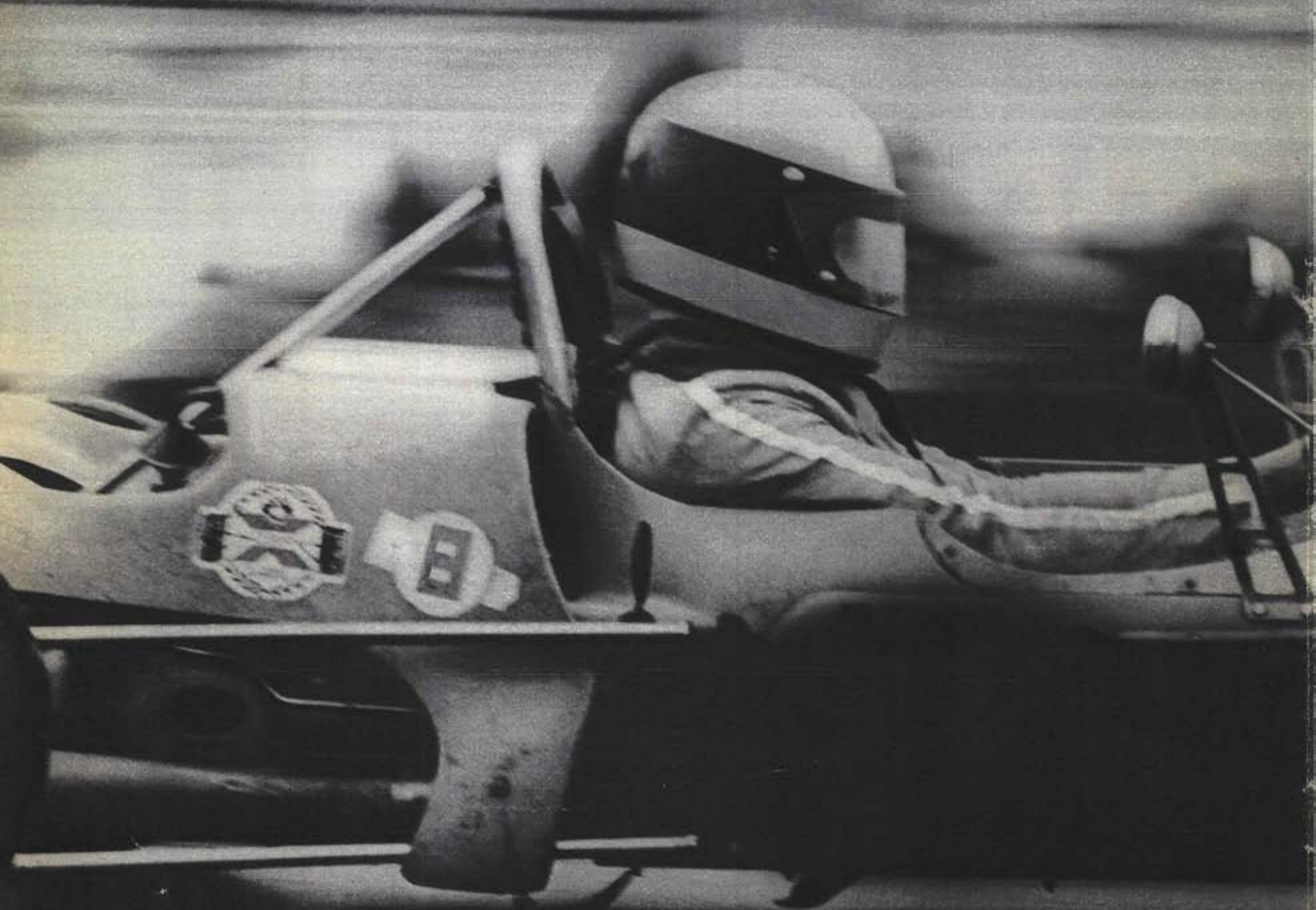
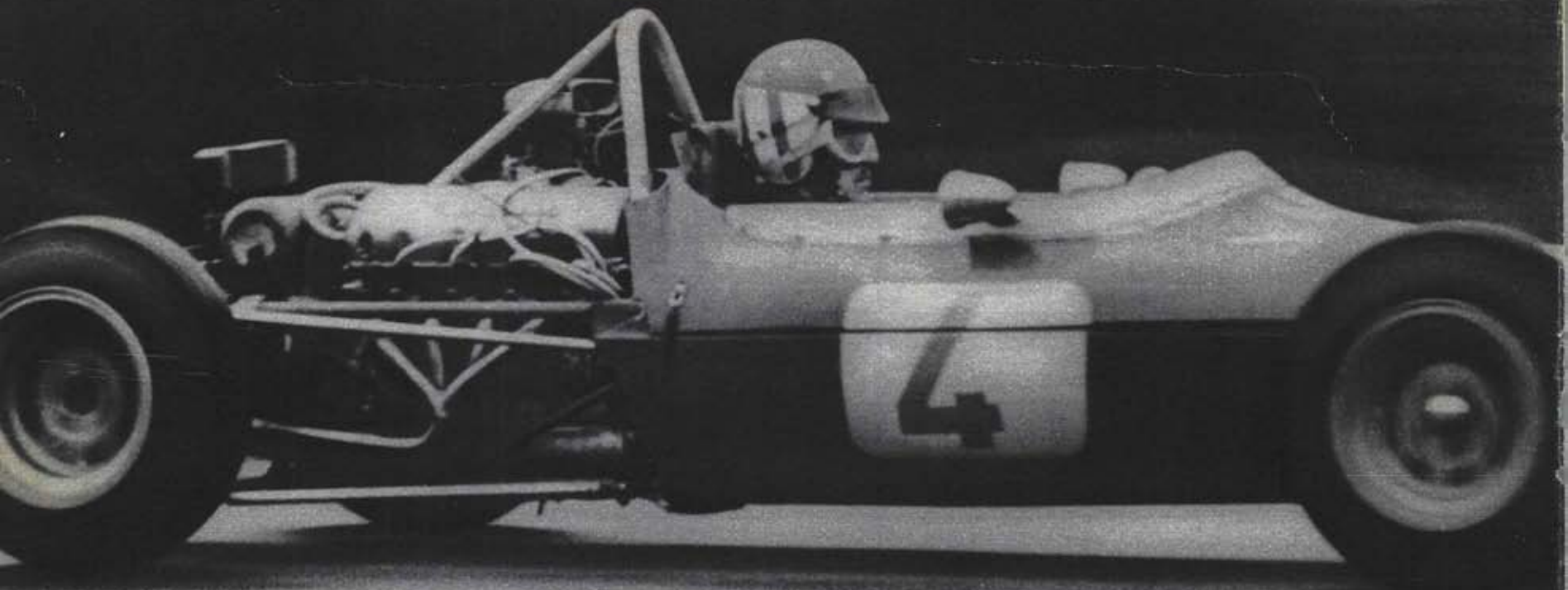
Наблюдая за работой студентов, можно судить, какой человеческой и технической школой оказалась для них лаборатория. Все они, конечно, очень разные — характеры, привычки, манеры. Но у всех заметно одно общее, принесенное и закрепленное здесь, — любовь к автомобилям, преимущественно спортивным.

Анатолий Дмитриев закончил два года тому назад МАДИ и уехал работать на КамАЗ. Работа там была интересная, нравилась, но все равно тянуло к спортивным автомобилям, а точнее — в эту лабораторию. Почему? Возможности хорошие. Если в серийном производстве результат своей конструкторской мысли можно увидеть лет через десять, то здесь, создавая новые узлы и детали, а затем собирая их своими руками, результат можно увидеть через год. И еще. Гоночный автомобиль очень интересен сам по себе. Конструктивно он идет впереди серийных. И то, что сегодня применяется в гоночном, в будущем будет стоять на серийном.

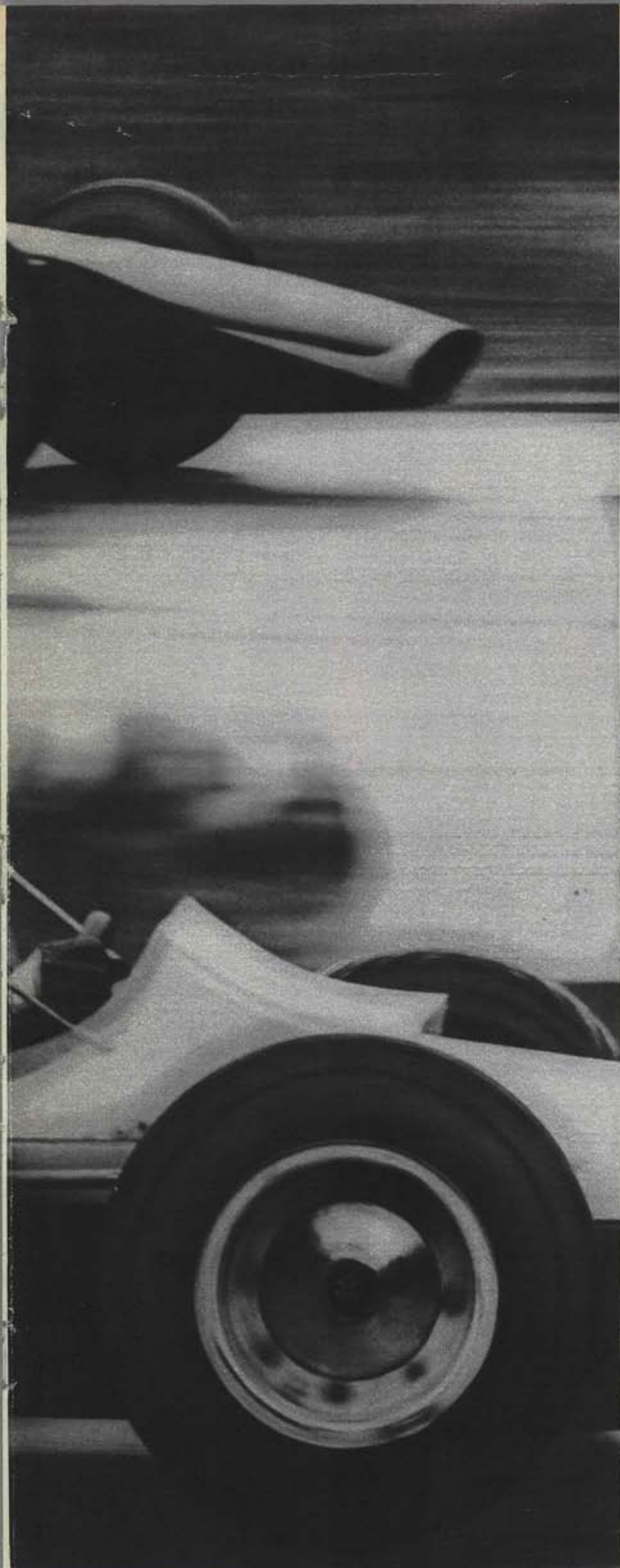
Интересны Анатолию и научные работы. Как только он пришел в лабораторию, ему поручили разработать воздухозаборники для карбюратора, дисковые тормоза и рассчитать диски для колес.

Если всю сделанную работу собрать и систематизировать, как счи-

тает Анатолий, вполне хватит для хорошей диссертации.

Виктор Мураенко готовится защищать диплом по организации автомобильных соревнований. Он считает, что с дипломом ему не повезло, потому что в лаборатории он заканчивает научную работу, вполне подходящую для диплома.

По хоздоговору с Ленинградским институтом точной механики и оптики Виктор проверяет результаты вибронакатки. Суть работы в следующем. В боксе стендовых испытаний к установке подключается двигатель. Здесь он проходит обкатку, потом его разбирают, и поршни с цилиндрами отправляются в Ленинград. Там проводится виброобкатка — наносятся мельчайшие канавки по всей поверхности.

Потом двигатель снова собирается, проводится обкаточный режим на разных оборотах при различных степенях нагрузки. Все параметры и самочувствие двигателя записываются чуткими машинами, данные обрабатываются, и получается результат. Даже если не будет особого прироста мощности, то увеличивается надежность двигателя. Пока об этом Мураенко знает теоретически, но его работа подходит к концу, и скоро он увидит практические результаты несостоявшегося диплома.

Существуют три технических направления создания спортивных автомобилей. Первое. Создание машин для установления рекордов скорости. При существующих скоростях более полутора тысяч километров в час такой автомобиль превращается в самолет. Второе направление — спортивные автомобили для шоссейно-кольцевых гонок. Третье — автомобили для кроссов по пересеченной местности.

Шоссейно-кольцевые трассы по профилю и рельефу похожи на стандартные автодороги, но скорости на них повышены и условия движения — на грани пиковых ситуаций. Такие гонки позволяют отрабатывать безопасность движения, интенсивно проводить испытания различных узлов автомобиля.

— С рождением отечественной автомобильной промышленности, — рассказывает ректор МАДИ профессор Леонид Леонидович Афанасьев, — на Горьковском автомобильном заводе был построен первый гоночный автомобиль Г-1. С тех пор на базе стандартных автомобилей у нас появилось много гоночных для различных видов соревнований.

После Великой Отечественной войны гонщики с помощью заводов сами занялись конструированием. На ЗИЛе и АЗЛК есть много удачных в конструкторском отношении гоночных машин, но постепенно заводы перешли на раллийные образцы, меньше обращая внимания на гоночные. И тогда авторемонтный опытный в Эстонии начал серийный выпуск гоночных автомобилей. Сейчас отработана модель для массового спорта с модификацией в разных кубатурах. Она пользуется популярностью не только у нас, но и в социалистических странах.

Многие клубы создают собственную технику. Хороши машины у спортсменов Грузии, Украины, в обществе «Красное знамя» в Минске. Двенадцать лет назад в нашем институте организована спортивная секция. Было много автомобилей и еще больше любителей на них кататься. Три года назад на этой базе мы создали лабораторию, которая избрала совершенно новый путь — путь исследования и создания образцов перспективных спортивных автомобилей. Мы понимаем, что это очень сложно, но возможно. Параллельно с постройкой новых корпусов мы подбирали инженеров, научных работников, лучших студентов. Лаборатория уже сейчас проводит большую научную и исследовательскую работу, там сплотился добрый коллектив студентов-энтузиастов.

К сожалению, у нас еще много нерешенных проблем. Основные можно назвать сразу: нехватка квалифицированных кадров, мало помещений и специального оборудования, нет испытательной трассы. Это все закономерные проблемы роста, и мы надеемся частично своими силами и при активной помощи ДОСААФ решить их, и лаборатория должна стать научно-

экспериментальной базой для развития отечественного автотранспорта.

Над боксом предварительной подготовки двигателей нависает второй этаж со стеклянной перегородкой. Здесь и шкафы с документацией, и чертежная доска, и административный стол.

Мы поднялись на второй этаж в горячий момент для Бориса Титова. Из его разговора с начальником лаборатории мы поняли: у Титова появилась пара «хвостов», что грозило ему отстранением от участия в научной работе. И ему были поставлены условия:

— Если через три дня не ликвидируешь «хвосты», не подпущу и близко к шинам.

Суть этой работы заключалась в следующем.

Московскому шинному заводу необходимо было в короткие сроки испытать опытные образцы шин для будущих автомобилей. Завод обратился на испытательный полигон и получил ответ, что испытать можно, но для этого потребуется немало времени.

А когда в лаборатории скоростных автомобилей МАДИ сказали, что такие испытания они могут провести за... один час, представители завода удивились, не совсем поверили, но договор заключили.

— Это был первый хоздоговор молодой лаборатории, — рассказывает начальник лаборатории Михаил Михайлович Назаров. — Сроки мы назвали самые реальные. Наши автомобили за один час гонки в сотни раз быстрее «обрабатывают» шины, результаты получаются те же, что и при длительных полигонных испытаниях.

Результаты первых испытаний удовлетворили завод, и теперь мы ежегодно заключаем с ним договоры не только на скоростные, но и на дорожно-лабораторные испытания. В них особенно активно сотрудничают наши студенты... Они участвуют в дорожных испытаниях на экономии и расход бензина, снимают геометрические параметры в различных плоскостях шин, замеряют отпечатки, тормозной путь. Словом, вся научная работа по этой теме выполняется студентами.

Несмотря на небольшой срок существования, лаборатория завоевала прочную репутацию. Количество деловых предложений растет, а от некоторых даже приходится отказываться. И не только потому, что много заказов, но и потому, что не хватает оборудования и площадей. Заключенные договоры выполняются с отличным качеством и в короткие сроки.

Многие годы наши картинги на международных соревнованиях приходили в числе последних. В начале прошлого года Центральный автоклуб ДОСААФ обратился в лабораторию с просьбой подготовить двигатели для сборной СССР по картингу. В течение полугода двигатели были подготовлены, и в результате наша команда на первенстве Европы в 1974 году заняла одно из призовых мест.

...Через два дня гоночный автомобиль небесно-голубого цвета с белыми квадратами, компактный, изящной вытянутой формы стоял на платформе прицепа. Ребята тщательно закрыли ее брезентом и подцепили платформу к «Волге».

Минуты расставания. Они всегда немножко грустны. Машину провожали Толя Дмитриев, Володя Дараган, Игорь Ермилин, Борис Титов. Сейчас для них завершился еще один этап в их жизни — формула отправлялась за сотни километров на испытания прочности, выносливости, надежности, на испытания качества научно-технического творчества студентов МАДИ.

НОВОЕ ИМЯ

Молодой писатель Геннадий Семар родился и вырос в Подмоскowie, в Серпухове. Биография его, в общем, обычна: служил в армии, позже окончил филологический факультет Московского государственного университета. Понятно, что в литературу, как и многие писатели, он пришел через журналистику. Много разъезжая по стране, Геннадий Семар особое внимание обращал на жизнь строителей молодежных строек, не только знакомился с нею, но в буквальном смысле слова познавал ее.

Журналистская практика дала ему темы и литературное мастерство. А главное — умение видеть людей, характеры и передать их в художественных образах.

Сейчас в издательстве «Современник», в плане 1976 года, стоит первая книжка молодого талантливого прозаика. А в том, что он действительно талантлив, я думаю, читатель сможет убедиться по публикуемому сегодня в «Смене» новому рассказу Г. Семара.

Михаил ГОДЕНКО.

Геннадий СЕМАР

РАССКАЗ

Земля под гусеницами, земля на зубах, земля, земля, горы земли! Бульдозер тяжело лезет вверх, все медленнее движется гусеничная лента, потом могучая машина начинает буксовать. Степан пытается поймать рычаги, но не находит их...

Тело Степана медленно сползает. Он неожиданно просыпается, выпрямляется, трясет головой. Он стоит возле барака спиной к распахнутому окну. Широкие его плечи, обтянутые серым пиджаком, почти полностью закрывают черную амбразуру барачного окна.

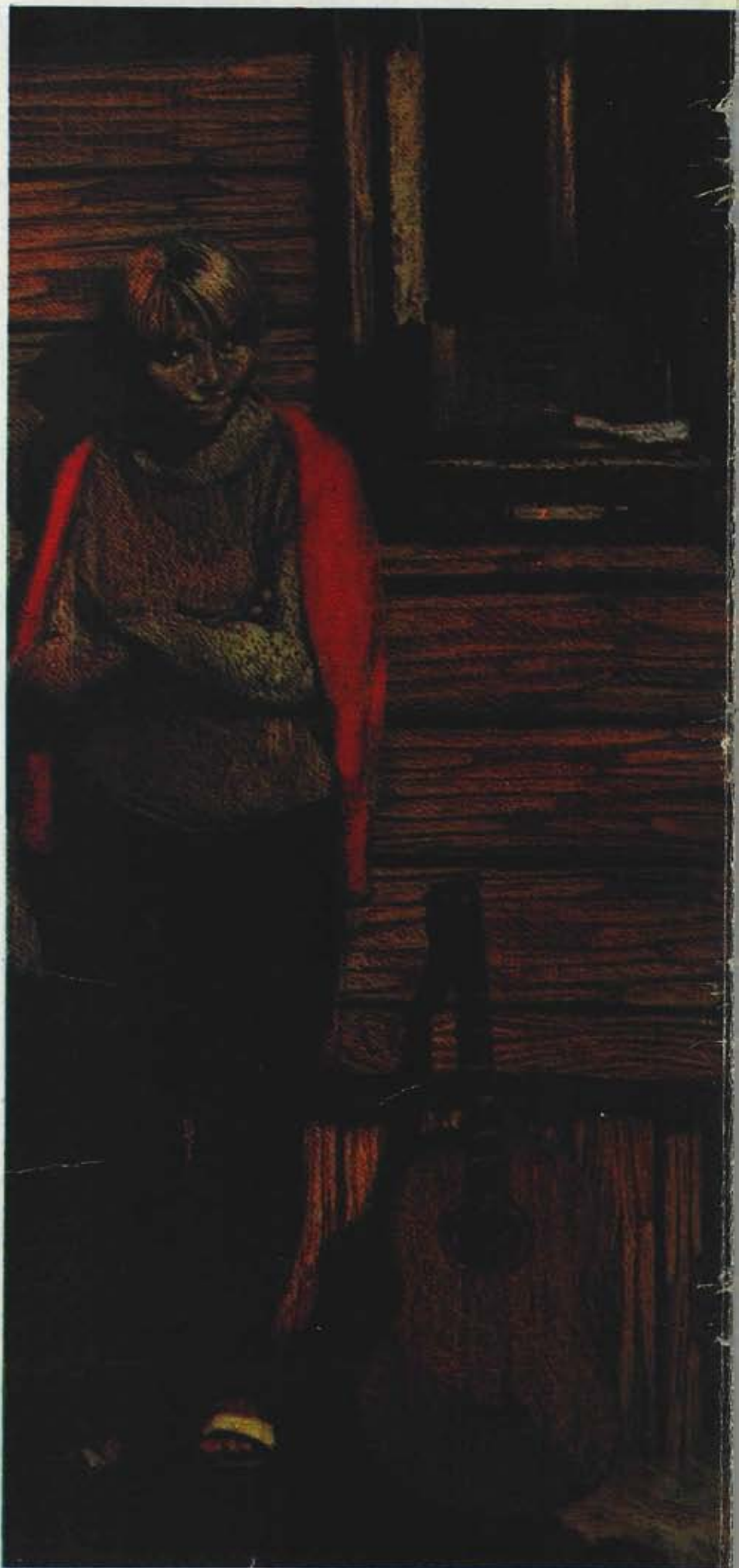
Степан смотрит на звезды, ссыпавшиеся с темного неба в реку. Они мерцают. Степан соображает: это не звезды, а огни электросварки на плотине, там смена, а у него выходной... «А у нас в субботу выходной...» — приходят на ум слова какой-то дурацкой песенки. Он вспоминает, наконец, что сегодня суббота и что он собрался на танцы.

По ту сторону длинного барака шумно, слышится музыка. «Вот сейчас закурю, — думает Степан, — и пойду малость потанцую...» Он лезет в карманы, ищет спички, находит, но роняет коробок в оттопыренное голенище сапога. С трудом достает его, закуривает, пристальнее всматривается в речные звезды и раскачивается в такт музыке... Там-тара-там, там-тара-там...

— Вальс, — вслух определяет Степан.

Ему нравится вальс, который всегда рождает в нем что-то серьезное и гру-

АВГУСТО

ВСКИЕ ЯБЛОКИ

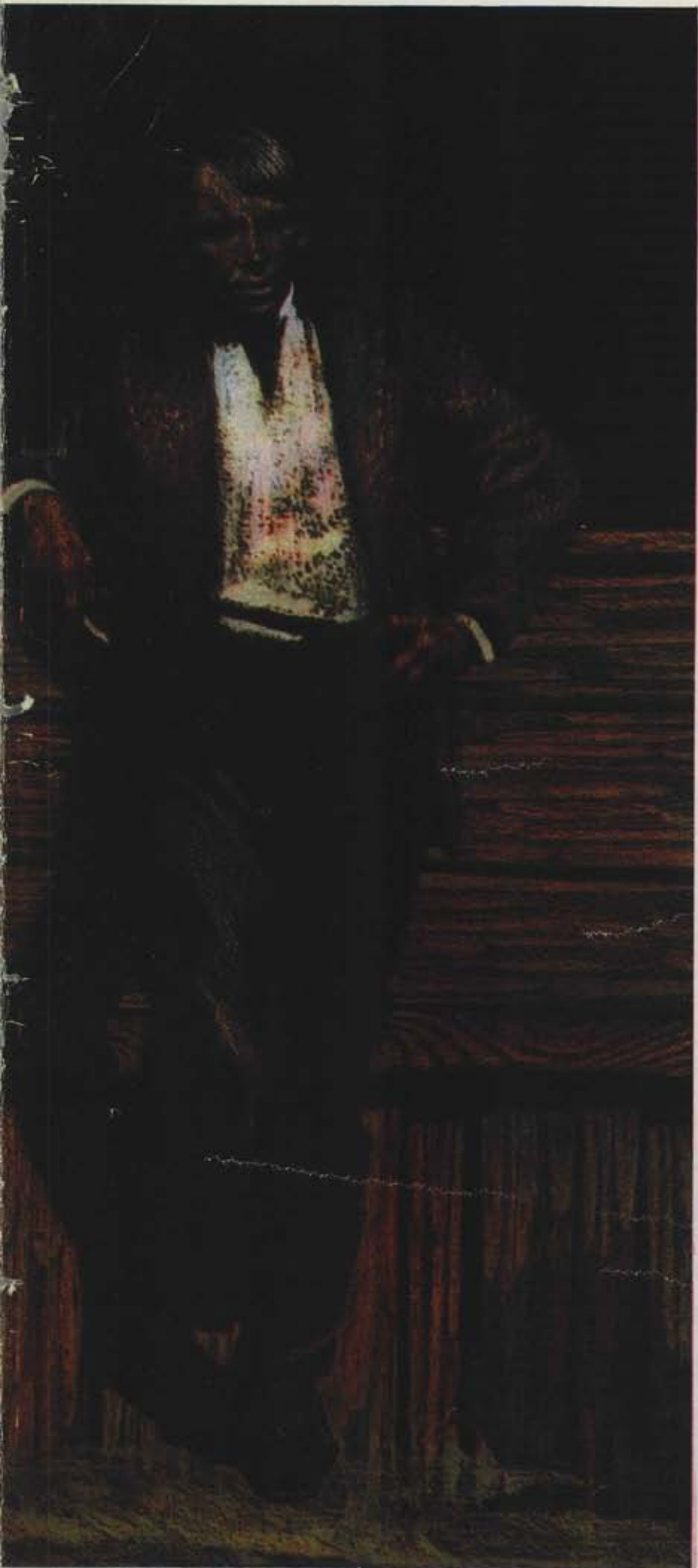

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

стное. Сейчас музыка действует отрезвляюще. Степан собирается с мыслями, вспоминает, что днем сам пригласил на танцы «жену»...

Так он зовет Женьку Сарычеву, учетчицу из котлована. Женька с лица красивая, а главное, веселая, с ней не соскучишься! Бывает, поцелуешь в щечку — ничего, не обижается... Только не может Степан всерьез назвать ее женой. Как-то не получается, хотя уже на третьей стройке вместе. Вот сразу не зацепила она его душу, так и пошло — шуточками-прибауточками. А, к примеру, Серега-сварщик глаз с нее не сводит!

— Там-тара-там, там-тара-там...

Степан медленно идет к пятачку — утоптанной площадке между бараками с парой прожекторов и радиолой, торчащей из окна. В этот клуб под открытым небом ходят строители плотины потанцевать, поболтать после трудов праведных. Сегодня народу много: погода располагает. Теплый сентябрьский вечер выманил на улицу даже тех, кто только что пришел со смены. У окна с радиолой дымят ребята. Танцуют в основном девушки. «Значит, танцы только начались», — отмечает Степан. Глазами он ищет Женьку, небрежно здоровается с ребятами. Наконец видит Женьку в окружении незнакомых ему девчат. Она что-то живо рассказывает им, смеется, прикрывая ладошкой рот, — привычка у нее такая... Рядом с ней стоит девушка, светлые волосы ее спадают на плечи. «Так на стройке не носят», — думает Степан. Девушка стоит спиной к прожектору, и он никак не может разобрать, красивая она или нет. Зато в лучах прожектора четко очерчена ее фигура. «Как точеная», — думает Степан.

— Здравия желаю, товарищи девочки! — с ходу рубит он. — Разрешите представиться — Степан. Гвардии сержант в запасе. А вот, к примеру, ты кто, Золушка?

Выпятив грудь колесом и втянув живот, Степан картинно представился и замер в ожидании ответа. Своей шуткой он доволен и ждет положительной реакции на нее.

— Они практикантки из Москвы, — отвечает за всех Женька и, склонив голову к плечу, смотрит на Степана, стараясь угадать, какое впечатление произвело на него это сообщение. Тот не подавал вида, что несколько удивлен таким гостям.

— А у нас чем не Москва? — нашелся Степан. — Дома, правда, чуток пониже, да грязь пожиже!

Женька смеется, прикрыв рот ладошкой, смеются и столичные девчата. Все, кроме Золушки.

— А еще говорят: у нас как в Москве, только фонари пониже! — неожиданно добавляет она.

Теперь хохочет Степан. Ему понравился ответ девушки. Степан понимает, что сейчас надо говорить, атаковать, иначе здесь удачи не видать! Но в голове, как назло, ни одной мысли. Он напрягается и неожиданно для самого себя начинает оправдываться:

— Я сегодня малость... День рождения у меня.

Отвернувшись, Женька смеется.

— У него каждую субботу день рождения!

— Цыц! — сердится Степан. А в голове по-прежнему без прояснения. Выручает музыка.

— Разрешите? — слышит Степан. Это к Женьке подошел Серега-сварщик. Сейчас это кстати.

— Разрешите вас ангажировать, — говорит он Золушке и, не дожидаясь ответа, берет девушку за руку, чуть выше локтя. Его шершавые пальцы касаются нежной и упругой девичьей руки.

Золушка, кивнув подругам, просто и спокойно пошла к танцующим парам.

— Степан, а почему вы так... мудроно говорите? — спросила она, когда они сделали несколько неуверенных шагов.

— Меня один поэт научил, — серьезно отвечает Степан. — Кстати, мы уже пятнадцать минут знакомы, а я до сих пор не знаю, как вас назвали, когда крестили.

— Меня не крестили, — коротко отвечает девушка, и Степан понимает, что «на бордаж не возьмешь».

— Стало быть, вы из столицы? — не теряет надежды Степан.

— Да... А это имеет какое-нибудь значение?

— Ничего особенного. У меня в Москве дядька живет, вот я и подумал...

— На какой улице?

— У него под Москвой свое «удельное княжество». Домик, садик...

Танец кончается. Степан уходит покурить. Это его тактический прием — со стороны оценить обстановку. Танцы для него что-то вроде шахматной партии: если я ей вот это скажу, что она мне ответит? А если я так пойду, какой будет ответный ход?..

Сигарета еще не кончилась, как снова послышалась музыка.

«Песня о шофере, которому не повезло», — определяет Степан, ища глазами Золушку, но не находит ее. «А, вот... Танцует с Серегой-сварщиком! Схлопочет он у меня», — мысленно грозит Степан.

Его взгляд сталкивается со взглядом Женьки. Она смеется. Она всегда, когда смотрит на него, смеется, вернее, смеются ее глаза. Он видит только ее блестящие глаза, рот и нос она прикрывает ладошкой, хотя подбородок у нее остренький, красивый и нос не урод...

Степан знает, что сейчас думает о нем «любимая жена». Ему вдруг становится скучно, он чувствует, как улетушивается хорошее настроение. «Завтра снова земля, горы земли, — почему-то вспоминает он. — Будет надсадно реветь двигатель, толкая грунт из котлована... А если дождь?!» Степан в последнее время все чаще вспоминает гладкие реки шоссейных дорог, деревья на обочинах, а за ними солнце, играющее с шофером в прятки!.. Как он соскучился по таким дорогам!

И снова Степан танцует с Золушкой, ему вновь становится хорошо.

— Вы смотрели кинокартину «Тимур и его команда»? — спрашивает Степан.

— Смотрела,— односложно отвечает девушка.
— Помните там слова Мишки Квакина: «Живешь-живешь, и вдруг труба!»
— Нет, не помню,— признается она.— А к чему вы это?
— Да так... Вот жил себе спокойно гвардии сержант Степан Ершов, и вдруг труба! Появились вы, Золушка!
— Продолжайте жить спокойно, гвардии сержант. У меня есть жених.
Атака отбита. Степану грустно, но унывать не его стихия.
— Я все равно не могу оставить вас одну... До его приезда! Разрешите вас проводить домой?

— Это всего в десяти шагах от того места, где мы сейчас топчемся.
— Есть проводить десять шагов!— рисуется Степан.
На следующий танец он приглашает Женьку, потом снова Золушку. О провозжани он уже не говорит, давая понять, что это дело решенное.
Наконец кто-то выключает радиолу и благодарит за внимание.
— Все,— итожит Степан.— Есть предложение: посмотреть речные звезды. Такое можно увидеть только у нас! Женя!— зовет он.— Выпиши мне увольнительную до утра!— Он берет Золушку под руку...
— Нет,— протестует она,— пойдемте все вместе.
...Девушки, возглавляемые Женькой, идут впереди, чуть отстав — Степан. Позади на пригорке остались огоньки поселка. От реки потянуло прохладой. Впереди внизу и над головами — мерцающие звезды, они словно зовут за собой, а сами отходят.

— Как в космосе,— говорит Степан.— Присядем, друзья?
Девушки садятся на невидимую землю. С платформы доносится легкий шум. Там, далеко, то гаснут, то вновь вспыхивают, отражаясь в реке, звезды электросварки.

Степан тоже опускается на траву, по привычке ищет вокруг себя длинную травинку.

— О чем погугарим?— задает он свой дежурный вопрос.
Девушки смеются.
— Вы электросварщик?— спрашивает одна.
— Бульдозерист... А также еще шофер, монтажник, сварщик, слесарь, токарь... Всего двенадцать специальностей! Со мной не пропадешь!
— Я думала, что это вы такие звезды зажигаете,— мечтательно говорит девушка.

— Могу и такие,— уже серьезно говорит Степан. Он понял, что при такой красоте его юмор не принимают.— Мне каждый день один и тот же профессиональный сон снится...

— Какой сон?
— Крутом земля, на зубах скрипит. Горы земли! Мой «утиг» никак не одолеет змеяную гору... Сплюзает. И я просыпаюсь. От страха, что ли?..
— Вы, наверно, в котловане работаете, вот вам и снится,— убежденно говорит Золушка.

— Верно... Надоело все.— Степану вдруг по-настоящему становится жаль себя.— «Про любовь не получается»,— думает он.

— А мы приехали строить дороги,— неожиданно говорит Золушка.
— Дороги?— настаивается Степан.— Какие дороги?
— Обыкновенные, шоссе. Голубые... Знаете, по утрам солнце греет асфальт, и на нем такая голубая дымка появляется. И кажется, что дорога голубая...

— Это ты хорошо сказала,— задумчиво произносит Степан.— Как заправский шофер.

Девушка не слушает его, она рассказывает подругам, вернее, больше Женьке:

— Здесь будет много городов, а между ними голубые дороги. И вы, Степан, станете водить длинный такой автобус. У вас будет высокая, красивая фуражка с кокардой.

«А пока,— думает Степан,— надо ездить по грязи, которая, кажется, навек прикипела к «утигу», к сапогам и за душу цепляет... Голубые дороги... Живут ведь где-то, а тут... Нет, надо кончать эту волюнку, а то, как поется, жизнь пройдет, как прощала Азорские острова...»

— Ладно, ребята, хорошего поменьше... Пошли домой, завтра рано вставать,— сказал он твердо, в его голосе почувствовалось раздражение.— Женя, останься!— скомандовал.

Девушки уходят, а Женька послушно садится рядом со Степаном. Они молчат. Потом Степан откидывается на спину, подкладывает руки под голову.

— Уеду я скоро,— говорит он с какой-то тайной радостью.
— В отпуск?— откликается Женька.

— Нет. Совсем... Сначала поеду к дядьке в Москву, а потом к сестре в Ленинград. Устроюсь, куплю машину!.. Надоело все. Одна стройка, другая, третья! Сколько можно? Я свое построил. Я так главному и сказал...

— А он что?— вырвалось у Женьки.

— Уговаривать стал... Я, говорит, тебя давно знаю, ты, говорит, не за рублем пришел — цену набивать не будешь! Такое с каждым бывает... Со мною тоже было, захотелось вдруг все бросить и уехать. А потом почувствовал, что не могу. Это, говорит, как пообещать и не сделать — все одно. Вот я возьму, говорит, сейчас и уеду — ты же, грит, первый меня уважать перестанешь... Ну, в общем, хитрый, черт! Понимаю, что он прав, а только больше не могу... Озябла?— Степан поднялся, снял пиджак и набросил его на молчаливую Женьку.

...Степану не спится. Он лежит на спине и курит.

Дым плавает в распахнутое барачное окно, в которое виден кусок звездного неба. Чувствует Степан, что сломалось в нем что-то, ушли куда-то легкость и уверенность, с которыми жил все последние годы — и в армии, и потом на стройках. «Свой парень, в доску»,— говорили о нем приятели. «Веселый»,— вторили девчата. Степан жил, особо не задумываясь, как бы шутя, и работал... И вот стало его ломать. Друзья, замечая это, подтрунивали, дескать, жениться надо! Шуточки-прибауточки, над которыми Степан никогда не задумывался и которые подчас помогали ему решать житейские дела, стали даваться все труднее. Может, и вправду молодость проходит?

Ответа он не находил. И ему поразительно захотелось уехать... Он вдруг отчетливо вспомнил, как давно, по весне, заканчивая десятый класс, он вот так же захотел уехать из родного города. Тогда ему да и не только ему казалось, что после школы только и начнется настоящая жизнь! А потом армия... И опять: отслужу и тогда... Стройка! Вот построю и...

Нет, надо на что-то решаться — окончательное и бесповоротное. Осмотреться, осмыслить, определить себя в этом мире. Нужны человеку время от времени такие вот беседы с самим собой, чтобы не метаться, не мучиться неиспользованными вариантами, чтобы раз навсегда: если стройка — так стройка, «жена» — так без кавычек...

Степан незаметно уснул, а на другой день пошел к главному инженеру и за его столом, пока хозяина не было, написал заявление, нетвердой, не привыкшей к письму рукой вывел: «...по собственному желанию...»

Пришел главный. Он был в новом костюме, с золотой звездочкой на груди, объяснил, что ждет гостей из Москвы, а увидев Степаново заявление, нахмурился. Помедлив, написал в углу «Не возражаю» и, посмотрев Степану в глаза, сказал: «Запомни, Степан, вернешься — прием. Такие люди, как ты, нужны...». Он протянул ему заявление, и этот листок бумаги почему-то показался Степану тяжелее гусеничного звена.

Вечером Степан был уже далеко, в большом сибирском городе. А ночь застала его в самолете.

Степан услышал знакомый голос, остановился, поставил тяжелый чемодан на землю и осторожно раздвинул кусты сирени, скрывавшие от него крыльцо с козырьком и двумя ступеньками на терраску. Он увидел у крыльца своего дядьку, одетого в форменные синие брюки и белую рубашку с расстегнутым воротом.

— Смотри, Лид,— громко говорил он,— Мурзик твой все играет... Мурзик, ты же как минимум трижды дедушка, а все играешь!

Громадный пятнистый кот, не обращая внимания на дядьку, то одной, то другой лапой трогал конец веревки, спускавшейся с яблоневого сука.

Степан не торопясь разглядывал «В. И. Шилина» и не спешил выходить из засады. Вчера, когда он позвонил в диспетчерскую аэропорта, где работал дядька, голос его показался Степану таким же бодрым, как и четыре года назад, перед отъездом Степана на новую стройку.

— В. И. Шилин слушает!
— Здравствуйте, светлый князь Владимир Иванович! Это я, Гусь лапчатый...
— Мать честная! Доннерветтер! Путешественник явился — не запылился...
Когда к нам, в «удельное княжество»?

— Да хоть завтра!— радостно откликнулся Степан.
— Все понял. Ждем... Степан ковровые дорожки, приглашаем оркестр, говоим цветы, речи...

«И все-таки постарел «удельный князь»,— подумал Степан,— поседел, живот появился... А вот настроения, как всегда, на десятилетия хватит!»

— Лид, ты сегодня кормила этого тунеядца?— гремел дядькин голос.— А то он веревку съест...

Степан шагнул из-за кустов.
— Бью челом, Владимир Иванович!— дрогнувшим голосом сказал Степан.

— Лид! Гусь лапчатый явился... Лид!
Из-за стриженного в серебристых блестках дядькиного затылка Степан увидел, как на крыльце вышла тетя Лида, такая же худенькая, сухонькая, в руках у нее была мокрая тряпка, которой она только что мыла пол на терраске. Пока дядька мыл кости племяннику, она бросила тряпку, сполоснула руки в кадучке с дождевой водой, вытерла их о передник и подошла к Степану. Тот нагнулся и поцеловал ее в лоб, неуклюже, почувствовал в этот миг, что стосковался по гостеприимным родственникам, по этому подмосковному «княжеству», которое знал еще папаном...

— Ну, хорош гусь! Так ни разу и не написал,— сказала тетя Лида.
— Как? Я писал,— начал было оправдываться Степан, но тут же вспомнил нехитрые приемчики хозяев этого «княжества», которыми они «заводили» гостя.

— Ну, силе! Четыре года ни слуху ни духу,— подхватил дядька.— Мне простительно: в свое время я тоже четыре года не писал, но тогда война была!

— Я написал, да опустить письмо некуда было — одни берлоги вокруг, тайга,— начал входить в роль Степан.

— Ишь ты, поднаторел,— оценил реплику дядька.— Ну, проходи, располагайся, как бывало... Здоров же стал! Мы, правда, тоже не дремали,— балагурил на радостях дядька, поглаживая свой живот.— Вот малость грудь опустилась, но я так понимаю, что у всех сильных людей грудь немного опущена. Взять, к примеру, чемпиона мира Алексея...

Как подчас не хватало Степану вот такой шутки, вот такого говорливого и веселого человека рядом! Оказывается, он здорово любил своего дядьку, и ворчливую тетю Лиду, и эту заваленную самыми разными вещами терраску, и основной дух, который он почувствовал сразу же, как только вышел из электрички.

Пилот Аэрофлота Шилин, ныне диспетчер, занимал часть одноэтажного дома барачного типа, построенного где-то в начале тридцатых годов, когда авиация в основном была фаерная и пилоты-богатыри могли свободно толкать плечом самолет, как сейчас толкают свои «Москвичи»... Любил дядька повторять: «Я эту дачу ни на одну московскую квартиру не променяю. Газ есть, водопровод — хоть залейся, яблоки, как Ньютоны, за шиворот падают, яйца — высший диетический сорт!» В переводе на обычный язык это означало, что газ в их поселок подвели, колодезь он вырыл в погребке и приспособил для подачи воды огородную помпу, так что воды с лихвой хватало на отопительную систему, бытовые нужды и на небольшой сад — давнишнюю дядькину слабость.

Вторую половину дома занимал авиационный инженер Муров с женой и дочкой. Он, как и Шилин, жил здесь с незапамятных времен, когда на работу в порт можно было поддехать на извозчике. В отличие от своего рослого и говорливого соседа Муров был невысок и молчалив, с Шилиным он был в хороших отношениях, а вот жены их, как говорится, мирно сосуществовали.

Свой сад дядька посадил, когда еще летал. Собирал он его любовно, словно коллекционер. Всего шесть яблонь, но каждая — особый сорт. У дома стояла развесистая грушовка, рядом с ней — зимний штрифель, дальше — тоже зимняя — славянка, ближе к муровскому участку — бельфлер-китайка, у штакетника раскинулись антоновка и папировка. Какой-то необыкновенный крыжовник он привез из Мурова, диковинную смородину — из Тулы... Немало времени Шилин потратил на сад, зато теперь он был лучшим во всем поселке.

— А у нас прибавление,— гремел дядька, указывая на вошедшего в комнату кота, уставившего на Степана огромные, с трехкопеечные монеты зеленые глаза.— Я теперь у Лиды отошел на второй план, на первом месте у нее вот этот бездельник... «Мурзик, сынок, хочешь рыбки?» Это она ему. А я с работы приду, она мне: «Явился — не запылился...» Ну и далее по формуле: подай — прими — пошел вон!

— Хватит тебе,— говорит тетя Лида.— Лучше достань из погреба что надо... Степа, может, под яблоньками стол-то накрыть?

— Во... То, что надо!— ответил за племянника дядька и, скинув крышку, которая пряталась под половиком на терраске, полез в погреб.

Степан снял светлый клетчатый пиджак, выгрузил содержимое чемодана на кухонный стол и вышел на крыльцо. Звал к себе этот зеленый магнит. Вырос Степан — вырос и сад. Разрослись деревья. Грушовка протянула ветви к окнам

квартиры, антоновку поддерживали «под руки» толстые колы; прорезавшую сад аллею из битого кирпича скрывали пышные гладиолусы и георгины. Почти не было видно штакетника, делившего сад на два участка — Шилина и Мурова. Лишь по-прежнему из земли, как гриб на тонкой ножке, торчал круглый стол. Он стоял рядом с единственным куском штакетника, не закрытого зеленью, сквозь который просматривались дворик и крыльцо муровской половины.

Тетя Лида накрыла столик-гриб белой пленочной скатертью и принялась заставлять его тарелками с едой, то и дело пригибаясь под веткой папироски. «Еле держится», — подумал о штакетнике Степан и невольно перебросил через него свой взгляд. С той стороны тоже вырос неплохой сад. Молодые муровские яблоньки уже переплелись с ветвями старых шилинских, нарушая границу двух «удельных княжеств». Старенький штакетник с обеих сторон поддерживал кусты крыжовника и смородины.

Не раз соседи решали снести загородку, но она продолжала стоять, как неприступная демаркационная линия двух суверенных держав.

Бегущие мысли Степана прервал все тот же дядкин голос:

— Меня, Лид, если к теплой стенке прислонить, я еще на многое сгожусь! — Это он отвечал на похвалу жены, которая оценила его усердие в затоваривании стола.

Что-то окончательно растаяло в душе Степана, недавним детством пахло на него, и он понял, что в эту минуту спало напряжение, владевшее им все последние дни. Он как бы вновь увидел сад и цветы, синее небо и этого огромного кота, не спускающего с него глаз. «А что, собственно, произошло?» — спросил себя Степан и ответил себе, что все на месте, что он жив-здоров и ничто его не связывает...

Спустя полчаса он живописал о своей новой стройке, забыв, что вчистую расстался с ней два дня назад.

— Степ, ведь, поди, устаешь? — подбрасывала вопросы тетя Лида.

— Не без того! Даже по ночам котлован снится, земля вокруг, а мой «утиг» буксует...

— Ну, а платят-то хорошо? — отступала тетя Лида.

— «Жигули» хоть сегодня куплю да и квартиру в придачу. Только зачем она мне: я сегодня здесь, а завтра там! У нас женатикам — милости просим — всем квартиры дают. Оставайся, работай, только и делов.

Степан помолчал. Потом как-то вдохновенно, будто что-то вспомнив, продолжил:

— Все же думаю бросить свой «утиг». Желание есть — на самосвал! Это же великаны! Сорокатонные... Глядишь на него и уважение невольно испытываешь.

— Дело говоришь, Степан. За это и выпить не грех... А ну, давай освежимся! — одобрительно гудел дядька.

— За «удельное княжество»! — поднял рюмку Степан.

— Степ, ты ешь, — перебивает тетя Лида, — а то захмелеешь. Я тебе хлеб с маслом...

— Спасибо, тетя Лид!.. Вот я и говорю, хочу на самосвал.

— Степ, вот яблоки — нашенские, отведай!

— Щас, тетя Лид, обязательно.

— Лид, а горчица-то где? — говорит дядька.

— Ох, батюшки, забыла!

— ...С главным инженером я в большой дружбе, как-никак на третьей стройке вместе! Одно мое слово — и завтра же я на самосвале!

— Степ, ты мясо ешь, вот горчица... А пить-то хватит! Володь, хватит, говорю. Разошлись... Завтра время будет! — Тетя Лида взяла со стола незаконченную бутылку коньяка и унесла ее на терраску.

— Тебе, Лид, врачам показаться надо... Мы что, несовершеннолетние? — возмутился Владимир Иванович.

— Уже показывалась, — откликнулась тетя Лида. — Сказали — затюканная.

— Во, видал, — кивнул дядька на терраску. — Вот так и живу! Мне уже давно бы награду надо дать за такую жизнь!

— Ничего, — попытался смягчить накалившуюся атмосферу Степан. — Мы, дядь Володь, свое наворачаем!

— Это точно. — Владимир Иванович достал «Беломор». — Зарплату ей принесешь, а она дает три рубля: на, говорит, и ни в чем себе не отказывай!

Степан засмеялся, откинулся на скрипучем стуле и умиротворенно еще раз оглядел сад.

— Как находишь? — спросил его Владимир Иванович.

— Сказка, да и только!

— Поспевают... Скоро падать начнут.

Дядька тяжело поднялся и неторопливо пошел к терраске.

Степан остался один. Он сидел и слушал тишину, редко прерываемую далеким рокотом мотора или сигналом электрички. Он невольно сравнил тишину здешнюю и ту, сибирскую. Здешняя была мягкая, податливая, а там — напряженная, звонкая, а иногда гудящая на высокой ноте, будто рядом высоковольтные провода... Легкий скрип прервал его мысли. Степан повернул голову и через штакетник увидел на муровском крыльце незнакомую девушку, высокую, стройную, с венчиком в руке. Она была одета в клетчатую кофточку-рубашку с короткими рукавами и тренировочные брюки, обтягивающие стройные ноги. Прядь русых стриженных волос скрывала почти пол-лица.

Это было как в сказке: зеленый, уютный дворик и посреди него принцесса «удельного княжества».

— Здравствуй, — поздоровалась девушка, вскинув и опустив глаза.

— Здравствуй, — эхом отозвался Степан. И поклонился.

Сделал он это серьезно и торжественно. Девушка тихо засмеялась.

— А я вас знаю, — сказала она.

Степан удивился еще больше.

— Это несправедливо, — возразил он.

— Что несправедливо? — спросила девушка.

— Вы меня знаете, а я вас нет...

Она снова тихонько засмеялась и стала внимательно рассматривать старый, обшипанный венчик.

— Вы племянник Владимира Ивановича, а я... Зоя Мурова.

— Нет, не может быть! — вырвалось у Степана. — Зоя! Вы были совсем маленькая. Когда же вы успели... — Он не договорил. На крыльце появился Владимир Иванович.

— Кого я вижу! — радостно воскликнул он. — Зоюшка! — И, обращаясь к Степану, сказал: — Как мы выросли, а? Когда-то был Гусь лапчатый и была Заинька беленькая... А теперь — бери выше: техникум заканчивает... Вернулась с практики. Когда на танцы пойдешь, Зоюшка?

— Только переоденусь, — поддержала игру Зоя.

— Вас понял, — как в своей диспетчерской, отозвался Владимир Иванович. — А пока показала бы гостю дорожному наше озеро... Только, чур, Степан, не купаться, у нас закон: после застолья в озеро не лезть!

— А вы надолго к нам?

— Теперь надолго. Отпуск у меня двухмесячный, — соврал Степан, — а потом посмотрю.

Они сидели на лавочке, прислонившись к высоченному забору, ограждавшему чью-то дачу. Впереди поблескивало в темноте озеро. На той стороне горели окна дачного поселка. Кто-то купался, и голоса, словно крики ночных птиц, раздавались над озером и тут же как бы вязли в тишине.

— Как тихо! — сказала Зоя.

— Тишина, оказывается, тоже разной бывает, — радуясь, что появилась тема для разговора, сказал Степан. — Вот здесь, в средней полосе, тишина какая-то мягкая, задумчивая, а в Сибири...

Он говорил негромко, как бы боясь нарушить тишину. За озером прозвучала сольная партия сигнала электрички, послышалась барабанная дробь вагонных колес, и снова все стихло.

Легкого разговора не получалось, и Степан ничего не мог с собой поделывать, настроение вновь было на «нуле».

— А я вас, Зоя, помню совсем маленькой — беленькая такая, худенькая... А меня вы помните?

— Смутно. Кажется, однажды мы вместе с Владимиром Ивановичем ездили куда-то...

Степан подумал сейчас, что дядька никогда не говорил о детях. Бог не дал ему детей, а зря! Степан помнил, как могучий дядька, еле помещавшийся в старый «Москвич», до отказа набивал его голоногой пацанвой и катал ребят до пустого бака. А как он угощал первыми яблоками из своего сада! Степан даже там, в Сибири, на «растоянии», чувствовал и к себе дядькину любовь, он всегда знал: в любое время дня и ночи, в любое время года здесь ему откроют дверь, обогреют и накормят.

Разговор не вязался, и оба это чувствовали. Степан подумал о том, насколько легко было ему с Женькой, проще, и веселее, и свободнее! Глядя на огоньки дач по ту сторону озера, он сравнил их с огоньками своего поселка в последний звездный вечер... «Какие они разные все! — подумал Степан. — Зоюшка — эта знает, что делает, для нее все ясно, все чисто. Зоя кажется совсем «зеленой»... Женька?.. Как она там теперь?» Беспокойно застучало сердце, заволновалось, затрепетало от воспоминаний, потом будто остановилось. На секунду Степана охватило такое чувство, словно он сбил кого-то своей машиной и едет, не останавливаясь! Куда я? Надо же остановиться...

Что дал он этой девушке, так бескорыстно идущей за ним? Надежды?.. Ведь надеется она на него, обогревает теплом своим человеческим — безответным! Тихо и покорно участвует в бессердечной — конечно, бессердечной! — игре». А имеет ли он право играть так чужой жизнью, чужим доверием?..

Он не услышал, как Зоя что-то сказала, он лишь увидел, что она поднялась. Он молча пошел за ней, чуть приотстав и думая о том, что вот бывает так: пять — десять минут назад он и Зоя были друзьями и наверняка нравились друг другу — иначе бы не пошли гулять! — и вот... Телепатия какая-то: одно сердце позвало, а другое не откликнулось.

Он проводил Зою до порога, как можно спокойнее сказал: «До свидания, Зоя, доброй ночи!» — и пошел на дядькину половину.

На терраске возилась тетя Лида, а из комнат доносился богатырский храп. — Тетя Лид, постелите мне в саду, на раскладушке. Как бывало... — негромко попросил Степан.

— Холодно будет! Да комарики летают...

— Против сибирской мошки здешние комары — ангелы, — ответил Степан, снимая рубашку и вешая ее на спинку стула.

Вскоре он лежал на раскладушке в спальном мешке, чувствуя свежую влажность простыни-вкладыша. Потом сильно проступил запах душистого табака, и наконец он почувствовал тонкий аромат спелых яблок. Спать не хотелось. Он подумал о Зое, представил себе, как она сейчас раздевается и ложится в постель — совсем рядом, вот за этими темными окнами. Зоя, Зоюшка! Красивое имя! Кажется, в детстве ее звали Заинька беленькая... Куда бегал? В лес дубовый! Что там делал? Лыко дра! Куда клял!..

Постепенно к Степану вернулось хорошее настроение, на память даже пришла какая-то старая поговорка: что нам, малырам, день работам — два гулям! Действительно, что ему, здоровому работяге, тужить? Он вольная птица, куда хочет, туда и летит! На его век работы хватит, а женитьба тоже дело нехитрое... Тут он снова почему-то вспомнил Женьку, она вроде бы стояла перед ним и тихо смеялась, склонив голову к плечу и закрыв ладошкой рот... Странно, он подумал, что Женьке больше бы подошел ранг принцессы «удельного княжества»! Но почему? Зоя моложе Женьки да и, пожалуй, красивее. Только вот в Женьке есть какая-то женская струнка... Степан никак не мог подобрать слово... Женственность, что ли? Заботливость, может быть. Он вспомнил, как ухаживала за ним Женька, когда он болел, носила из столовки бульон, который и впрямь поставил его на ноги за два дня. Но он, Степан, воспринимал все это как должное да еще и подшучивал, что «жене» так и положено: подай — прими — пошла вон!

Степану вдруг стало жарко, и он рванул «молнию» спального мешка. Прохлада коснулась груди, он облегченно вздохнул, повернулся на бок и было задремал. Вдруг кто-то стукнул его по ноге, не больно, словно бросил тугий мячик. Степан приподнялся на руке, другой нащупал в темноте тяжелое, налитое соком яблоко. Он тихо засмеялся, погладил нежную его кожу и осторожно положил рядом с собой в траву. Снова лег и закрыл глаза. Где-то совсем рядом опять тяжело ударились о землю, потом еще и еще... Степан лежал и улыбался.

Вот, вспомнил! Сорокатонный самосвал! Кому-кому, а мне доверят. Точно. Смешно, но факт: думал об этом давно, а вот сказал почему-то только сегодня, когда все мосты сожжены, как изрек какой-то полководец. И Степан с такой ясностью представил себя за рулем самосвала-тиганта, что пальцы сами собой сжались... А мысль уже искала опору себе, уже звала на помощь новую, подтверждающую, что еще не все потеряно, а вернее, ничего не потеряно! Строек много, и машин таких с каждым днем все больше — на мой век хватит.

Открыв глаза, он увидел перед собой два зеленых кошачьих глаза, неподвижных и громадных, как у светофора.

— А что, брат, мы еще повоюем! — неожиданно для себя сказал Степан.

...Наутро, до завтрака, Степан рванулся в поселок, сказав на ходу, что идет дать телеграмму жене!

— Кому? — не понял дядька.

— Я так и знала, — сказала тетя Лида.

Николай
РЕРИХ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Далекое — близкое

В нравственной жизни нашего народа огромное значение имеет культурное и литературное наследие прошлого. Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивал необходимость для молодежи упорной, систематической работы по овладению культурным наследием. В речи на III съезде РКСМ он разъяснял молодежи, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру...»

С этого номера журнала мы начинаем новую рубрику: «Далекое — близкое», — в которой будем публиковать материалы о культурном, эстетическом наследии прошлого. Рубрику мы открываем публикацией нескольких статей Николая Рериха, неизвестных нашему читателю.

Исключительно многогранно творческое наследие выдающегося русского художника Николая Константиновича Рериха (1874—1947). Энциклопедический, воистину всепроникающий характер его деятельности приводил в восхищение современников. Недавно исследователи творчества художника сравнивали его с такими великими фигурами Ренессанса, как Леонардо да Винчи и Микеланджело. Рерих вошел в историю искусства не только как создатель семи тысяч полотен. Он был поэтом (известны восторженные отзывы о его стихах А. М. Горького, Л. Андреева, Р. Тагора), писателем, публицистом, страстным пропагандистом русского искусства.

Художник был неутомимым путешественником. Особую известность приобрела Трансгималайская экспедиция Рериха (1923—1928 гг.), достигшая таких пунктов Центральной Азии, куда до нее не ступала нога европейца. На базе материалов экспедиции

Рерихом был основан Гималайский институт научных исследований, получивший поэтическое наименование «Урусвати» («Свет утренней звезды»). И, наконец, Рерих был выдающимся общественным деятелем. Ему принадлежит идея Пакта о сохранении культурных ценностей во время военных действий. Борьба за Пакт Рериха охватила в свое время миллионы людей и в 1954 году увенчалась подписанием Международной конвенции о защите культурных ценностей.

В прошлом году весь мир торжественно отметил 100-летие со дня рождения художника. Выставки его картин посетили сотни тысяч людей. Прошли торжественные собрания, научные конференции, посвященные творчеству художника.

Но, разумеется, этим далеко не исчерпывается литературное наследие великого художника. Радость многих открытий еще впереди.

Валентин СИДОРОВ.

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ.

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ.

НЕБЕСНЫЙ БОЙ.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

ТРУД

«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Сколько раз это мудрое речение употреблялось и сколько раз оно толковалось ложно. Каждый пытался пояснить значение труда по-своему. Сапожник понимал, что труд — это есть сапожное дело, кузнец в себе знал, что истинный труд заключен в кузнечном молоте. Жнец потрясал серпом, как единственным орудием труда. Ученый, естественно, понимал, что труд в его лаборатории, а воин настаивал о труде военных познаний. Конечно, все они были правы всегда; но, судя в самости, они, прежде всего, хотели понять о себе, а не о другом.

Чужой труд смотрелся через уменьшительные стекла. Никто не хотел искренно понять, насколько все виды труда зависят и сотрудничают друг с другом.

Ведь это просто? Конечно, просто. Ведь это всем известно? Всем, от мала до велика, известно. Это применяется в жизни? Нет, не применяется.

Получились самовольные разделения труда на высший и низший. И никто толком не знает, где именно граница оценки труда? О качестве труда по нынешним временам часто вообще судят очень странно. Наряду с развитием механических производств люди начали всецело полагаться на машины. Но ведь и в любой машине будет лежать в основе качество труда, в зависимости от умения применять эту машину.

Не раз говорилось о том, что даже машина иначе работает в разных руках. Больше того, доста-

точно известно, что одни мастера благотворны и для самой машины, другие же как бы носят в себе какое-то разрушительное начало. Люди издавна понимают значение ритма в труде. Приходилось видеть, как для общественных работ присоединялись местные оркестры для вящей успешности. Даже в далеких гималайских лесах дровосеки носят деревья под удары барабана. Всем это известно, и тем не менее сознательная согласованность труда все-таки является чем-то ненужным и не опознанным в глазах большинства...

В основе всяких прискорбных и продолжающихся недоразумений все же лежит невежественное понимание о труде. Естественно, все желают, чтобы их государство преуспевало. Все довольны, когда общественные начинания кем-то похвалены. Вместе с тем обычно, лишь как исключения, люди понимают всю меру ценности труда. Апостольское речение безусловно правильно. Никакие дармоеды и паразиты не имеют права на существование. Но при этом насколько нужно воспитать народное сознание в истинном понимании, что такое труд во всеобщее благо.

Не случайно человечество знает многие поучительные житейские примеры. Великий пример сапожника Бебе, или мастера телескопических линз Спинозы, примеры некоторых епископов, бывших превосходными ткачами, и другие такие же поучительные, житейские опыты должны бы достаточно показать оценку качества труда. Наконец, мы всегда имели пред собой, потрясающий в своей убедительности, пример Сергия Радонежского, который не принимал даже куска хлеба, если не считал его заработанным.

Такие ясные зовущие примеры должны бы быть рассказаны вполне убедительно во всех школах. Тем самым внеслось бы равновесие трудовых оценок. Стерлись бы многие гордыни, но, с другой стороны, и сердчно понялась бы радость о каждом прекрасном исполненном труде. Если все это так не ново, то почему же оно много где не применяется?..

Сказанное не только не есть преувеличение, но оно недостаточно повторено. Из того, что некоторые люди вообще избегают мыслить о культурных ценностях, избегают хранить их и поставить на должное, в цивилизованном государстве, место, уже из этого одного видно, насколько люди мало берегут то, что лежит в основе мирного труда и творчества.

Заслуженно твердо сказано о нежелающих трудиться и тем самым не признающих значения труда. Они могут и не есть, они не нужны для жизни ни сор и мусор. Вот как оценивается небрежение к понятию труда.

В настоящее время, во дни всяких механизаций, требуется тем большее внимательное отношение к труду, требуется справедливости и труженикам всех родов и всех областей. Люди уже догадывались, что увлечение роботами не есть высшее достижение. Тем самым будет осознано и качественное творческое начало каждого труда...

Опять-таки, посмотрите, как живут и трудятся истинные труженики. Каждый день, в полном порядке, в полной прилежности и терпении они создают что-то, и создают не для себя, но для чьей-то пользы. В этой анонимности заложено так много величия. Заложено много понимания, что все это есть в конце концов условный иероглиф, как каждое имя, каждое понятие. Эти имена становятся вполне именами собирательными. Когда произносится Эдиссон, то уже не думается о Томасе Эдиссоне, но как о мощном собирательном понятии изобретательности на пользу человечества. Так же точно, будет ли произнесено имя Рафаэля или Рубенса, оно уже не будет чем-то чисто личным, оно попросту будет характеристической эпохи.

На старинных китайских изделиях имеются своего рода марки. Они тоже не имеют в себе ничего личного. Они стали тою печатью века, о которой так много говорилось.

Пусть будет печать нашего века широкая и справедливое осознание труда. Пусть не будет забыт каждый полезный, творческий работник. Пусть во всех государствах вопросы образования, просвещения, труда будут на первом месте.

УДАЧА

Говорят, в Китае бывал урожай пшеницы — сам-четыреста. Каждый колос убергался. Каждая грядочка окучивалась. Каждое зернышко собиралось. Добрая земля. Но где-то бывало и так, что вместо ожидаемых сам-двадцати выходило сам-пять. Земля ли?

Нередко бывает, что какое-то начинание, казалось бы, со всех сторон обдуманное, все же почему-то не вполне удается. Можно предусмотреть разные окружающие условия. Можно приберечь, казалось бы, лучшие средства, можно избрать подходящее время. Словом, все внешние условия как бы будут налицо, и все-таки результат почему-то выйдет не тот, который ожидался. Что-то помешало лучшему выражению. Обычно в таких случаях обращаются взглядом далеко кругом. Предполагают чуть ли не космические причины. Подозревают козни незримых сил темных и стараются найти самооправдание в неудаче. Но сказано: ищите ближе.

Действительно, могли быть предусмотрены многие внешние условия. Были использованы лучшие возможности. Были потрачены большие запасы энергии. Но причина, отодвинувшая удачу, не лежала во внешних условиях. Не посторонние злодеи воспрепятствовали. Маленький, незримый, собственный злодей приложил свое старание, и долгожданная глубоко промышленная удача дала, может быть, лишь сотую часть следствия. Как же имя этого тайного злоумышленника, уместившегося тут же оное сердце человеческого? Смятение, раздражение, подозрение, сомнение, саможаление, самооправдание... Мало ли как называет себя темный злодей, протягивающий свою руку во вред. Главное его имя, вероятно, будет «предательство».

Ведь люди самыми разнообразными раздражениями и подозрениями уже предательствуют. Большею частью им даже и в голову не приходит такое название их мыслей и поступков. Но, смотря вглубь, вы видите только предавание самого лучшего. Не то чтобы человек плохо помыслил о самом протекающем деле; может быть, и этому делу он остался вполне расположен; может быть, именно от него он ждал самой большой своей пользы. Ведь темное начало не действует прямо.

Самые лучшие стремления можно подрезать мимолетными темными стрелами. Очень часто человек даже не осознает этих посылок. Они промчатся в пространстве будто бы незамеченные. Сколько раз сам посланный будет отрицать наличие несправедливого суждения. Из этих маленьких обиходных несправедливостей, из крошечных раздражений и подозрений образуются трудно заличимые раны. Ох, уж эти черные стрелы! Сколько о них сказано и написано! Зачем повторять. Но если вы опять видите их, то можно ли молчать, можно ли не напомнить? Если кому-то это напоминание излишне, то другому будет неотложно полезно. А многим ли оно излишне?

«От свечи — дом сгорает». От тех же малейших причин иногда губительно откладывается, а то и вовсе теряется уже сложное. Человек знает, что его позовут. Смотрите, он уже сшил и одежду для продвижения. Он говорит об этом в восторге и в восхищении. Но приходит жданный миг, и целое множество маленьких соображений помешает. Что-то не выйдет, что-то опоздает, кто-то не пойдет, кто-то шепнет нечто страшное. Даже не предусмотреть всех этих маленьких домашних мохнатых, которые, как перенати-поле, выснакивают из темных углов. Как и что происходит, не будем судить, но срок-то удерживается. А за этим сроком, может быть, искривляются и многие сроки. Удар в одном месте отзвучит где-то совсем неожиданно. Кому и где нанесется вред? Все эти, казалось бы, давно известные слова оказываются не использованными на деле.

В описаниях битв вам приходилось читать, как подчас все было установлено и исчислено, но кто-то не приходил в назначенное место и затем выпавшее звено нарушало весь строй. Итак, не только ждите удачу, но сберегите ее. Если же можно, чтобы удача превысила сужденное, то к такому подвигу приложите особые силы и особое умение. Это уже будет ваш подвиг.

Как неразрывно понятие подвига с понятием удачи. Ведь подвиг — во благо. Удачу можно мыслить тоже лишь во благо. Какая же такая удача во вред? Это противоречило бы самому слову. Именно подвиг только добрый, и пусть будет удача только добрая. А уж сохраните ее, как самый цветок драгоценный.

ПОРАДУЕМСЯ

Чему бы такому порадоваться? Не успеешь рассмотреть радость, как она превращается в новую заботу. Не успеешь почувствовать победу, как она обращается в новый поход. Кто-то бы сказал, просто беда.

Но какая же такая беда, когда это есть жизнь. Стоит вспомнить целый ряд деятелей времен итальянского Возрождения и удивиться остроте волн, и вниз и вверх взмывающих. Сама пена является только знаком нового накопления. Именно среди этих сильных характеров можно наблюдать, до какой степени остро соприснались между собою величайшие их напряжения и происшедшие за ними величайшие достижения.

Лишь в школе жизни, когда нинто, казалось бы, не печется о достижениях этих деятелей возрождения, опять выковыльются необыкновенные возможности. Сейчас мысленно вспоминаю несолько определенных примеров, и вместе с их биографиями можно удивляться, каким образом могли создаваться новые решения и возможности, когда, казалось бы, никакого пути уже не было.

Так могло казаться с узкой земной точки зрения. Но у этих, сильных мыслью и делом, людей путь всегда находился. Находился этот путь в необыкновенной новизне и неожиданности. Уже тогда, при несовершенных путях сообщения, были слагаемы пути заморские и загорные. Если кому-то теперь кажется что-то немверно трудным, то насколько труднее это было когда-то тогда, когда оставалось столько пугающе неизвестного.

Так же, как теперь, когда отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею. Какую же одиссею нужно почитать теперешним людям, чтобы и среди забот все же порадоваться...

И вот по вере, по знанию видно, что можно радоваться. Можно радоваться постоянно новым путям, так же неисчислимы, как неисчислимы светила небесные. Разве только случай приводит к нахождению новых путей? Именно не случай, ибо и случая-то почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложных возможностей.

Если кто говорит, что дальше так нельзя, то именно в этом «так» он лишь останется правым. Так нельзя, но иначе можно. Для этого «иначе» соберем всю нашу память, очистимся от ненужной ветоши и попробуем посмотреть глазами новым.

Если кому-то почему-то очень грустно или смутно, то пусть он напомнит себе сознательно и повелительно о том, что радость возможна, что она есть и будет. Кто-то назвал такое утверждение «заклинанием радости». Может быть, это не далеко от истины. Если вы чего-то хотите — вы должны об этом думать и вы должны магнетом сердца привлечь это. Когда вы скажете себе «порадуемся», — это никогда не будет отвлеченным бессмысленным, но будет лекарством особым и мудрым. «Радость есть особая мудрость».

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по-туркестанскому — карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его близиня дождевая промочина, но он уцелел. Как-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево. Даже у жесточких людей иногда не подымается рука сделать нечто непоправимое.

Не только уцелел вяз как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезной деятельностью — разбросать и засеять окружающие его склоны молодыми отростками. Среди ирисов, востреча, дерасуна темнеют многие кустники вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роца. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими хранителями жизни. Пусть деревья ненадобны после известной высоты, когда их жизнедеятельность уже планомерно заменяется качеством праны горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимается жестокая рука, искоренившая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепит сознание о всех жизне-дателях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рун мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на сплениенные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву, чтобы или искоренить его, или по крайней мере повредить.

Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными личинами. Очень рад слышать, что у Вас времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и, поверьте, его хватит на все. Много времени лишь у ничего не делающих.

Труд, постоянное делание, творение есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацее не будет включено никаких наркотиков, не потребуются никакого опьянения, но здравая, ясная радость будет источником долгой, плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, покажет Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбудят чье-то соревнование и завистливые негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени — кушать Ваши две морковки (как Вы говорите) и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить.

Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметится какое-то временное препятствие, то Вы знаете, что во всем круге работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте «На реках Вавилонских», не от сидений, но от бодрой, неизбывной, творческой работы.

Хотя Вам, как Вы пишете, трудно успеть ответить на все разнообразные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда медленно отвечали на письма. Они и не могли запустеть это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминал о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзана или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье среди множества трудов писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов! Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останется отличием наших культурных учреждений любовь и труду, стремление и постоянно деланию, желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все, от мала до велика, одинаковые трудники, и трудятся не за страх, а за совесть, или, вернее, за радость. Ведь, если кто не познал эту радость, значит, он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, во всех возможностях.

Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепиской, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неустранимом желанием делания будут Ваши сила и молодость.

ДОВЕРИЕ

Письмо Ваше говорит о доверии. Вы справедливо спрашиваете, как же наконец объяснить всем, всем неотложную нужность доверия.

Вы понимаете, как доверие необходимо на всех созвучных путях. «Без согласия дом не строится», а согласие уже есть доверие. Если сотрудник в сердце своем знает о сотруднике, что тот делает именно так, как надо, — это уже и будет знаком доверия.

Такое понятие, как доверие, нельзя выразить никакими наставлениями, а тем более указами. Его

надо почувствовать. Или оно имеется налицо, или его нет. Если оно не зародилось, то ничем и никак вы его не надстроите. Всякое чувство строится на очень прочном сердечном фундаменте. Если фундамент не сложен, то вся постройка будет на сыпучем песке и не принесет ничего, кроме огорчения.

Доверие настолько есть чувство, что оно не нуждается в очевидности. Можно восчувствовать доверие к чему-то или кому-то, никогда и не видев этого дела или это лица. В своих обстоятельствах доверие похоже на убедительность. Совершенно также убедительность является, как высшее видение, как непреложность. В ней есть и вера и сознание настоящей реальности. Те же самые обстоятельства непременно нужны при образовании доверия.

Элементы доверия настолько благотворны, что без них действительно нельзя себе представить никакую постройку, будь она земная или духовная. Доверие будет прочным цементом всякого духовного строительства.

Вы и сотрудники Ваши совершенно правы, озабочиваясь, как естественно всего взаимно пребывать в доверии. Ведь можно вместе читать книги, можно вместе слушать лекции, можно обоюдно доброжелательствовать и все же не быть твердо уверенным в обоюдном доверии. Проверять доверие следует на всяких жизненных вопросах. Каждый должен спросить себя, может ли он совершенно быть спокойным за своего сотрудника так же, как за самого себя.

Сказано: «Не желай другому того, чего себе не желаешь». В полной мере это положение применимо в рассуждении о доверии. Так же точно сотрудники должны быть обоюдно спокойными, поручая друг другу какое-либо добротворчество.

Если где-то зашевелится подозрение о том, сможет ли сотрудник выполнить поручение во всем высоком качестве, то это уже покажет, что доверия или нет, или оно очень призрачно. Конечно, нужно думать о доверии. В этих мыслях уже будет утверждаться возможность зарождения доверия. Когда вы будете знать, и знать неотступно, насколько непременно нужно доверие при каждом общении, то вы и будете анализировать свои чувства и мысленно обострите их в благоую сторону.

Мы столько раз обменивались с Вами соображениями о значении и о силе мысли. Вот эту силу мысли и нужно обнаружить при Вашем благом устремлении и укреплению доверия. Не ищите его лично и в самости. Пусть оно цветет на непреложных фактах. Доверие не может расцвести на пустом месте и о пустом месте. Для него нужна действительность, не предполагаемая, но доказанно осязаемая.

Не однажды в литературе говорилось об обезьяньих лесах. Подобно же можно выразиться и о всяких своеобразных определительных, которыми люди иногда хотят выразить ощущение чего-то особенного. Ведь все несобственное у тех же людей не заслужит ни внимания, ни доверия.

Могут быть восстания против всего особенного. В страхе и в ужасе невежества что-то захочет, чтобы все сущее стало бы несобственным, забывая, что тем самым он вычеркнул бы из бытия и возможности всех блестящих открытий, которыми сам же он так любит пользоваться. Какие-то изверги в разных областях могут вопить против всего особенного, иначе говоря, — против всего, чего они не знают. Но это будут лишь пароксизмы невежества. Все же находящееся на путях культуры отлично понимает, что несобственное есть смерть и тление, а особенное есть жизнь и преспеяние. А разве сама жизнь, в ее несказуемой тайне, не есть высшая особенность?

В построении доверия вы проявите высшую меру доброжелательства. Помыслите в таком доброжелательстве, которое называется оптимизмом. Ведь границы между этими понятиями совсем не приметны. Сад прекрасный, распадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма. Пусть себе что-то ухмыляется. Можно привести из Пушкина, Гоголя, из Чехова многие примеры, когда в убедительных словах говорится о необходимости доверия и справедливости.

Прочно взращенное доверие будет справедливо. Ошибки могут быть лишь там, где была какая-то неосмотрительность и небрежность. Дом, построенный крепко, и будет прочным и будет служить надолго. Радостно, что вы мыслите о том, что является прочным цементом для строения человечества.

СТРОИТЕЛЬ

Может ли сеятель наверно знать, как уродится его посев? Налетит ли град? Достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель свои посевы и спешит не упустить их, даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов, твердыни не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не осыпали в своем строительном рвении.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои зовущие лады для незнающего ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не сможет не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Создание есть его песня, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердыни, и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания. Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет, и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех воз-

никающих по пути его вихрей и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчему, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семья мало, но уже имеет в себе весь запас роста, и цветения, и благоухания. Семья даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учуть можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в самом скромном доспехе. В каждом стремлении и созидании будет исцеление и жажда нового совершенствования. В этих поисках — обнова жизни. Ее крепость слагается неудержимым стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны и соизмеримы.

Сон качеств нарушается самими неожиданными способами, иногда совершенно нежданно и нереченными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить в тайне сохраненные создательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут принести человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастает всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несозмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна, нужно мысленно понять и полюбить всю чудодейственную зерновую мощь.

Наблюдение и расследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинается об это чудо. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства? Строитель должен думать над этими зернами, из которых так мощно и целесообразно вырастает все последующее древо на многие века.

Нельзя отлаживать строителю его строительные мысли, пока механически соберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что где-то новые запасы уже выросли, уже сложены, и надо их лишь усмотреть.

Разнообразны строители. Касаются они всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве прежде всего несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зачаток строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни души. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Да живет строение прекрасное.

РОЖДЕНИЕ СКУКИ

Среди обсуждения современной жизни кто-то пожаловался на скуку, но другой собеседник воскликнул: «Какой же вы скучный человек!» Жаловавшийся на скуку начал уверять, что он-то лично не скучен, но обстоятельства его жизни так однообразны и бесцветны, что не он, но обстоятельства жизни скучны.

Между тем другой собеседник продолжал настаивать, что не может быть в жизни, в природе таких обстоятельств, которые порождали бы скуку. Он говорил: «Мы сами рождаем в себе эту мертвенность, которую мы называем скукой. Мы сами скучны, а вовсе не жизнь, вовсе не природа».

Третий собеседник припомнил из жизни отшельников Индии, как, не двигаясь из входа своей пещеры, риши ощущали всю полноту бытия.

Итак, первый собеседник, неосторожно отнесший скуку к окружающей жизни, получил со всех сторон отпор. Мало того, невольно он дал всей беседе неожиданное для него направление. Многими примерами было ясно доказано, что скука есть не что иное, как падение жизненной энергии. Это отсутствие энергии порождается условными устоями, порожденными в нас же самих. Бывает, что люди неправильно употребляют само выражение «скука». Иногда они хотят в этом выразить свое к чему-то нетерпение. Но ведь и нетерпение уже будет признаком отсутствия дисциплины, которая всегда будет следствием особого напряжения энергии.

Можно заметить два определенных типа людей. Один по природе своей любит внутреннюю дисциплину. Их не нужно обучать этой концентрации воли. Человек, добровольно осознавший значение упорядоченности, является и ценителем своего и чужого времени. Распознав эти ценности, человек всегда останется и твердым, и наблюдательным, и находчивым. Он будет сильным человеком. Другой тип людей по природе своей боится и старается уклониться от всякой дисциплины. Можно быть уверенным, что этот тип людей, хотя бы даже и обладал известными познаниями, не примет на себя особую ответственность, не проявит истинного терпения и скорее всего допустит разлагающие, никчёмные обсуждения. Этот тип людей не будет сильным. Они будут, кроме того, очень себялюбивы, пренебрежительно относятся к повторению слова «скука», стараясь возложить это тягостное ощущение на окружающие обстоятельства.

Такие люди будут стараться и окружающих их вовлечь в те же ложные обсуждения своей тягости. Они даже не подозревают, что рождение скуки происходит исключительно в них самих.

Среди лекарств, противодействующих такому эгоистически-бездельному состоянию, конечно, прежде всего будет развитие искусства мышления и умения приобщаться к природе. Много раз на-

стойчиво описывалось искусство мышления, которое должно быть воспитываемо и образовательно. Так же точно нужно уметь приобщаться к природе. Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед лицом природы, полным несказанным прелестью, они будут играть в карты или мечтать о «прелестях» городской жизни. Они будут доходить до такой несоизмеримости, что прекрасную природу они будут готовы предать для ужаса и извращения города.

Можно себе представить, какие настоящие извращения организма, какие патологические судороги происходят, когда нечто ценное и прекрасное затемняется условным и разлагающим. Ведь сердце человеческое болезненно ирритируется от всего неестественного. Сердце не скажет своих ощущений в земных словах, но каждый удар по сердцу останется на многие жизни. Одним из самых болезненных ударов по сердцу, конечно, будет внедрение понятия скуки. Этой мертвенности сердце не выдерживает.

Следует во всех просветительных учреждениях, от младших классов, всеми мерами изгнать понятие скуки. При этом заполнение времени не должно быть чем-то чисто механическим. Нужно, чтобы времени действительно не хватало на действия и на мышление. Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед лицом природы. Эта радость может происходить при самых различных работах, ибо настоящее мысленное творчество лишь поможет качеству каждого труда.

Столько раз говорилось о противоположениях Востока и Запада, которые уже понимались не в смысле географическом, а в смысле основной психологии. И в то же время каждый отлично чувствует, что никаких противоположений нет и быть не может, ибо как здесь, так и там должно быть внутреннее стремление к животному синтезу. В этом синтезе доброкачественности, терпимости и творчества не найдется ни малейшего места для безвольного пролпания, именуемого скукой.

Нужно ли о скуке говорить, если она так мертва и мерзоста? Как же не нужно, если это слово так часто повторяется и старыми и малыми. Скукающие типы даже стараются облечься в позу какой-то ультрасовременности. По неразумию они начинают себя окружать каким-то неразгаданным, таинственным ореолом, а на самом деле они остаются просто скучными, не применившими себя к жизни отбросами. Если в какой бы то ни было форме проявится зло, не пытайтесь замолчать. Этот гнойник лишь создаст целую гангрену. Спешите отсечь это вредное понятие скуки как можно скорее, как можно решительнее. Скукающий тип боится всего смешного в своем заблуждении.

Ложность скуки уже будет каким-то чудовищно нелепым шутовством. Гранд Гиньоль! И кому же захочется быть в этом страшном шутовстве?

Итак, пусть ехидна скуки не осмелится приблизиться ко всему образовательному, просветительному, ко всему культурному. Все те, кто особенно чувствуют нелепость этого свирепого понятия, дружными усилиями извлеките все его зародки. Поистине, скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях.

ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ

О будущем иногда думают, но очень часто оно не входит в бытовые обсуждения. Конечно, не в человеческих силах вполне определить будущее, но стремиться к нему следует всем своим сознанием. И не к туманному будущему нужно устремляться, но именно к лучшему будущему. В этом стремлении уже будет залог удачи...

Лучшее будущее. Ты должно быть лучшим. Ты должно быть лучше для вчерашнего. Если не захотеть этого, то ведь из самого замечательного, уже сужденного, можно извлечь лишь ничтожный, уже сужденный, можно извлечь лишь ничтожный огарок. Все великие знания могут быть в готовности. Но если не желать блага ради ни следовать, то никакая же их часть видимого осуществится? Кто же имеет право испортить или умалить сложное великими путями? Ведь это не мечтательство пустое, но ответственность несущего письмо.

Даже простой почтарь в сумерках и во тьме идет с осторожностью, чтобы не оступиться, чтобы ветка не хлестнула по глазу, чтобы избежать диких зверей. А ведь он несет что-то чужое письмо, о котором он ничего не знает. Когда же человек мыслит о будущем, когда он учитывает все его условия и все благожелания, насколько устремленнее и бережнее пойдет он, готовый и настроенный. Пойдет он, зрячий и проникновенный...

Примеры новки лучшего будущего можно почерпать из разных областей. Один из них уже от ранних школьных лет остался в памяти.

Нам всем чрезвычайно врезался рассказ о Шлимане — знаменитом исследователе Трои. Все мы восхищались, как он от ранних лет поставил себе задачу будущих исследований, начал готовить себя знаниями, а в то же время так же настойчиво складывал свое богатство. Ведь он зрело обдумал все средства, которые ему понадобятся.

После многолетнего, сознательного труда он внес в науку свой ценный вклад и остался прародителем многих, шедших за ним, блестящих исследователей. Можно себе представить, как в свое время коммерсанты пожимали плечами на ученые задания Шлимана. Так же можно видеть, как ученые, вероятно, не однажды ржали его в любители и усмехались над его затеями. Но он своеобразно и неотступно складывал свое научное будущее.

То, что для другого бы уже было достижением, для конечной, углой пристани, для Шлимана было лишь средством, имеющим прикладную относительную ценность. В таких многолетних сознательных трудах есть большая доля самоотвержения.

Вспомни прекрасное слово «благоволение». Поистине сознательные иовачи лучшего будущего — они полны настоящего благоволения.

На восходе солнца

Василь БЫКОВ, лауреат государственной премии СССР.

КИНОПОВЕСТЬ

Тихая ночь, в зале едва светит карбидный фонарь, на столе неубранные остатки ужина. На диване, раскинувшись, спит Ананьев, в кресле Зина. На разостланных на паркете шинелях спят разведчик и шофер Воробей. Рядом ворочается и садится Васюков.

— Нет, я в такую ночь не усну.

За столом в каменной позе сидит старший техник-лейтенант.

— В такую ночь можно и не поспать. Полезно подумать. Как жить, подумать.

— Чего тут думать? — говорит Васюков. — Главное, вот выжили.

— Мы-то выжили. А сколько не дожило. Подумать страшно! Я как подумаю, как представлю себе... Была жена, двое ребят...

— Погибли?

— В первый день. Под Волковыском на аэродроме. Отца и мать расстреляли. Брат в плену пропал. Младший. Старший под Будапештом погиб. И так, считай, в каждой семье. Ужас!

— Ужас, конечно. А все равно жить надо.

Старший техник-лейтенант молчит, и Васюков начинает бессонно бродить по залу, ступая между спящими, приглядывается то к одному, то к другому. Прислушивается. Думает и вспоминает. Через распахнутую дверь проходит в кабинет, где на кушетке спит капитан и на состав-

Окончание. Начало в № 13.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

ленных стульях конвоир. У окна сидит арестованный Терещенко. Он устало поднимает голову.

— Тихо, — шепотом говорит Васюков. — Чего не спите?

— Не спится, — так же шепотом отвечает Терещенко. — Не до сна мне.

— Да, скверное у вас дело, — понимающе говорит Васюков, садясь на подоконник. За окном едва брезжит рассвет.

— Хуже некуда.

— Судить вас будут?

— Судить, да.

— Как же это вы струсили?

Терещенко вздыхает и отвечает не сразу:

— Понимаешь, сам не пойму. Никогда со мной не было такого. Полтора года воюю. А тут... Как наперли они, ну и... Не выдержал. Побежал. За мной бойцы. Ну и смяли нас.

— Как раз в самый конец войны?

— Вот, думаю, в этом все дело. Конец войны. Жить захотелось. И появилась надежда выжить. Вот и не выдержал.

— Теперь припазду.

— Что делать, — разводит руками Терещенко.

Они недолго молчат, потом Васюков говорит счастливо:

— Просто не верится!.. Просто не верится, неужели жить будем? Неужели мы выжили? Никогда не думалось...

— А я думаю: почему я не погиб? Почему меня не убили под Курском? На Сандомирском плацдарме. Или еще где. Зачем было доживать до такого... позора?

— Выжили! Это ж так повезло! Такое счастье! Неужели теперь до старости жить будем? — говорит о своем Васюков.

— И искупить вину невозможно. Поздно. Даже в штрафную поздно. Вот положеньце!..

Переполненный своим счастьем Васюков бредет по анфиладе комнат, поднимается на второй этаж. Всюду тихо. В окнах светится первый рассвет, Васюков счастлив и задумчив. Он выходит через распахнутую дверь на балкон, вдыхает утреннюю свежесть. Тихо дремлют рядом вершины лип с едва распустившимися листочками, в полусотне шагов блестит река. Облокотясь на перила, он смотрит на светлеющий закраек неба и вспоминает год сорок первый — гибель старшины Карпенко в окопе, подвиг Свиста. Потом переносится в сорок третий, и перед его взором проходят лица бойцов-автоматчиков Чумака, Кривошеева, Шапы, лейтенанта Гриневича и Анянueva, старшего лейтенанта в фуражке и мокрой плащ-палатке...

Светает. Матово блестит река, восточный берег ее, однако, весь погружен в тень. Не сразу до сознания Васюкова доходит смысл какого-то движения на той стороне; слышатся приглушенные звуки моторов. Но вот он видит, как в том месте, где находится брод, появляются три силуэта, они осторожно пробираются по воде к вилле. За ними тихо входит в реку колонна солдат с оружием.

Васюков настораживается, потом негромко окликается с балкона:

— Эй! Кто такие?

Люди в реке заметно обеспокоены, доносится какая-то команда, и струя трассирующей очереди с грохотом бьет в каменную стену виллы. Балкон осыпается штукатуркой, со звоном вылетают стекла из балконной двери.

— Немцы!

Васюков стремглав скатывается с винтовой лестницы и, крикнув в зал «Немцы!», хватая чей-то автомат и опять бежит на балкон. Но передние немцы уже достигли этого берега, в реке целая колонна пехоты, и за ней спускаются к броду автомашины. Пулемет с той стороны открывает огонь по вилле.

Васюков из-за бетонного парапета балкона выпускает несколько торопливых очередей по броду, его пули с рассеиванием взбивают воду, несколько человек там падает. Но успешные переправиться открывают с берега ураганный огонь по вилле.

Вилла тоже отвечает огнем. С первого этажа доносятся команды Анянueva: «К окнам! Занять все окна! Огонь!»

На балкон к Васюкову прибегает конвоир трибунала с автоматом и несколькими дисками в сумке.

— Ложись! — кричит Васюков.

Крупнокалиберный пулемет с того берега начинает бить по фасаду, осыпая его щепенкой. Сам Васюков распластывается на бетонном полу балкона, рядом падает конвоир.

— Вот сволочи! Откуда они ваялись? — говорит конвоир.

— Видно, на запад прорываются.

Когда очередь переносится на другое место, Васюков выглядывает через парапет и видит, что несколько машин с орудиями на прицепе уже на середине реки. Он бьет по ним длинной очередью, одна машина вспыхивает, разлив по воде огненные блики. По-видимому, обнаружив их на балконе, пулемет направляет на него весь поток трассирующих, и вскоре весь балкон тонет в пыли. Щепень, крупные и мелкие куски бетона летят во все стороны, и вот уже в полу и в стенках парапета зияют крупные дыры. Когда пыль слегка сносит ветром, становится видно, как между старых деревьев парка перебегают эсэсовцы.

— Бей по тем! Не подпускай! — возбужденно кричит Васюков конвоиру, но тот лежит, уронив голову на автомат. Васюков переворачивает его и видит бледное, залитое кровью лицо.

— Не повезло... Эх, как не повезло нам... — говорит солдат и замирает.

Снова очередь крупнокалиберного крошит бетон, и Васюков стреляет в ответ. Потом, испугавшись, что долго здесь не удержится, бросается с балкона за дверь. На ходу он срывает с конвоира сумку с дисками и волочит ее за собой.

Снизу слышится густая стрельба, у входа рвутся гранаты, и Васюков по какой-то лестнице бросается еще выше.

Запыхавшись, он взбирается на чердак с несколькими слуховыми окошками в массивной черепичной крыше, выглядывает на переправу. Часть эсэсовцев на этом берегу и возле виллы, другая часть схлынула с брода на ту сторону. Там же стоят автомобили, 2 — 3 из них горят ярким пламенем, развывая на ветру длинные хвосты чадного дыма. Васюков выпускает меткую очередь, и несколько эсэсовцев с брода, разбрызгивая воду, бегут назад. Остальные залегают за деревьями парка.

В бое наступает заминка.

В зале не остается ничего от вчерашнего уюта, в окнах зияют дыры, потолок и стены густо побиты очередями, все засыпано битым стеклом и штукатуркой.

Босой Анянueв с автоматом в руке бросается от окна к окну, расставляя защитников виллы.

— Разведка, держи это окно! На твою личную ответственность, Воробей, это. И на угол, на угол смотри...

— Петя, ты ж ранен! — бросается к майору Зина. Анянueв, размазав на лбу кровь, отмахивается.

— Да ерунда! Касательная. Ты береги патроны! Зина, береги патроны...

Зина размеренно стреляет из-за косяка из пистолета.

В зал вбегает старик. Растерзанный вид его страшен. Воздевая кверху руки, старик в ужасе восклицает:

— Майн гот! Майн гот! Майн либе вилла!..

— Вилла? Черт с ней, с твоей виллой! Гляди, как бы самому не хана... Капитан, что наблюдаешь? — кричит майор в открытую дверь.

— Попрятались, сволочи! Что-то гергечут, а где — не видать.

— Сейчас они бросятся. На рассвете им надо переправиться, а мы мешаем. Старшой! — кричит Анянueв.

— Я, — спокойно отвечает старший техник-лейтенант, взводя курок нагана.

— Ты держи дверь! За тобой дверь. В окна они не впрыгнут. Высоко. А в дверь — да. Воробей, тоже — на дверь!

Старший техник-лейтенант идет в прихожую к запертой входной двери, за ним бежит Воробей. Анянueв оглядывается и видит в углу бледное лицо стоящего в неподпоясанной гимнастерке Терещенко.

— А ты что?

Тот пожимает плечами.

— Оружия нет? Конечно. Капитан, вооружив арестанта! — кричит Анянueв в раскрытую дверь.

— Не полагайся, — отвечает капитан.

— Черт тебя возьми! — свирепеет Анянueв. — А погибать после Победы полагается?

Разведчик от углового окна говорит:

— Эй ты! Держи! — и бросает Терещенко лимонку. Тот ловит ее на лету.

— И давай к двери! Воробей, ко мне! Где Васюков?

— А вон, слышь? — указывает Зина вверх, откуда доносится приглушенный звук очередей.

— Ах, это он! Вот молодец! Надо ему кого на подмогу.

— Не перейдешь, — говорит капитан. — Все окно разнесли, лестницу тоже.

— Ах, гадство! Ах, гадство!..

Шквал огня из парка и от реки заглушает его слова.

Начинается приступ.

Узкое подвальное помещение с маленьким заштукатуренным окошком сверху. Горит свеча в какой-то подвеске, и тени от нее, изламываясь, колеблются по стенам. Пауль, нагнувшись, решительно извлекает из-за каких-то ящиков автомат и с силой вгоняет в него магазин. На дворе гремат выстрелы, заглушая слова и плач Иры, которая хватается за одежду мужа, за его руки, потом ноги. Она падает на колени, ее лицо в слезах, она пытается удержать мужа, и он, по-видимому, теряет решимость. Минуту он вслушивается, поглаживая узкие плечи жены, стрельба вроде затихает, она поднимается на ноги и безответно целует его лицо. На его же лице — напряженное внимание и ничего больше. Он весь там, наверху.

Но вот снова грохочут выстрелы, каменные стены подвала сотрясаются от нескольких взрывов. Пауль закусывает губу и отстраняет Иру.

Однако она не отпускает его, она обхватывает его колени, и он не решается употребить силу. Он медлит, пока в паузе между очередями не доносится зычные крики эсэсовцев:

— Форверт! Хайль Гитлер!

— Эсэсшвайне! — теряет самообладание Пауль и решительно вырывается из рук жены.

Та бросается следом, но он захлопывает тяжелую дверь...

Почти совсем рассветает, в зале пыль и дым от стрельбы. Рывками бьет из пистолета через подоконник Зина, — выстрелит и присядет, выстрелит и присядет. Анянueв стреляет, перебегая от окна к окну. В одном из простенков стоит с гранатой в руке Терещенко.

— Товарищ майор! Товарищ майор! — кричит сержант-разведчик. — Становитесь сюда! Вы — сюда, я — сюда! — указывает он по обе стороны окна, и майор становится в соседний простенок. Но не успевает он направить в окно автомат, как в зал влетает граната. Ударившись о стену, она отскакивает к столу, и разведчик, коршуном бросившись к ней, успевает вышвырнуть ее обратно. Майор приседает, за окном раздается взрыв, но никто не задевает осколками. Окно, однако, остается без единого стекла, с выломанной посередине рамой.

Вслед за первой влетает вторая граната, она падает наискось от окна, и ее успевает ухватить Терещенко. Эта тоже взрывается за окном, Терещенко сразу же припадает спиной к простенку. Но вот в другое окно влетают сразу две гранаты, сержант-разведчик бросается к одной и только успевает вышвырнуть ее в окно, как другая взрывается в зале. Грохот и дым заполняют зал, сержант переламывается в пояснице, хватаясь рукой за спину, и тихо опускается на пол. К нему бросается Зина.

— Ах, гады! — говорит он и замолкает.

А в углу, поджав под себя ноги, медленно свертывается калачиком Воробей. Окровавленными руками он зажимает живот.

Майор бросается к выбитому окну, из которого летят гранаты, перекинув через подоконник автомат, строчит под стену, к нему подбегает Терещенко, он швыряет туда свою единственную гранату, и под окном затихает. Оба опускаются на пол, тупо глядя друг на друга и вслушиваясь. Потом Анянueв спохватывается:

— Капитан! Капитан!

Но ответа нет. На полу в простенке сидит Зина. Ее плечи сотрясают рыдания.

— Боже, что же это делается! Ведь Победа же, капитуляция, что же это такое...

— Ничего, — говорит Анянueв. — Ничего. Как-нибудь. Подождите.

А сверху, с чердака, все строчит автомат. Это обстреливает переправу Васюков.

Анянueв вслушивается и поднимает запыленное, с подсохшей кровью лицо.

— Молодец Васюков! Давай, давай, Васюков! — тихо говорит он и кричит в коридор: — Старшой, ты держись? Держись, старшой!

Старший техник-лейтенант тяжелым шкафом задвигает входную дверь, ему помогает старик архитектор. Выбившись из сил и тяжело дыша, они становятся по обе стороны входа и слушают. Стрельба и разрывы гранат сотрясают дом с другой стороны. С этой вроде бы пока тихо.

— Майн гот! Майн гот! Майн либе вилла, майн унглокх Дойчленд! — мнет на голове седые волосы архитектор. Старший техник-лейтенант говорит язвительно:

— Дойчленд вам! Вот до чего довели вы свой Дойчленд! Обормоты проклятые!

Старик замолкает, за стеной слышны голоса, и архитектор в ужасе восклицает:

— Эсэс! Дас ист эсэс! Капут! Аллес капут!
— Плохо капут, ага? А нам как было? Как вы это себе понимаете? У меня всех подчистую прикончили, это как? Как мне теперь жить? Вот меня укошат, и весь мой род кончится. А мой род знаешь какой? Петров. Ты понимаешь — Петров я. От Петра Петровича. Ты понимаешь?

— Я, я! — кивает головой старик. — Аллес капут!

В дверь снаружи раздается оглушительный стук, потом стремительная очередь в разных местах прошивает филенки двери. Из шкафа летят щепки. Ряд рваных дыр светится на фоне рассветного утра. Старший техник-лейтенант поднимает наган и стреляет несколько раз.

— Майн гот! Майн гот! — сползая на пол, почти лишается чувств старик.

Новая очередь бьет в дверь пониже, затем раздаются удары тяжелых прикладов, и дверь выпирает, готовая вот-вот распахнуться. Старший техник-лейтенант редко стреляет, каждый раз осматривая барабан нагана. У него остается всего три патрона.

— Пауль! — вдруг испуганно восклицает старик. В прихожей откуда-то появляется Пауль с немецким автоматом в руках. Старший техник-лейтенант отскакивает в сторону, вскинув наган, но Пауль с ходу выпускает в дверь полмагазина и сам отскакивает в сторону.

За дверью все затихает.

— Караше? — говорит Пауль, обращаясь к старшему технику-лейтенанту. — Караше даль швайн эсэс?

— Молодец! — сдержанно хвалит капитан. — Наловчился. Где практиковался?

— Практик? Демьянск! — произносит Пауль. — Унд Витэбск. Унд Брест. Унд Бреслау.

— Солидная практика. Ну, покажи класс! Пауль снова бьет в дверь и, выбросив магазин, заряжает новый.

Наступает тишина, и в этой тиши четко слышатся крадущиеся шаги за стеной. Они все ближе, ближе и явственней. Пауль медленно поднимает автомат, готовясь ударить в самый нужный момент, как вдруг, взглянув в пробитую очередями дыру, испуганно вскрикивает:

— Панцирфауст!

Мощный взрыв на пороге вышибает дверь, в щепки разносит шкаф. Все накрывает клубящаяся туча дыма и пыли, в которой появляются темные тени в касках.

Резко отпрянув от окна, Ананьев бьет почти в упор по выбитой взрывом входной двери, в которую врываются эсэсовцы. Двое из них падают, выронив оружие, и Зина, метнувшись из-за стены, подхватывает автомат. Она укрывается за косяком у двери, Ананьев стоит напротив. Терещенко отстреливается из кабинета. Все окна выбиты, зал простреливается перекрестным огнем. Этот огонь не дает Ананьеву перебежать с места на место, он загнан в угол напротив от входа. От входа его прикрывает лишь стол.

— Зина, не выходи! Зина, стой там! — кричит Ананьев и приседает: очередь из пролома густо бьет в стену над его головой.

— Петя! — восклицает Зина.

— Ничего, ничего! — говорит Ананьев, вскакивая. — Ты держись! Главное, ты держись!

Майор стреляет по входу, но, по-видимому, у него кончаются патроны, он передергивает затвор, однако выстрелов нет. Воспользовавшись его заминкой, в зал врываются двое в касках, Ананьев бросает в них автоматом, потом, схватившись за угол стола, опрокидывает его с посудой на дверь.

Однако эсэсовцы уже ворвались в прихожую и из нее прорываются в зал. Зина из-за косяка бьет по ним сзади, двое падают, автомат из рук убитого отлетает к стене, и Ананьев бросается за ним. Не дотянувшись, однако, до оружия, он падает на колени и хватается рукой за плечо. Между пальцев его бьет кровь.

— Петя! — восклицает Зина, бросаясь из своего укрытия к раненому.

— Стой! — кричит Ананьев, но поздно. Ворвавшийся из разбитой прихожей эсэсовец почти в упор стреляет по обоим из автомата. Ананьев сразу срывается, а Зина еще находит в себе силы обернуться.

— Ах, гады вы! Гады!..

На ее лице боль и отчаяние, ненавидящий взгляд устремлен в пьяное, заросшее щетиной лицо эсэсовца, глаза которого шуряют в нена-

висти и уверенно руки поднимают автомат. Почти со сладострастием на лице он разряжает его в девушку, которая покорно опускается на широкую грудь майора. В этот момент из кабинета врывается Терещенко, они встречаются взглядами, эсэсовец перекидывает ствол автомата, но Терещенко опережает его, и эсэсовец тяжело грохается спиной на паркет.

В зал врываются еще несколько эсэсовцев. Отстреливаясь, Терещенко уходит в глубину помещения...

От сильного толчка в спину Пауль падает на ступеньки крутой каменной лестницы, ведущей в подвал, пытается встать, но, сбитый сапогом, падает снова и сползает до низа. За ним спускаются несколько эсэсовцев, среди которых два офицера, увешанных наградами, в касках, с автоматами в руках.

В подвале несколько тише, чем наверху, выстрелы здесь слышатся глуше. Эсэсовцы включают фонарики, направив их на окровавленное лицо Пауля.

— Дас ист зольдат? — сквозь сжатые зубы спрашивает офицер.

— Никс зольдат, гер обершурмфюрер. Дас ист цивильмайстер.

— Цивильмайстер? Дас ист швайне! Дас ист верротэр! Эргёген! — приказывает эсэсовец солдатам, и несколько немцев быстро пристраивают веревку на двери. Другие заламывают руки Пауля.

— Верротэр!

— Игр дас ист верротэр! Игр вердербен штурцен Дойчленд! — кричит в отчаянии Пауль. Где-то раздается стук в дверь, и слышится голос Ирмы:

— Пауль! Пауль!

Двое эсэсовцев отпирают дверь, из которой вырывается Ирма. Поняв, что здесь происходит, она бросается к мужу.

— Пауль!

Пауль, однако, почти не реагирует, он ждет, когда эсэсовец закрепит веревку, и спокойно дает накинуть на себя петлю.

— Будьте вы прокляты!

Рыдая, Ирма в отчаянии бросается к одному эсэсовцу, к другому, пока офицер не обрывает ее ругательством. Двое эсэсовцев увлакивают ее в темный подвал, где она затихает вскоре. Остальные торопливо вешают Пауля.

Тем временем с крыши виллы все трещат выстрелы, и пули взбивают воду реки. Несколько машин горит в броне, несколько застряло на глубине, остальные не могут объехать их. Под огнем с чердака эсэсовцы пытаются перетащить машины, но теряют дорогое для себя время...

Преследуемый эсэсовцами, отстреливаясь, Терещенко перебегает из комнаты в комнату в поисках лестницы наверх. В кабинете, заваленной опрокинутой мебелью, лежит капитан. Он контузен, ранен, но жив. Терещенко пробегает мимо, едва уклоняясь от пуль эсэсовцев, ухватившись за обломанные перила разрушенной винтовой лестницы, подтягивается и скрывается на втором этаже. Подбежавшие эсэсовцы стреляют вслед, потом подтаскивают к лестнице столы, чтобы взобраться следом. Терещенко тем временем спускает им на головы буфет с посудой, закупорив тем узкий лестничный проход, и забегает выше. У него уже немецкий автомат, но он бережет патроны и стреляет лишь в крайних случаях.

Пробегая мимо разбитых окон, он оглядывается на переправу, в которой возятся с машинами эсэсовцы, не преминув дать одну-две короткие очереди по ним. Наверху, слышно, постреливает автомат Васюкова. Однако эсэсовцы скоро прорываются по винтовой лестнице на второй этаж, и Терещенко едва успевает проскользнуть в люк, ведущий на чердак к Васюкову. Наверное, последней пулей он ранен, и только перевалившись за край люка, обнаруживает это. Пуля вошла в бок, его гимнастерка без ремня скоро набухает кровью.

Васюков под разбитой черепицей кровли, пригнувшись, бросается навстречу Терещенко.

— Что? Что там?

Терещенко машет рукой.

— Все?

— Все, да.

— Так, ничего, — после паузы говорит Васюков. — Вот бинт, на, перевязывайся. Сможешь перевязаться?

Терещенко кивает головой.

— Давай! А я их огоньком! Не любят огонька, сволочи! А ну, еще вам...

Он, наскоро прицелившись, стреляет очень короткими очередями, а Терещенко торопливо пере-

зывает себя под гимнастеркой. Потом, схватившись за автомат, приподнимает люк и едва успевает увернуться от очереди.

— Сволочи!

Хорошо, однако, бетонная балка перекрытия защищает его от пуль снизу, которые крошат ее в щепенку. Но балки этой хватит ненадолго. Наконец в стрельбе наступает пауза, Васюков лежит возле дыры в крыше, не спуская глаз с переправы. Но и на переправе наступает заминка. Бросив застрявшие машины, немцы убралась на тот берег и скрылись за стоящими в колонне автомобилями и в прибрежном кустарнике.

— Как же нам продержаться? Нам бы еще часок, — говорит Васюков. — Должны же наши услышать. Должны подойти.

— Подойдут, да, — говорит Терещенко. — Когда только?

— Вот в том и задача — когда? А где твой капитан? — спрашивает Васюков.

— Кто его знает? Погиб, наверно.

— Чудно! — после паузы говорит Васюков. — Чудно, право. Хотя чему удивляться?

— Вот, думаю, как же мне быть? Если капитан погиб, как же мне быть?

— Ничего! Был бы сам живой. Тут, знаешь, не так-то просто. Ах, сволочи, сволочи! Вот тебе и Победа! Это ж надо!..

Внизу почти во всей вилле распоряжаются эсэсовцы. Офицер отдает распоряжения, кто-то куда-то убегает, прибегают снова. Они здесь в безопасности от огня с чердака, но те за рекой отрезаны и не могут под огнем форсировать брод. В кабинете архитектора, придя в себя, поднимается из-под мебели и обрушенной штукатурки капитан, прислушивается. Ему видны ноги и спины стоящих в зале эсэсовцев, и он, с трудом поднявшись среди обломков мебели, взбирается на подоконник. Оконная рама выбита взрывом, он переваливается через подоконник и срывается на той стороне. Недалго лежит, прислушиваясь, но, кажется, его не заметили. Тогда он, зажимая рану в боку, шатким шагом бежит по парку от дерева к дереву — прочь от виллы. Ему удается незамеченным отойти далеко, уже его прикрывают комли толстых деревьев, уже вот-вот близко сосняк. Но путь к нему преграждает сетчатая ограда виллы из проволоки, капитан, шатаясь и падая, бежит вдоль нее, но ограда аккуратная, дыр в ней нигде нет. И высокая. Перелезть ее у капитана нет сил.

И тут его замечают от виллы. Два эсэсовца уже бегут через парк, капитан бросается в другую сторону, бежит, бежит. Но силы у него на исходе, а эсэсовцы уже рядом. Они уже на расстоянии выстрела, и он останавливается.

Ухватившись за ограду, он отдыхает, потом поворачивается к преследователям, которые, поняв его беспомощность, не спешат разрядить свои автоматы.

— Ну! Ну, что ж вы, сволочи! Стреляйте, ну!

И оба враз вскидывают стволы автоматов. Капитан медленно сползает к подножию сетки.

На чердаке возле дыры в черепице лежит Васюков. Возле люка скорчился на боку Терещенко.

— Погибнем мы, а? — говорит Терещенко.

— Может, и погибнем, — говорит Васюков. — Дурное дело нехитрое. Но пропустить их нельзя. Знаешь, что они натворить могут!

— Пропустить нельзя, — соглашается Терещенко.

— Сильно болит?

— Да, болит. Дышать трудно.

— Терпи как-нибудь. Может, еще выдюжим.

— Мне надо выдюжить. Ты понимаешь? Мне надо выдержать.

— Я понимаю...

— Потому что как же я? Так и погибну трусом? Нельзя ж мне погибать трусом. У меня братишка. Пятый класс кончает. Сколько гордости за меня.

— Смотри! Ты смотри, что это? — говорит Васюков, что-то заметив. — А, это ж они фаусты тащат!

Он быстро прицеливается и бьет несколькими очередями по реке. Один там падает с фаустатроном, но двое других, пригнувшись под тяжестью оружия, перебегают на эту сторону и скрываются под речным обрывом.

— О черт! — говорит Васюков. — Сейчас врежут!

И действительно, почти тотчас слышится выстрел фауста, и одновременно мощный разрыв на углу сотрясает всю виллу. Обрушившись с

конца крыши, вся разом ссыпается черепица, чердак заволакивает пылью, из которой ближе к люку бросается Васюков. Со лба его густо капает кровь.

— Попало, кажется.

— Что, ранен? — пугается Терещенко.

— Ложись, ложись! Сейчас еще врежут.

Они припадают к полу чердака за бетонной балкой и ждут. Действительно, скоро снова щелкает выстрел, и взрыв, кажется, еще большей силы обрушивается на восточное крыло здания. Крыша почти вся лишается черепицы, что-то загорается на нижних этажах, и дым с пылью поднимается к небу.

— Так! И еще будет один! — говорит Васюков.

Но третий разрыв задерживается, Васюков напряженно ждет, рукавом вытирая лоб. Кровь все плывет, заливая глаза, и Терещенко рвет на себе конец бинта.

— Дай перевяжу. А то кровью сплывешь, что тогда я?

— Себе оставь, — говорит Васюков.

— Без тебя мне он не нужен.

Кое-как Терещенко перевязывает голову Васюкову. Пыль слегка оседает, обнажая пологие стропила, из-за которых видны вершины деревьев. Васюков ползком подбирается к краю чердака.

Немцы спешно форсируют реку, по грудь в воде обходя застрявшие машины, и он снова стреляет. Дав две-три очереди, отскакивает к люку, в который бьют чем-то тяжелым снизу, и в смутении смотрит на своего товарища.

— Что?

— Все. Патронов нет.

— У меня тоже.

Наступает тягостная пауза, немцы стараются выбить люк, оба защитника лежат возле него, истекая кровью. Кажется, задвижка люка вот-вот отскочит и на чердак ворвутся эсэсовцы.

— Как же не рассчитал я? Как же не рассчитал? — сокрушается Васюков. И вдруг, ощутив брючный карман, восклицает:

— Есть! Один...

Он вытаскивает один патрон и торопливо заворачивает его в ствол автомата. Терещенко тоскливо следит за его приготовлением.

— А я... как же?

— Ты?

Люк уже почти сбит с петель, скоро здесь будут эсэсовцы. Но один патрон нельзя разделить на двоих, и Васюков, вскочив, стреляет под люк в щель, в которую уже пролезают чужие пальцы. Люк захлопывается. И наступает недолгая пауза.

Но пауза почему-то затягивается, снизу доносятся какие-то крики, топот бегущих ног, и первый отдаленный разрыв радостным эхом раскатывается в утреннем небе. Васюков отрывается на руках от пола, приподнимается. Оглушенный, он не сразу различает новые звуки в пространстве, а различив их, обрадованно кричит Терещенко:

— Наши! Ты слышишь — танки!

Он встает на колени и выглядывает за край чердака — немцы, бросив машины, бегут по берегу, бегут через парк между деревьев от виллы. И первые тридцатьчетверки, прорвавшись к реке, осыпают их градом пуль. Заметавшись возле проволочной ловушки, эсэсовцы пытаются выбежать из нее, многие падают, другие пытаются взобраться на сетку, но валяются, сраженные танковыми очередями.

Васюков рывком открывает люк и скатывается по лестнице вниз. За ним сползает Терещенко.

Он с трудом преодолевает лестницу, разбитый, заваленный рухлядью кабинет, зал с засыпанными пылью телами убитых. Он останавливается на каждом взгляде и выходит на разбитое фаустпатроном крыльцо.

Первая тридцатьчетверка, преодолев реку, взбирается на крутой берег. Заметив Васюкова, танкисты откидывают люк, и кто-то там появляется в черном шлеме, машет ему.

А Васюков, утирая залитый кровью и потом лоб, стоит, прислонившись к иссеченному пулями гранитному косяку и пытается улыбнуться сквозь слезы.

Сзади из вестибюля выползает на ступеньки Терещенко.

За рекой над аккуратным сосновым леском поднимается красный диск солнца.

Наступило утро. Первое утро Победы.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Что, моя юность! Простимся с тобой!
Сумерки улиц пропахли весной,—
горько среди подмосковных берез
тянется вкрадчивый дым папирос...

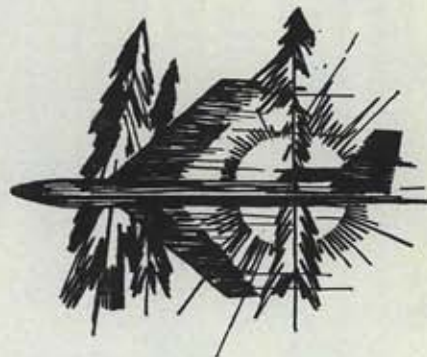
Только не думай, что дело табак:
в душу запали, навеки чаруя,
привкус морозца, привкус поцелуя —
как земляника на милых губах...

Выпало — господи не приведи —
столько веселья и столько беды,
столько весенних и трудных дорог,
столько любимых — неужто
не впрок!

Отгрохотали твои поезда
и под ступней простонали причалы,
что же осталось нам, кроме печали!
Самая малость любви и стыда...

Мы позабудем лирический бред
в грохоте буден, в сумятице лет,—
вот фонари в переулках зажглись:
скоро начнется серьезная жизнь.

Но неспроста, отзываясь в груди,
словно весенняя птица с березы,
юность аукнется — смехом сквозь
слезы —
в будущем, после, еще впереди...

Что-то режут реактивные поутру,—
выйду из дома, под небом на миг замру.

Не повернется суровое время вспять.
Раннее утро... Деревья и люди спят...

Дремлет Россия возлюбленная моя,
горькую нежность под ребрами затая.

Дремлет Россия — заводы, колхозы, лес.
После войны я родился и вырос здесь.

Воют турбины, и окна глядят во мглу —
В это от века верую и — люблю...

Только порою под утро взгрустнется мне
о родниковой гранитной крутой стране,

той, где от шепота горный гремит обвал,
я по Армении что-то затосковал...

Что там творится — за соснами января!
Над Ереваном розовая ли заря!

Как там дымится над жизнью атомный век
и крутолобый грецкий хрустит орех!

Как там над садом летит золотая тьма!
Вот уж два года ни весточки, ни письма.

Крупные звезды, шершавые, словно соль,—
крупная радость. Невысказанная боль.

Что там творится! Над древней, седой землей
рев реактивный такой же, как надо мной.

Как там метнулись в кровинках ночной росы
в дедовском доме сторожевые псы!

Правда ль, что прямо в вечность ползет лоза!
Только опомнюсь, протру рукавом глаза...

Воздух таежный просвечивает поутру,
как занавески ситцевые на ветру...

Письмо

Когда к тебе подкрался и настиг
внезапный приступ боли и несчастья,
задумайся о радостях простых,
которые когда-нибудь случатся...

Которые, как первые снега,
внезапно останавливают на минуту,
и жизнь ясна предстанет и легка,
сердечную развеивая смуту...
А музыка за тонкою стеной!
А свежая хрустящая газета!
Ты испытал тоску во тьме ночной!
Как воздается все-таки за это!
Как старые знакомцы веселы,
как беззаботно славное застолье,
когда звенят ножи, и хрустали,
и сладостно смириться с крупной
солью.

Непринужденность, счастье само —
и далеко до старости и смерти...
А вот еще — хорошее письмо
в пока что запечатанном конверте.

Гостиничная тоска,
гостиничная морозка,
колонны, как на века
застывшие у порога.
Сквозит кисея окрест,
а после в уют ажурный
ворвется ответ дежурной,
что нет и не будет мест.
Но все-таки скрипнет дверь,
найдется пустая койка,
и все хорошо теперь:
божественно! — да и только.
Топорчатся в поздний час
раскрытые чехомданы,
изнанкой в углах светясь,
изнанкой, как наши раны.
Но стоит ли ворошить
обиды и беды на ночь!
Заснем, чтобы ночь прожить,
сосед, Николай Иванович...
Провинцию я люблю
еще и за то, быть может,
что вывеской на углу
гостиница вдруг встревожит.
Так пей же горячий чай,
в ночные вступаю беседы,
пускай к тебе невзначай
подсядут твои соседи...
И возгласы вразнобой:
чужие — родные — лица
сомнением и судьбой
торопятся поделиться...
...И что-то издали
догонит потом, прошепчет:
гостиничная тоска,
на горничной белый чепчик.

Рисунки Михаила МИХАЙЛОВА

БОРГАТО РОССО

Боргато россол — живнул Цезарь Гамба в лобовое стекло и, не снижая скорости, двинул на приземистую туринскую улицу, будто в киноленту «неореализма». Ты хотел узнать, где рождаются итальянские коммунисты? Здесь, в любом доме...

Позже я понял, что Боргато россол — это буквально Красный поселок; что возник он в пору розового детства «ФИАТ», когда ссылали сюда «неблагонадежных» — в начале века можно было ссылать; что теперь здесь сложился «чистый» пролетарский район с боевыми традициями — недаром коммунисты нарекли его Сталинградским после крупнейшего поражения фашизма.

Хотя это и типичная городская окраина, но в современной биографии Туриня, этой исторической кузины итальянской коммунистической революции, у нее место особое. Не так уж давно (в сравнении с римской вечностью) Турин возглавлял маленькое государство, объединявшее Пьемонт, Лигурию, Сардинию, — тогда это было царство мелких промышленников и торговцев. Но вот столицей воссоединенной Италии стал Рим. И вся мелкобуржуазная слякоть устремилась туда. Турину вроде бы уготована была судьба прозябающего величия. Но в это время возшла его новая звезда — «ФИАТ». По мере того как развивалась машиностроительная промышленность, как складывался комплекс заводов «Фабрика Индустиале Автомобиле Турино», он все более превращался в один из важнейших индустриальных центров Италии. Вскоре в Италии стали насчитывать уже три столицы: Рим — административный центр буржуазного государства; Милан — центр торговой и финансовой жизни страны, город банков и контор; Турин — промышленный центр с высокоразвитым производством.

Ныне это столица автоимперии, с резиденцией «юродствующего в малолитражке» Джованни Аньелли, президента концерна «ФИАТ», который *per fas et nefas* (правдами и неправдами) стал «хозяином Апеннинского полуострова». И даже на дальних подступах к Турину эта автоимперия ограждается своеобразным погранично-рекламным знаком — рядом с привычным указателем на шоссе вы непременно увидите пронзительно синюю табличку: «ФИАТ».

Подарив Риму потенциальных чиновников, рвущихся к государственному пирогу, Турин получил взамен весь цвет итальянского пролетариата; у него сложилась особая судьба, он стал интереснейшим явлением Италии. Карл Маркс думается, непременно взял бы «ФИАТ» для уроков социальной анатомии в свой «Капитал».

Когда-то Антонио Грамши влюбленно назвал Турин Петроградом итальянской пролетарской революции. (Кстати, и во внешнем облике северных столиц на Неве и на По немало сходства — та же прямолинейность в характере проспектов, тот же желто-серый наряд фасадов, те же мелодии дворцовой архитектуры.) Если судить по веку нынешнему, то город все время шел в ногу с временем. Остатки средневековья, накладывающие свой отпечаток на буржуазную Италию, в Турине устранены, амортизаторы, смягчающие в социальной борьбе слишком острые столкновения, были отправлены старьевщику благодаря быстрому темпу создания боевой и умелой пролетарской организации. Классовая борьба, которую ведут силы, отличающиеся единством, в Турине носит особый характер. Туринский пролетариат стал духовным руководителем итальянских рабочих масс, связанных с ним тысячами из семейных, традиционных, духовных. В стенах Туринского университета выросли Грамши и Тольятти, и в этом же городе они прошли первые курсы свих революционных университетов. Здесь сформировались первые отряды Коммунистической партии Италии — ныне самой значительной и авторитетной общественной силы на сцене политической жизни страны. Здесь же разгорались крупнейшие социальные битвы.

Четвертый очерк из серии «Милитант» зарубежных рабочих».

У газетного киоска в середине улицы наша «Алфетта» затормозила, и мы разговорились с двумя парнями, купавшими воскресную «Униту». Через минуту один из них, высокий, в салатовом свитере, чуть медлительный, похожий на украинского хлопца, приветливо пригласил нас к себе домой. Так я познакомился с Вальтером Бертолино, двадцатилетним туринским пролетарием, сыном коммуниста, мечтающим стать коммунистом.

Десяток ступенек вниз (это не мраморные марши огней и зилл), еще вправо, потом крутая лестница вверх — и мы в типичной «пролетарской голубятне». У порога вся семья радушно встречает дорогих гостей — это нас с Цезарем. Даже больной Сержо, отец Вальтера, поднялся. Живая пружина всего — хозяйка дома Франка. Ничего общего с классическим типом итальянки! Если бы не седина в короткой стрижке, ее можно было бы назвать Велюкурой. Молодые синие глаза, искрающееся жемчужнолицо, уверенная, гордая осанка — совсем как наша знатная ткачиха откуда-нибудь из-под Иванова. Звонкий голос ее слышался то с кухни, то из коридора, то из-за шкафов. Она тортила тропку в новой теме и уточняла, подчитывая что-то на листке, и предметно подтверждала, доставая что-то с полки из старинного комода.

Супружеская жизнь Сержо и Франки подходит уже к серебряной черте. Они убеждены, что

прожили счастливо — нашли хорошую опору друг в друге, вырастили замечательного сына, сделали кое-что для партии. Хотя, признаться, всегда жились «на грани лишесний». Два десятка лет — «семь тысяч длинных дней» Сержо отстоял у токарного станка ии еще самосот суток провалялся на больничной койке, когда сковал недуг. Теперь — пенсия по инвалидности, на которую «можно прожить едва ли неделю при самой жесточайшей экономии». Он не фаталист, но новое свое положение принял с чувством неизбежности, превозмог физическую и душевную боль и с чистого итальянской живостью (вот он в семье совсем уж итальянец) с энтузиазмом рабочего-туринца взялся за партийные дела.

Франка постоянно ведет домашнее хозяйство, профессии ей получить не удалось, но она неплохая мастерица и вместе с бабушкой постоянно прирабатывает всякой лошадкой. Очень рада, что семья «догнала» — и Вальтер окончил школу, теперь партизан в одной из фирм, которая тоже работает на «ФИАТ». И вдруг оказалось, что он уже главный кормилец в семье! «Фантастично!» Время от времени Франка расставляет эти звучные восклицательные знаки.

В А СНИМКЕ:
ВЫСШАЯ ШКОЛА КЛАССОВОЙ ВОРЬВЫ.
(ВАЛЬТЕР БЕРТОЛИНО — В ЦЕНТРЕ).

В двухчасовой откровенной беседе в этой переставленной предметами комнате и, кажется, ощутил тот самый особый туринский климат, о котором так много читал и слышал, о котором так самозабвенно говорил мой спутник Цезарь Гамба, еще мальчиком партизанявший в этих местах и с давних пор подтверждающий свою партийную принадлежность к «сталинградской секции».

Как обыкновенные туринцы измеряют свою жизнь? Не тем, когда у кого наной был праздник, или служебное повышение, или семенное приобретение, хотя все это так или иначе случается. А вока жизни для них — та или иная манифестация, забастовка, письмо от друга из Советского Союза, пережитое горе товарища... Акты пролетарской борьбы они называют по годам, по особым приметам побед, поражений, личной причастности. Этот вот партийный флаг — Франка достает из комода и аккуратно развешивает полотно — она шила сама, когда готовилась крупнейшая антифашистская манифестация — помните, после бомб в Милане! Потом не раз он реял впереди колонн. А однажды смертельно больной товарищ попросил проводить его с этим флагом в последний путь и завешать знаменосцам: «Не отступать!»

Можно сказать: символика, романтика... Да, революционная романтика всегда была призванной песней пролетарских битв. И в глазах моих собеседников не раз — от одних только воспоминаний — загорались искорки вдохновенного неистовства. Вместе с тем они весьма рационалистично подытоживали этапы своей борьбы: отстояли там-то свободы, вырвали там-то блага беднейшим, тогда-то преградили путь фашистам, там-то мэрзавцев казнили из органов власти, во столько-то уникомили ряды партии. Ведь то, что Сергию получает хоть какую-то пенсию, — это не подарок хозяйна, а завоевание рабочих. И то, что Вальтер смог доучиться, приобрести квалификацию и в двадцать лет стать надежным кормильцем, — это тоже никто не подарил. И что он свободно может организовывать ребят в коммунистический союз, чувствовать себя хозяином на этой улице, а не изгоем, как чувствовали себя родители когда-то...

Да, полувековая страница итальянской истории испещрена отнюдь не ровным почерком: двадцать пять лет фашистского гнета; три десятилетия политической неустойчивости — сменялось 37 правительств; жесточайшие испытания последних лет — непрерывная цепь террористических актов, посягательства на демократию, попытка сместить вправо политическую ось страны, захлестывающие вали экономического кризиса... Но «страна-выстояла и не только не идет выходя из всех трудностей на пути оральных или авторитарных решений, а все более смещается влево». Это объясняется широко распространенным и крепким демократическим и антифашистским сознанием, силой и боеспособностью рабочего движения и в решающей степени политической коммунистической партии.

И совсем недавно, на своем XIV съезде, итальянские коммунисты подтвердили: наш курс целиком направлен на предотвращение, насколько это возможно, экономического и финансового краха страны, на открытые пути для новой национальной экономической политики и интересах всех трудящихся классов... Коммунисты Италии отныне решительно ставят на повестку дня назревшую проблему действительного участия рабочего класса и трудовых слоев в руководстве политической и государственной.

На политической сцене современной Италии компартия занимает видное, значительное место. Объединяющая около 1,7 миллиона членов, обладающая четкой организационной структурой, она постоянно пополняется свежими силами. Представляет собой авангард пролетариата Италии (40 процентов членов ИКП — рабочие, 17,5 процента — батраки, крестьяне), она неизменно упрочивает свой авторитет в широких демократических слоях общества, среди интеллигенции и молодежи. И вовсе не случайно, что так много молодых лиц видим среди делегатов на съездах ИКП.

Перед возвращением домой я встретился в Центральном комитете ИКП, чтобы взять интервью, с членом Руководства, секретарем ЦК ИКП товарищем Джиан Карло Пайетта. Конечно, шла речь и об укреплении партийных рядов, о ходе последней кампании обмена партийных билетов. Товарищ Пайетта сказал, что с первых же дней кампании по возобновлению партийных документов на 1975 год проходила успешно. На протяжении первых десяти ноябрьских дней было вручено сто тысяч партийных билетов — больше, чем в

те же дни прошлого года. А в самый канун нового года «Уинка» сообщила, что в партию вступило более 62 тысяч новых членов, большинство из которых — молодые рабочие.

Я попросил товарища Пайетта охарактеризовать новое пополнение партии, выделить особые качества молодой коммунистической поросли.

— Надо сказать, — заметил он, — что молодежь приходит к нам уже с богатым опытом. Сейчас она является главным героем крупнейших пролетарских стражений, участником антифашистских манифестаций; она получила уже серьезную политическую закалку. Мы можем сказать, что молодое поколение трудовой Италии приходит к нам сознательно, с желанием бороться, самоотверженно работать в такой авторитетной массовой организации, какой является Итальянская компартия.

Италия считается страной классических академий всех искусств. Это, видимо, так. Но наряду с классическими я увидел здесь и академию классовую — высшую школу классово-борьбы, где получают пролетарское воспитание сотни тысяч таких парней, как Вальтер Бертолино.

Когда мы с Вальтером познакомились чуть поближе, он расположил к себе своей естественной общительностью. Открытый, честный, общительный парень, каких много на рабочей окраине. Самая крупная особенность — моговелолюбие, самое страстное увлечение — футбол (вратарь с десятилетним стажем). Как и все в Италии — немного коллекционер, немного спорщик, немного кинолюб. Он располагает к себе определенностью в образе мышления, своей постоянной готовностью что-то всерьез изучать, всерьез делать. Своей открытостью и простотой человека, которому нечего скрывать. Атмосфера родительского дома, витаминный «боргато россо» наконец избавили его от всякой претенциозности, хотя это отнюдь не бесстрастная натура; от манерности и украшательства, которыми так злоупотребляют бесхарактерные молодые люди, изнуренные бесцельными мотивами, хотя у Вальтера, врожденного ребячьего вояжа, конечно же, есть потребность постоянно быть в центре внимания. Он свободен от импульсивной возбудимости, и неудачи не придают ему прессою пессимизма. Такая уравновешенность в характере алушает чувство надежности старшим товарищам, которые дают ему множество ответственных поручений.

Кстати, по поводу «предпочтительной психологии» мне рассказали приятельский эпизод. Однажды кто-то из товарищей спросил Пальмиро Тольятти, какой душевный настрой должен быть у коммуниста, что предпочтительнее ныне — оптимизм или пессимизм. Тольятти ответил: в политике опасно и то и другое. Надо уметь оценивать ситуацию такой, как она есть — в действительности.

Реализм в служении идее — это, пожалуй, доминирующая черта людей, которых Вальтер считает своими учителями, которым всегда желает подражать, с которыми всегда счастлив идти рядом.

Конечно, непросто разобраться в реальной обстановке, если у тебя всего лишь два-три года организаторской работы в молодежном союзе, а политическая жизнь фантастически сложна, каждый день преподносит немислимые сюрпризы в виде неразрешимых конфликтов и катаклизмов, все более изощренных форм социальной борьбы.

Разумеется, яснее всего, что надо делать, если голову поднимает фашизм, если совершается очередная вылазка. Здесь все рассчитано до минуты, когда надо вскопичить на велосипед, до каждого угла, где должны гневно вспыхнуть эти вот приговоренные уже плакаты: «Изолировать фашистов, защитить демократию во что бы то ни стало!»

Но вот, скажем, еще вчера было совершенно ясно, что всецело полезно разоблачать политику звиничивания, всеми средствами препятствовать наступлению монополий на бюджет трудящихся масс. А сегодня в Турине всплеснулась волна «гражданского неповиновения» — организованные группы людей отказываются признавать нововведенные цены: за электричество они намерены платить только по старым тарифам, в автобусе новые билеты готовы брать только за прежнюю цену. Эффективно. Решительно. Но беззаконно! За спиной «гражданского неповиновения» маячит уже мрачная тень высвобождающегося джина анархии. Уже где-то толпа пригнутом взяла магазины, где-то спровоцированы столкновения с полицией... Преступления эксплуататоров, такие вроде бы явные, заслоняются «преступлением масс». Потребность в порядке позволяет

монополиям уверенно опереться на штыки стражей порядка, и удары обрушиваются на истинных защитников интересов народа. Как здесь точно определить линию поведения на каждый момент, если твои симпатии на стороне протестующих, если твои единомышленники требуют солидарности, а твоей партии отнюдь не по ее иже угрожает политическое фиаско!

Еще трудней в повседневных стычках с левыми-экстремистами, которые стремятся завоевать молодых, завести в лабиринт революционной фразеологии. Полюбуйтесь на их заборную творчество, наблюдайте на кушачьи демонстрации, послушайте на случайные сдоиды. Они бесцеремонны и громкоголосы, выкрикивают не к месту высокие призывы и лозунги, хватаются за наши же красные знамя. Они удивительно образно натаскивают молодых людей, заставляя на свой манер прочитывать марксистские книжки, обучая наиболее толковых своеобразной политической версификации. Сознательно или несознательно левая беспощадно эксплуатирует чувство юношеского романтизма, поспешную жамду «решительного действия» и немедленных побед. Не случайно Винни прозвал везунку «дитяской болонкой». Ее инфекционная сила особенно действенна в юношеской среде, не защищенной стойкой социальной привычкой. «Дитящая болезнь», конечно, скоротечна. Человек взрослеет, арело сопоставляет фразы и фантики, находит свое настоящее место в рядах борцов. Но не исключены и потери душевных сил, и растрата времени, и более непоправимые утраты.

Самого начала мне хотелось узнать, в что, собственно, этот современный молодой итальянец вообще знает о великом движении, и чем конкретно видит смысл действий человека партии? Каким кодексом чести готов руководствоваться? К объяснению этого подошло неожиданное предложение Франко: «Посмотрите папку у отца. Это книги Вальтера. Он их все перечитал...»

В самом деле! Скажи мне, кто твои друзья... Кого собрал здесь для повседневных встреч и самых доверительных общений двадцатилетний туринский парень? Сидимы томо: Сен-Симон, Бабуэр, Маркс, Ленин, Грамши, Тольятти, Лонго...

Каждый том Вальтер готов сопроводить пояснениями — когда и для чего принес в дом, над чем усиленно работал, что важного извлек, что перечитывал дважды и трижды. «Эти интересные новеллы о нашей партии я хотел бы подарить тебе», — протягивает он svojий белоснежный том с деревянной надписью, видимо, решая, что мне полезно пополнить свои знания по истории коммунистического движения Италии. А если уж я хочу знать, что он, Вальтер, думает о коммунистах, то мне нужно заглянуть в первый том русского издания Грамши и найти там страницу, где все, что он думает, сказано умно и кратко. И пусть эти слова произнесены еще во времена Ленина — они до сих пор останутся неизменяющейся правдой, люди чувствуют их вот здесь, сердцем... Потом в разнакльи том и страницу. Вот этот страстный монолог!

«Кто такие коммунисты Италии, коммунисты России? Это люди, которые стараются разобраться в этой обстановке разрушений и индигты, стараются среди этого хаоса разорванья отыскать в реальной действительности такие устойчивые построения и жизнеспособные силы, на которые можно было бы опереться при создании новых институтов, нового общественного здания, нового государства. Это рабочие, которые верят в свой класс, который хочет сделать его творцом нового права, новых порядков. Это исследователи общественной жизни, различающе в этой картине контуры той ситуации, возникновению которой предсказывал Маркс, говоря о будущем развитии человеческого общества... Итальянские коммунисты, как и коммунисты всех стран, считают, что коммунистическая революция является необходимым моментом в общем ходе развития мировой истории; они «кстати» тогда, что, чего можно хотеть людям: готовиться к событию; вооружаться, чтобы быть сильными, создавать организации, чтобы быть стойкими и способными к сопротивлению, вести воспитательную работу, чтобы укрепить веру, воодушевить, чтобы вселить отвагу, открывать широкие горизонты, чтобы и отдельные лица и массы видели, что они являются составной частью всемирной системы сил, с одинаковой страстностью и одинаковой верой борющихся за достижение одной и той же цели».

Мне кажется, Вальтер Бертолино отлично понимает, какую трудную и прекрасную судьбу избирает он сам и те люди, которые придут и вступят за новым партийным билетом.

ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ВУЗ И ЖИЗНЬ
2. ВЕНГЕРСКАЯ ШКОЛА. ГОД 2000
3. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
4. КОТОРЫЙ ЧАС! ВЗГЛЯНИТЕ НА ТЮЛЬПАНЫ
5. ГОЛОВА ВСЕГО НЕ ВЫНЕСЕТ
6. МЫ СПУСТИЛИСЬ В ЭТНУ
7. 200 «ПРЫЖКОВ СМЕРТИ» ИВЕЛА НАИВЕЛА
8. НЕВРОЗ! НЕТ, КОФЕИН!
9. СТАРИННЫЙ ХРАМ ПЕРЕЕЗЖАЕТ
10. ДИПЛОМ ОБХОДИТСЯ ДОРОЖЕ

1.

Недавно в ГДР был принят закон, по которому предприятия получили право направлять на учебу в вузы лучших молодых работников. Установлено, что такие студенты относятся к учебе более добросовестно и, кроме того, положительно влияют на морально-политический облик других студентов. Пополнение студенческих рядов таким путем увеличивает процент молодежи рабочего и крестьянского происхождения. Система производственной практики организована так, что уже на третьем курсе студент знакомится со своим будущим местом работы и именно там проходит практику, согласовывая с руководством предприятия тему своей дипломной работы, чтобы она решала задачу, стоящую перед производством.

Следует сказать, что статья студентом в ГДР не очень просто — с 1972 года число студентов «заморожено» на уровне 110 тысяч человек, а количество принимаемых на первый курс установлено в 30 тысяч человек. При приеме в вуз учитываются не только результаты вступительных экзаменов, но и результаты экзаменов на аттестат зрелости, а также, как гласит соответствующий закон, «активное участие в строительстве социалистического общества и готовность к активной защите социализма».

Сама учеба требует немалых усилий. Занятия ведутся по десять и более часов в день. Летом большинство студентов трудится в сельских кооперативах, помогая в уборочных работах, или же на стройках. На каникулы остается не более трех-четырех недель. Последняя реформа высшего образования срок обучения в институте снизила до четырех лет, не считая немногочисленных исключений, например, в медицинских вузах. Посещение всех лекций и занятий является обязательным, а в случае несдачи экзамена полагается дать соответствующее объяснение коллективу молодежной организации.

При всем этом студенты активно участвуют в общественной работе и находят время для разных видов активного отдыха, начиная от туризма и кончая фотографией.

«НОЙЕ БЕРЛИНЕР
ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР

2.

В Венгрии проводится широкая дискуссия о том, какой должна стать школа в двухтысячном году. По мнению специалистов, будущая система школьного образования должна быть прежде всего гибкой, должна давать большие возможности правильного выбора профессии и лучше готовить к жизни.

Педагоги согласны, что срок обучения в средней школе необходимо будет продлить до 10 или даже до 12 лет. Разделение детей на классы будет зависеть от фактического развития и интеллектуальной зрелости учеников. Принятие этого принципа должно в будущем ликвидировать отстающих детей затруднения, являющиеся для них серьезной психологической нагрузкой, поскольку такие дети плохо «вписываются» в коллектив класса. При этом обучение в школе начнется с более раннего

возраста: последний год пребывания в детском саду станет первым школьным годом.

В будущей средней школе будут введены факультативные занятия, и дети с 10—11-летнего возраста смогут в определенной степени сами формировать для себя учебную программу в зависимости от своих интересов.

После окончания учебы ученики в течение полутора лет будут получать профессиональную подготовку (что соответствует нынешнему среднему профессиональному образованию). Срок в полтора года признан вполне достаточным, поскольку средняя школа обеспечит высокий уровень общеобразовательной подготовки.

Кандидатов для обучения в вузах будет ожидать годовой подготовительный курс.

В результате проведения реформы к началу XXI века венгерские юноши и девушки, оканчивающие среднюю школу, будут иметь достаточно высокий уровень среднего образования, который явится необходимым условием для их дальнейшей работы и учебы.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

3.

В Венесуэле вступил в силу декрет о национализации железорудной промышленности. Сделан важный шаг на пути перехода в руки государства национальных природных богатств.

Национализация положила конец господству американских компаний в важной отрасли венесуэльской экономики. Они не смогут больше обогащаться на эксплуатации железорудных месторождений, ставших теперь собственностью государства.

Хозяйничанье иностранных компаний нанесло огромный ущерб стране. За последние 24 года они добыли 323 миллиона тонн железной руды, причем 97,5 процента из них вывезли в Соединенные Штаты.

Для развития железорудной промышленности создана государственная компания «Корпорасьон венесуэла де Гуайана». Обнародованы планы развития национальной металлургической промышленности. Венесуэла намеревается в течение ближайших трех лет довести производство стали до 5 миллионов тонн в год. Это даст возможность ежегодно экономить около 10 миллионов долларов, которые затрачивались ранее на импорт стали.

Обращаясь с речью к народу, президент страны Карлос Андрес Перес сказал: «Венесуэла встала на путь национализации природных ресурсов». Он также подчеркнул, что в своей внешней политике Венесуэла не собирается использовать железо или нефть в качестве орудия конфронтации. В связи с этим он осудил Соединенные Штаты за то, что они приняли закон о торговле, который содержит дискриминационные положения в отношении Венесуэлы и других государств — членов ОПЕК, защищающих свои интересы стран — экспортеров нефти.

«БОЭМИА», КУБА

4.

Простейшие песочные часы появились пять тысяч лет назад. Их изобрели древние египтяне. Но первыми часами были солнечные, появившиеся примерно за четыре тысячи лет до нашей эры. Время измерялось по длине тени, отбрасываемой палкой, вертикально воткнутой в землю. А ночью использовались водяные часы — принцип был тот же, что и в песочных: вода капала из одного сосуда в другой.

Подобные часы использовались в Англии до XV века. И хотя точный хронометр для судов был создан в 1736 году, флот использовал песочные часы еще в течение ста лет.

В начале XIX века началась работа над созданием электрических часов, и в 1842 году Хили, наконец, изобрел такие часы.

Современная технология позволяет добиваться почти абсолютной точности. Чуть «спешащие» часы уйдут за тридцать лет вперед всего лишь на одну секунду. А атомные часы, разработанные в английской Национальной физической лаборатории, ошибутся на секунду за три тысячи лет работы.

Однако приз за наиболее необычные и прекрасные часы должен быть, несомненно, адресован Каролусу Линнаеусу, шведскому натуралисту.

Линнаеус подметил, что различные цветы раскрываются и закрываются в строго определенное время дня. Поэтому он распустил цветы на клумбе в хронологическом порядке — цветы одного сектора раскрываются в восемь, следующие в девять часов и так далее.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

5.

Это случилось на пятнадцатой минуте футбольной встречи двух западногерманских клубов — «Кинцингаль» и «Хаузах». Нападающий «Кинцингаль» Рихард Кох после блестящего удара головой застал от боли и упал без сознания. Несколько часов спустя этот двадцатилетний молодой человек, студент факультета германистики, скончался от кровоизлияния в мозг. В связи с этим случаем лондонская газета «Санди таймс» подсчитала, что с 1931 года произошло 55 футбольных травм со смертельным исходом. Специалисты считают, что в футболе удар по мячу головой может быть так же опасен, как и удар в голову в боксе. И странного в этом ничего нет, ибо футбольный мяч, весящий от 396 до 453 граммов, при резком ударе достигает скорости 95 километров в час. Столкновение с подобным «снарядом» может легко лишить игрока сознания вследствие сильного сотрясения мозга, но обычно опасность отражения мяча головой спортивные врачи и тренеры недооценивают. И если боксер после нокаута должен отпасть от дальнейшего боя и по крайней мере несколько недель не выходить на ринг, то футболисты, освободившись мокрым полотенцем, в большинстве случаев продолжают играть дальше. Гельмут Шён, тренер западногерманской сборной команды, которая в прошлом году завоевала звание чемпиона мира, сказал о спортивных врачах: «Снаковые лошади по сравнению с футболистами пользуются гораздо большим вниманием врачей». Но и Гельмут Шён не запрещает, разумеется, своим подопечным игру головой, наоборот, такая игра входит в разработанную им систему тренировок. Резкий удар мяча в голову может вызвать не только сотрясение мозга, но и привести к повреждению нервной системы. Следствием являются сильные и продолжительные головные боли. Оксфордский невролог Уолтер Мэттьюз считает, что для этого достаточно смещения черепных костей всего на одну сотую миллиметра. На другую опасность обращает внимание доктор Басс, бывший врач английской национальной сборной команды. По его мнению, частая игра головой приводит к износу шейных позвонков, и потому у тридцатилетних футболистов они в таком же состоянии, как у сорокапятилетних мужчин, не играющих в футбол. Однако у футболистов при всем этом не было отмечено снижения умственных способностей, что часто бывает у боксеров.

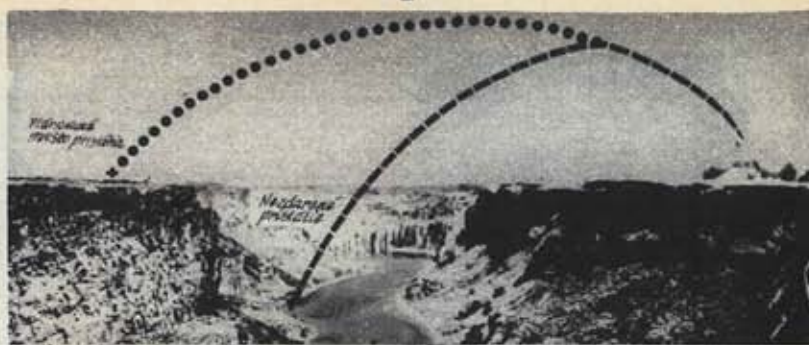
«ШТЕРН», ФРГ

6.

Два журналиста — Жан-Поль Жансен и Антонио Николосо, — сопровождаемые проводниками, спустились в кратер вулкана Этна. Вот что рассказывает об этом опасном путешествии Жансен: «На высоте 3300 метров было очень холодно. Дрожала земля. В кратере оглушал грохот взрывов. Перед спуском по длинной лестнице мы надеваем наши «доспехи» — одежду из асбеста, покрытую алюминиевым слоем, отражающим тепло. Кроме того, на нас ботинки с очень толстой подошвой, позволяющей идти по почве, температура которой 250—300 градусов. Вместо шлема — каска из стекловолокна, которая выдерживает удары до 100 килограммов и снабжена слуховым окном. Я снимаю Антонио, который впереди меня спускается в бездну. Под моими пальцами тонкие перекладины лестницы, дрожащей при каждом взрыве. Газ ударяет в нос и глаза. Антонио на 400 метров ниже меня. Он уже шагает по «лунному пейзажу» зелено-фисташкового цвета, с сильно потрескавшейся поверхностью. Я следую за ним. Мы оба теперь у самого кратера. Грохот невероятный. Я не прекращаю снимать. Внезапно силы покидают Антонио. Он с трудом выпрямляется, указывая жестом на лестницу, и делает мне знак подниматься. Я не надею каску: она мешает снимать. На мне только маска для защиты от газа. Тут я совершаю ошибку: на короткое время снимаю маску, чтобы лучше «стрелять» своей камерой. Мгновенно начинаю задыхаться. Надеваю маску. Катастрофа! Она неисправна. У меня впечатление, что я глотаю серу. С огромным трудом, цепляясь за каждую перекладину, ползу вверх. Подо мной, внизу, обесивший Антонио. Он на сорок метров дальше проник в совершенно ядовитую атмосферу. Антонио как будто застыл на месте. Затем он снова спускается. Я на мгновение теряю самообладание, затем понимаю, что он спустился ниже, чтобы немного подышать кислородом, который есть в этом месте. Я вижу, как он снимает каску. Он неподвижен. Видно, как борется он с охватившей его паникой. Проводники, пришедшие мне навстречу, обеспокоены. Они знают, что Антонио там, внизу, неподвижен: веревка для вызова, которой они связаны, не движется. Я решаю снова спуститься навстречу Антонио. Он по-прежнему остается на лестнице. Видно, что он задыхается, борется с бессилием. С трудом передвигаясь на одну, две перекладины, пытается восстановить дыхание и не может. Но инстинкт человека, выросшего около вулкана, его хладнокровие диктуют ему необходимые движения: подниматься медленно, методично.

Я по-прежнему снимаю фильм. Что еще делать? Обеспокоенные проводники кричат Антонио. Он не отвечает. Но я теперь верю, что Антонио, человек огромной воли,

выйдет из кратера. И вот он появляется, улыбаясь. Нам кажется, что наше путешествие длилось не 60 минут, а целую вечность».

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

7.

35-летний американец Ивел Найвел называет себя последним гладиатором. И не удивительно. Этот «автомотоартист» готовился продемонстрировать перед 200 тысячами зрителей своеобразное шоу: перескочить через более чем километровой ширины каньон Змеиной реки вблизи Гвин-Фолс (штат Айдахо). На своем «воздушном мотоцикле X-2», сконструированном из частей ракеты, Ивел Найвел собирался пролететь над каньоном Снейк-Ривер со скоростью 580 километров в час и приземлиться с помощью парашютов на другом краю каменного обрыва. Тренировочный полет хотя и был неудачным, но закончился счастливо для Найвела: «мотоцикл» приземлился, вернее, привалился, в реку, и дело обошлось лишь легкими ранениями. Свою неудачу он комментировал лаконично: «Рано или поздно все равно умирать...»

Каскадер-дублер многих голливудских киногероев, Найвел был когда-то профессиональным хоккеистом, а также участвовал в гастрольных поездках группы автородео. Он совершил уже более 200 различных «прыжков смерти», которые принесли ему, если не считать множества переломов и травм, шесть миллионов долларов. Большие средства пришлось ему вложить в организацию и рекламу своего последнего суперскачка. Найвел оценивает свои шансы 50 на 50. Его жена и трое детей безуспешно пытаются отговорить его от этой затеи: слава или смерть — вот девиз, являющийся, как он сам говорит, смыслом его жизни.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

8.

Пациент обеспокоен. Он плохо спит, руки его слегка дрожат. Но прежде чем изучить состояние его нервной системы, спросите больного, сколько пьет он кофе, чая и кока-колы! Высокая доза кофеина может послужить причиной появления таких симптомов нарушения деятельности центральной нервной системы, которые трудно отличить от тех, что вызываются нервными потрясениями. Двести пятьдесят миллиграммов кофеина в день — довольно солидная доза, однако человек, который выпивает три чашки кофе, две таблетки против головной боли, содержащие кофеин, и бокал кока-колы или пепси-колы перед обедом, принимает приблизительно пятьсот миллиграммов кофеина.

Доктор Джон Гриден изучал случаи увлечения кофеином, и среди них историко болезни одной женщины, которая в течение трех недель страдала головокружениями, сердечной аритмией, неврозами и головными болями. Выяснилось, что она выпивала в день от 10 до 12 чашек кофе, которые содержали свыше тысячи миллиграммов кофеина. Все ее болезни исчезли спустя тридцать шесть часов после того, как она перестала пить кофе.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

9.

Технология передвижки зданий не так нова, как кажется на первый взгляд. Еще в 1455 году в Болонье была передвинута на 18,4 метра колокольня весом в 407 тонн. Автор расчетов и организатор передвижки работ, знаменитый зодчий Аристотель Фиораванти был так уверен в своих выкладках, что при передвижке посадил на колокольню своего единственного сына.

Чехословацкие инженеры, которые в этом году должны завершить передвижку уникального позднеготического храма в городе Мост, решили последовать традиции Фиораванти. Правда, детей своих в храм они не сажали, но сами решили разместиться в специальной кабине, установленной на здании. Храм, вес которого составляет 11 тысяч тонн, должен быть передвинут на расстояние 850 метров.

Зачем же понадобилось передвигать уникальное сооружение?

Дело в том, что в этом районе издавна велась разработка открытым способом каменного угля. И теперь район разработок приблизился почти вплотную к самому храму. Можно было бы оставить старинное здание на своеобразном столбе из каменного угля, можно было также попробовать разобрать храм, а потом собрать его в другом месте. Но после изучения опыта передвижки зданий в СССР и Франции работники предприятия «Трансфера» решили двигать храм. Здание было укреплено трубчатыми стальными конструкциями, а под фундамент подведена железобетонная рама. Наиболее важной частью подготовительных работ

было отделение храма от фундамента и закрепление колонн. Затем пришлось тщательно определить трассу движения, учитывая остатки полузасыпанных старинных шахт и штрассе по дороге. Положение было осложнено тем, что не сохранилось никаких старых карт и планов подземных разработок.

Координацией действий по передвижке готического храма управляет ЭВМ, а заданное положение здания с точностью плюс-минус 1 миллиметр поддерживается с помощью электронных уровней, гидравлических цилиндров и сервомеханизмов. Храм передвигается поэтапно, со скоростью от 1 до 3 сантиметров в минуту. Последний этап будет завершен в конце этого года.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

10.

Во всех американских высших учебных заведениях плата за обучение возрастет в этом году не менее чем на десять процентов. Это будет самое высокое одностороннее повышение за всю историю американского высшего образования.

Один год учебы в «приличном» университете (а высоко ценится именно подобный университет) будет обходиться свыше шести тысяч долларов. Такие университеты, как Йельский (6670 долларов в год), Гарвардский, Колумбийский, Принстонский, Браун-Корнельский, Дартмутский (около 6500 долларов в год), становятся практически доступными только для молодежи из весьма состоятельных семей.

Плата за обучение не составляет всей этой суммы. Так, например, в Колумбийском университете собственно плата за обучение составляет 3680 долларов, но к этому прибавляются такие расходы, как плата за жилье и питание (1914 долларов), стоимость учебных пособий (750 долларов) и прочее.

Дешевле обходится обучение в университетах штатов, но и им приходится повышать плату за обучение, учитывая растущую стоимость жизни. Вообще же власти штатов пытаются удержать плату за обучение на возможно более низком уровне, однако добиться этого трудно. Для покрытия растущих расходов на содержание университетов приходится вводить систему дифференцированной платы за обучение: жителям «чужих» штатов приходится платить дороже.

В настоящее время «выход из положения» для студентов еще более труден, чем прежде, ибо раньше они могли найти себе какую-нибудь эпизодическую работу или приработать во время каникул, но теперь с подысканием таких заработков стало гораздо труднее. «Мне, пожалуй, придется отказаться от дальнейшей учебы», — говорит, например, студент Пенсильванского университета Джонатан Цимман, — ибо я один из четверых детей и у моего отца попросту нет денег на мое содержание». Другой студент рассказал о том, как во время каникул поехал домой, чтобы по примеру прошлых лет подзаработать там на учебу в университете в дополнение к родительской дотации: «Я зашел на знакомую фабрику, где подрабатывал прошлым летом. Мне сказали: сынок, у нас ты ничего не найдешь. Как раз позавчера нам пришлось уволить 500 постоянных работников...»

«ДООКОЛА СВЯТА», ПНР

Рисунки Валерия СУДАРЕВА

Рисунок Петра КУЛИНИЧА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА
ВИКТОРА ЛЮБЛИНСКОГО

С НОНОЙ БУДЕТ ИГРАТЬ НАНА

Осенью нынешнего года чемпионке мира Ноне Гаприндашвили предстоит защищать шахматную корону. Почетное право встретиться с чемпионкой получила в результате сложного многоступенчатого отбора молодая советская спортсменка, землячка Ноны Нана Александрия. Решающей явилась ее нелегкая победа в продолжавшемся более полутора месяцев финальном матче претенденток над ленинградкой Ириной Левитиной со счетом 9:8.

Вот один из запоминающихся фрагментов этого поединка, который отлично иллюстрирует яркий, темпераментный стиль игры На-

ны — 25-летнего филолога из Тбилиси.

К этой позиции игра свелась после 13-го хода черных в седьмой партии матча между Н. Александрией (у нее белые) и И. Левитиной. Неожиданной комбинацией, связанной с двумя подряд тактическими ударами, белые вскрывают линии для атаки.

14. b2—b4! Cc5 : b4
15. Kc3 — d5! e6:a5
16. Фd2 : b4 0—0—0.

Конечно, рокировка в данную ситуацию вряд ли черным по душе, но у ленинградки не было иного выбора. Промедление с рокировкой «смерти подобно»: например, в случае 16. ...Ke5 17. Ce5 de 18. ed a5 19. d6 ab 20. Le5+ Kpd8 21. dc+ Kp : c7 22. Le7! ресурсы защиты у черных не оставались.

17. Cf4 : d6 Фc7 — c4
18. e4 : d5! Фe4 : e2.

Эндшпиль без пешки при размене ферзей выглядел объективно безрадостным, хотя технически белым еще пришлось бы немного потрудиться.

19. Фb4 — c5 + Cd7 — c6
20. d5 : c6 b7 — b6
21. Фc5 : b6 Фe2 : f2 +
22. Фb6 : f2 Kg4 : f2
23. Cd6 — f4 g7 — g5
24. Cf4 : g5 Ld8 — d1 +.

Левитина изобретательно

обороняется, пытается получить шансы на спасение в варианте 25. Kp : f2? Л : a1 26. Cf6 Л : a2 27. C : h8 Л : c2+ и т. д. Но белые проявляют необходимую бдительность.

25. La1 : d1! Kf2 : d1
26. Cg5 — f4 f7 — f5
27. Cg2 — f1, и белые легко реализовали свой перевес.

ПОБЕДИЛ НИКОЛАЙ РУДЕНСКИЙ

1975 год ознаменовался завоеванием советскими шахматистами еще одного первенства мира. Золотая медаль досталась москвичу, мастеру спорта Николаю Руденскому, который взял верх в мировом чемпионате для незрячих шахматистов. Это представительное соревнование (в нем участвовали спортсмены 21 страны) проходило в ФРГ, в городе Берлебурге.

Н. Руденский добился высокого спортивного показателя — 9 из 11 — и сыграл ряд интересных шахматных партий. Вот, скажем, как выглядел финал его острого поединка с австрийцем В. Тифенбахером. На диаграмме — положение фигур, сложившееся после 21-го хода черных.

Конь белых на поле d6 весьма грозен, однако в их лагере имеется ряд ослаб-

ленных пунктов. Поэтому черные тешили себя определенными надеждами, но на поверку они оказались иллюзорными. «Винюником» этого был Н. Руденский, который смелой жертвой качества пресек попытку партнера развернуть контригру.

22. Фd2 — f2! Фc7 — a5
23. g2 — g4 Kf5 : d6
24. e5 : g6 Ke7 — g6
25. Kf3 — d2! Cc6 : h1
26. Kd2 — c4! Фа5 — b4
27. Ld1 : h1 e6 — e5
28. a2 — a3!

Белые искусно отбрасывают неприятельского ферзя и лишают его возможности в решающий момент подоспеть на помощь своему королю. Сильное впечатление оставляет заключительная жертва ладьи.

28. ...Фb4 — b3 29. Фf2 — f5

Lf8 — e8 30. Lh1 — f1
e5 — e4 31. Фf5 : f7 +
Kpg8 — h7 32. Cd3 — c2
Фb3 — b5 33. Lf1 — f6!
Kg6 — f8 34. Lf6 : h6 + !!, и ввиду неизбежного мата черные сдались.

ЧТО ТАКОЕ ДОМИНАЦИЯ?

Этим термином в шахматной композиции называется контроль над определенными полями, которые оказываются недоступными находящейся под ударом фигуре противника. На тему доминанции составляется немало интересных этюдов.

Попробуйте, например, найти выигрыш в этюде А. Селецкого, посвященном доминанции и удостоенном первого приза на всесоюзном конкурсе 1931 года.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/VI 1975 г. А 00866. Подписано к печати 24/VI 1975 г. Формат 70×108¹/₂. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд № 1518. Заказ № 688. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЛЮБОВЬ

Проходят годы, отнимая и даря,
То — через сердце напрямик, то — стороной.
Закреть не могут лепестки календаря
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне той весной.
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне — любовь.

Все изменилось — и мечты и времена.
Все изменилось — город мой и шар земной.
Все изменилось, неизменна лишь одна
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшая ко мне той весной.
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшая ко мне — любовь.

Куда вас буря унесла, мои друзья!
Еще недавно пировали вы со мной.
Теперь единственного друга вижу я —
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне той весной.
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне — любовь.

Что ж, покорюсь я наступающим годам,
Отдам им все — и блеск дневной и свет ночной.
Лишь одного я — пусть не просят — не отдам:
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне той весной.
Любовь, любовь, любовь, любовь,
Пришедшую ко мне — любовь.

Стихи Расула ГАМЗАТОВА.
Перевод Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.
Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА.

СЕРДЦЕВНО. *mf*

ПРО-ХО-ДИТ ГО-ДА, ОТ-НИ-МА-ЮТ И ДА-ЮТ -

- МА-Л И И ЗА-РА-Т, ТО - ЧЕ-РЕЗ СЕР-ДЦЕ НА - СТО-РО-Ю -

- МОЖЕ-ТО СТО-ПО - МОЖЕ, ЗА - КРЫ-ТЬ НЕ МО-ГУТ ЛЕ-ПЕ-СТКИ КА-ЛЕН-ДА-РЯ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

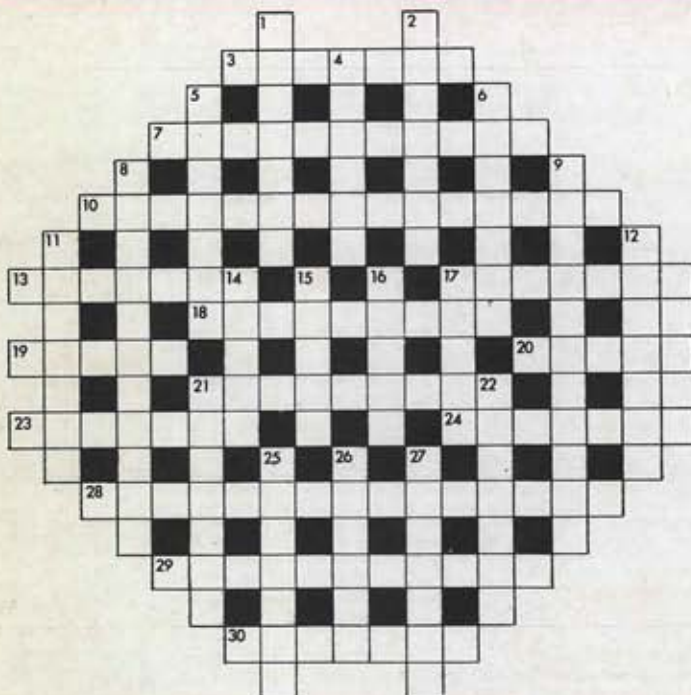
- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

- ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ЛЮ-БОВЬ, ПРИШЕ-ДШУ КО МНЕ ТОЙ ВЕС-НОЙ -

КРОССВОРД

Составил А. ЛАВРЕНЧЕНКО
г. Пермь

По горизонтали:

3. Субтропическое пло-
довое дерево. 7. Советский аг-
рохимик и физиолог расте-
ний, Герой Социалистическо-
го Труда. 10. Стихотворение
В. Маяковского. 13. Полки
для книг. 17. Курорт на юго-
западе Франции. 18. Север-
ное созвездие. 19. Норвеж-

ский драматург. 20. Вид гра-
вюры. 21. Деталь роля, пи-
анино. 23. Советский носко-
навт. 24. Основное населе-
ние союзной советской рес-
публики. 28. Отрасль произ-
водства в системе тяжелой
промышленности. 29. Науч-
ная работа. 30. Декоративное
южное растение.

По вертикали:

1. Музыкант. 2. Латинский
шрифт. 4. Домашнее живот-
ное. 5. Персонаж романа
Н. Островского «Как закаля-
лась сталь». 6. Расположе-
ние шахматных фигур в иг-
ре. 8. Руководитель рыбного
лова на специальном судне.
9. Раздел науки о Вселенной.
11. Наземная часть травяни-
стого растения. 12. Специ-
альное место для экспона-

тов, образцов товаров. 14.
Народный артист СССР, Ге-
рой Социалистического Тру-
да. 15. Начало реки, ручья.
16. Марка советского ном-
байна. 17. Край суши у во-
доема. 21. Специалист, наб-
людающий за работой ма-
шин. 22. Химический эле-
мент. 25. Быстроходное суд-
но. 26. Музыкальная пьеса в
стремительном темпе. 27.
Город в Краснодарском крае.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
в № 13

По горизонтали:

1. Фазан. 3. Бекар. 6. Кин-
шаса. 9. Одарка. 10. Метеор.
11. Нарбада. 12. Термобаро-
камера. 16. Чавыча. 17. Тур-
нир. 18. Экран. 19. Глагол.
21. Матлот. 22. Рекогносци-
ровка. 28. Опискин. 29. Ука-
яли. 30. Осетин. 31. Назаров.
32. Змиев. 33. Мокко.

По вертикали:

1. Фиорд. 2. Знание. 4. Кле-
вер. 5. Рерих. 6. Канцона.
7. Шабер. 8. Амарант. 12.
Траулер. 13. Авокадо. 14. Об-
разец. 15. Аризона. 20. Лиг-
ронн. 21. Миронов. 23. Ерга-
ни. 24. Сосна. 25. Кортик.
26. Круиз. 27. Манго.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В СКАЗКУ

Молодой художник Клим Сапегин посвятил свое творчество сказке. Летят серебристо-голубые лебеди в сероатой дымке северных андерсеновских небес, стережет золотой петушок белокаменный город, едет на могучем коне сивозъ густые леса добрый богатырь Илья Муромец, побеждает великана храбрый портняжка — в каждой сказке торжествует справедливость, добро побеждает зло...

Клим Сапегин вырос в семье, где рисование было делом обычным, повседневным. Отец — известный театральный художник, мать — скульптор и живописец. Клим получил образование архитектора. После окончания института оформлял международные выставки, писал театральные декорации, занимался живописью и скульптурой.

В его комнате на полках стоят вырезанные из цельных кусков дерева задумчивые идолы, толпятся смешные старички и старушки, как будто только что вышедшие из леса, взлетают тонкие фигурки акробатов, а над ними гаснут вечерние сумерки деревенских пейзажей, нежно светятся нехитрые натюрморты, глядят, любопытствуя, простодушные крестьянки.

Клим Сапегин — страстный охотник и путешественник. Все, что он увидел и пережил, продолжает жить в его живописных работах, перовых рисунках и литографиях. Это пейзажи среднерусской полосы, горного Крыма и Уссурийской тайги, серии работ, посвященные цирку, портреты...

Но, пожалуй, главное направление его творчества — это диафильм. Свободно владея техникой своего искусства, К. Сапегин создает своеобразные по исполнению, глубокие по мысли иллюстрации. Эпичны и монументальны кадры русской былины «Илья Муромец»; лиричны рисунки и сказки Г.-Х. Андерсена «Дикие лебеди»; звучна и ярка живопись иллюстраций и пушкинскому «Золотому петушку»; гротескны, активны по цвету рисунки к сказке Ю. Олеши «Три толстяка»...

Все эти кадры не просто рисунки-иллюстрации — это живопись, сложная и яркая, помогающая и ребенку и взрослому почувствовать и глубже понять мудрость и поэтичность сказки.

Лидия БОГУНОВА

